

4. N 1117

25

Ж. 702

4196

А. А. Жижиленко ^{инв. 13884.}
ор Ленинградского Университета

ИМУЩЕСТВЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

4036411-3774

Проверено 1948 г.

Предисловие.

Настоящая книга представляет собой систематическое изложение и анализ норм советского уголовного права об имущественных преступлениях, как они нашли себе выражение в Уголовном Кодексе и в отдельных узаконениях, его дополняющих. При рассмотрении положений Уголовного Кодекса использованы те разъяснения отдельных его статей, которые сделаны были в циркулярной практике НКЮ РСФСР и в судебной практике РСФСР и УССР, поскольку она нашла себе выражение на страницах „Еженедельника Советской Юстиции“ и „Вестника Советской Юстиции“.

Так как особенности постановлений Уголовного Кодекса особенно ярко выявляются из сопоставления их с постановлениями по тем же вопросам иностранных законодательств и так как, с другой стороны, отдельные его постановления уясняются лучше всего при подлежащем теоретическом их освещении, то в интересах всестороннего изучения советского уголовного права являлось необходимым хотя бы в общих чертах приводить соответственные постановления иностранных законодательств и толкования уголовно-правовой литературы.

Однако, для того, чтобы этот материал не загромождал непосредственного систематического анализа советского уголовного права, он отчасти набран особым шрифтом, отчасти помещен в примечаниях.

В примечаниях же нашли себе место те взгляды, которые были высказаны при толковании отдельных статей Уголовного Кодекса, как в судебной практике, так и в нашей литературе (в общих курсах по уголовному праву, в статьях, помещенных в юридических журналах, и в комментариях к Уголовному Кодексу), и которые расходятся со взглядами автора.

Автор.

Литературные пособия.

Познышев. Очерк основных начал уголовного права, II. Особенная часть, 1923 г.

Немировский. Советское уголовное право, Ч. общая и особенная, 1925 г.

Змиев. Уголовное право, часть особенная, В. I. Преступления против личности и имущественные, 1923 г.

Уголовный Кодекс Советских Республик. Текст и постановительный комментарий под редакц. С. Канарского, 1924 г.

Трайнин. Хозяйственные преступления, изд. 2, 1924 г.

Сверх того из книг, вышедших до революции и не потерявших значения при решении отдельных теоретических вопросов из области учения об имущественных преступлениях, можно назвать:

Фойницкий. Курс уголовного права. Часть особенная. Посягательства личные и имущественные, 1916 г. (изд. 7, под редакцией А. Жижиленко).

Познышев. Особенная часть русского уголовного права. 1912 г. (изд. 3).

Белогриц-Котляревский. Учебник русского уголовного права, 1903.

Пусторослев. Русское уголовное право. Особенная часть, в. I, 1913 г. (изд. 2).

Круглевский. Имущественные преступления, 1913 г.

СПбГУ

Введение.

§ 1. Общее понятие имущественных преступлений. Среди прочих преступлений, известных любому законодательству, особое место по своему социальному значению занимает обширная группа преступлений, именуемых имущественными.

Особенностью этих преступлений является то, что они направляются на правовые блага, могущие принадлежать как индивиду, так и коллективу, как личности, так и обществу, причем природа их не меняется от того, является ли в отдельном случае предметом преступления благо, принадлежащее человеку или обществу. Такими правовыми благами являются, с одной стороны, имущества в собственном смысле, с другой, т. е. нематериальные блага, имеющие отчасти личный, отчасти имущественный характер: это — проявления интеллектуального творчества человека (авторство) и предметы т. е. промышленной собственности (изобретение, промышленный образец, товарный знак, фирма).

Отсюда две подгруппы преступных деяний, относимых к группе имущественных преступлений: 1) преступления против имущества и 2) преступления против нематериальных благ.

Отдел I.

Преступления против имущества.

§ 2. Понятие и виды преступлений против имущества. Преступления против имущества имеют своим предметом то благо, которое именуется имуществом; благо это, в отличие от личных благ человека (жизни, телесной неприкосновенности, свободы, чести, половой неприкосновенности и внутреннего спокойствия), может принадлежать, как физическому лицу, так и коллективу людей, юридическому лицу. Имущественные преступления, в противоположность посягательствам на личные блага человека, не затрагивают его личности, как таковой, и посягают на человека лишь постольку, поскольку он является обладателем известного имущества или права на имущество.

Имущество, как объект преступлений этого рода, может быть понимаемо в двойном смысле: а) в смысле материальной вещи, т.-е. определенного предмета внешнего мира, являющегося объектом имущественных прав другого лица, и б) в смысле имущества, понимаемого, как право на имущество или как совокупность имущественных благ, охватывающих собой как материальные вещи, так и те или иные права по имуществу. В соответствии с этим одни имущественные преступления характеризуются, как посягательства на имущество в смысле материальной вещи, другие же направляются против имущества вообще.

Преступное действие в составе имущественных преступлений выражается в общем в двух видах: это 1) простое уменьшение сферы имущественного обладания известного лица, при котором преступное действие ограничивается нанесением имущественного вреда этому лицу, и 2) уменьшение сферы чужого имущественного обладания, сопровождающееся увеличением таким путем сферы имущественного обладания виновного, при котором преступное действие не ограничивается нанесением ущерба, а сопровождается еще приобретением виновным имущества. Как тот, так и другой вид этой преступной деятельности возможен как при посягательстве на имущество, как материальную вещь, так и при посягательстве на имущество, как таковое. В обоих этих случаях возможно, как повреждение имущества или причинение вреда, так и приобретение имущества.

Что касается преступлений против имущества, как материальной вещи, то в виду того, что вещь может быть предметом как чужого права собственности, так и иных имущественных прав, они выражаются или 1) в таких деяниях, которые затрагивают чужую собственность, или 2) в таких, которые посягают на иные имущественные права, являющиеся составными частями права собственности — права распоряжения, владения и пользования. Первая из этих двух групп в свою очередь распадается по особенностям преступной деятельности на а) повреждение имущества и б) приобретение имущества, т.-е. обращение его в свою собственность; последнее же может происходить или посредством аа) присвоения имущества, которое совершается без нарушения владения вещью, и бб) похищения имущества, которое является нарушением владения вещью и распадается на отдельные виды в зависимости от способа действия виновного: здесь различается или насильственный — тайный (кража), или открытый (грабеж) — или же насильственный (грабеж и разбой) способ действия виновного; кроме того приобретение имущества может происходить путем использования чужого имущественного преступления что образует вв) прикосновенность к приобретению имущества.

Среди преступлений против имущества вообще точно также можно различать обе названные группы преступлений: 1) причинение имущественного ущерба, которое может совершаться путем или а) злоупотребления доверием или б) неисполнения договора или в) наказуемой сделки, и 2) приобретение имущества, которое в свою очередь делится в зависимости от способа действия виновного, на а) мошенничество, способом действия которого является обман, б) вымогательство, характеризующееся принуждением, как способом его совершения, и в) ростовщичество, совершаемое посредством эксплуатации другого лица.

Таковая общая схема имущественных преступлений. Все только что указанные виды имущественных преступлений известны всем современным законодательствам, но обрисовка составов их и вместе с тем классификация их представляют большое разнообразие в отдельных уголовных кодексах.

§ 3. Виды имущественных преступлений по уголовному кодексу. Уголовный Кодекс помещает все имущественные преступления в одной главе (VI), предусматривая кражу (ст. 180), похищение краденого (ст. 181), грабеж открытый (ст. 182) и насильственный (ст. 183), разбой (ст. 184), присвоение вверенного имущества (ст. 185), мошенничество (ст.ст. 187, 188, 190, 190б и 192), ростовщичество (ст. 193), вымогательство (ст. 194) с его разновидностью — шантажем (ст. 195) и повреждение имущества (ст. 196 и 197). Но в этой главе оказались помещенными еще и такие преступления, которым место в других отделах особенной части уголовного права, так как они имеют иной объект посягательства: это 1) подлог документов (ст. 189) и подделка пробирных клейм (ст. 190а), которые направляются против средств удостоверения известных событий и явлений и, как таковые, являются преступлениями против общества, а не отдельного лица, 2) фальсификация предметов потребления, имевшая или могущая иметь последствием причинение вреда здоровью (ст. 191), которая в такой формулировке есть не что иное, как преступление против общественного здоровья, а не про-

тив имущества, 3) хранение в торговом помещении и сбыт неклеимых изделий из благородных металлов (ст. 190в); это преступление есть, собственно, нарушение правил о торговле, а не преступление имущественное. В той же главе Уг. Код. помещает, наконец, пользование чужим изобретением (ст. 198) и чужими товарным и иными знаками (ст. 199), что является преступлением против т. н. промышленной собственности.

Обрисовывая составы отдельных имущественных преступлений, Угол. Код. понимает объект этих преступлений или в виде материальной вещи, употребляя для обозначения предмета посягательства выражение „имущество“ — таков смысл определений о краже (ст. 180), покупке заведомо краденого (ст. 181), грабежа открытого и насильственного (ст. ст. 182, 183), разбоя (ст. 184), присвоения имущества (ст. 185) и повреждения его (ст. 196) — или в виде имущества вообще, говоря в таком случае об имуществе или праве на имущество (при мошенничестве — ст. 187), или же о праве на имущество или имущественной выгоде (при вымогательстве — ст. 194).

При анализе имущественных преступлений по Угол. Код. нужно еще иметь в виду, что ему известны преступные деяния, направленные против имущества, выделенные, однако в категорию других преступлений в виду того, что они кроме того нарушают известные публичные интересы или совершаются совместно с преступлениями, направленными против иных благ. Так, присвоение виновным находящегося у него по службе имущества рассматривается, как должностное преступление, в силу имеющегося здесь нарушения служебной обязанности со стороны должностного лица (ст. 113); бесхозяйственное ведение дела лицами, состоящими во главе государственных учреждений или предприятий (ст. 128), которое есть не что иное, как злоупотребление доверием, рассматривается, как одно из хозяйственных преступлений; в ту же группу отнесены расточение арендатором предоставленного ему по договору государственного достояния (ст. 129), а также неисполнение обязательства по договору, заключенному с государ-

ственным учреждением или предприятием (ст. 130), и заключение убыточного для государства договора лицом, уполномоченным действовать от имени государственного учреждения или предприятия (ст. 128а); все эти деяния являются точно также видом имущественного преступления, характеризуемого причинением имущественного вреда. В этой же главе имеются определения о наказуемых сделках (ст. ст. 138, 139, 139а, 140 и 141) ¹⁾, которые, хотя и имеют характер имущественных преступлений, но в то же время являются преступлениями против интересов общественных, как посягательства на установленные правила о производстве торговли. Далее в группе других преступлений, предусмотрены: 1) как вид контр-революции — повреждение имущества в контр-революционных целях (ст. 65) ²⁾ и 2) как преступления против порядка управления — а) разрушение имущества при массовых беспорядках (ст. 75), б) разбойные нападения и разрушение железнодорожных путей, организуемые бандами (ст. 76), являющиеся преступлениями против общественной безопасности, в) похищение и повреждение документов из государственных учреждений (ст. 92), являющиеся противодействием правильному функционированию учреждений, г) повреждение печатей и иных знаков, наложенных по распоряжению власти (ст. 100), представляющееся особой формой неповиновения власти, д) истребление и порча наложенных при землеустройстве граничных знаков (ст. 100а), составляющие особый вид посягательства на неприкосновенность удостоверительных знаков, е) истребление и хищение леса и разработка недр земли с нарушением установленных правил (ст. 99), являющиеся

¹⁾ Угол. Код. УССР знает еще два вида наказуемых сделок, предусмотренных ст. 139^а и 139^б; ст. 139а Угол. Код. РСФСР соответствует ст. 139^а Угол. Код. УССР.

²⁾ Как вид контр-революции, в Угол. Код. УССР предусматривается еще скупка недвижимого имущества, ценных бумаг или иных имуществ, изъятых из собственности иностранных граждан национализация, равно продажа таковых иностранцам с целью увеличить претензии к советским республикам (ст. 70^а).

нарушением земельных прав государства, ж) сокрытие наследственного имущества в целях обхода законов о праве наследования и наследственных пошлин, (ст. 79а), образующее особый вид причинения ущерба государственному имуществу и злостного уклонения от уплаты пошлин, и, наконец, з) сокрытие коллекций и памятников старины и искусства, подлежащих регистрации или учету (ст. 102)¹⁾, являющееся деянием, направленным на причинение ущерба определенному виду государственного имущества, представляющему особую художественную или научную ценность. Как имущественное преступление, именно, как своеобразный вид мошенничества, следует характеризовать еще одно деяние, предусмотренное в гл. III, говорящей о нарушении правил об отделении церкви от государства, а именно совершение обманных действий с целью возбуждения суеверия в массах населения, а также с целью извлечения таким путем каких-нибудь выгод (ст. 120). Кроме того, следует указать, что причинение имущественного ущерба учреждению или предприятию, как последствие злоупотребления властью (ст. 105 ч. I), превышения власти (ст. 106 ч. I), бездействия власти (ст. 107 ч. I) и халатного отношения к службе (ст. 108 ч. I) рассматривается как одно из тех последствий, которые обуславливают преступный характер этих деяний. Наконец, и среди воинских преступлений имеется несколько имущественных преступлений, выделенных ввиду того, что субъектом их оказывается военнослужащий, совершающий посягательство на имущество в особых условиях. Это—промотание, порча и оставление без присмотра выданных военнослужащему предметов казенного обмундирования, амуниции, оружия, патронов или лошади, порча и небережение их (ст. 207 ч. 1 и 2), приобретение этого имущества другими лицами (ст. 207 ч. 3), приведение военным начальником в негодность предметов, принадлежащих к средствам

¹⁾ Угол. Код. УССР знает еще самовольный вывоз за пределы УССР, самовольное использование, уничтожение или отчуждение архивов или архивного материала (ст. 102^г).

ведения войны, без изменнической цели (ст. 210) и мародерство, т.-е. отбирание при боевой обстановке у гражданского населения имущества и снятие с убитых и раненых находящихся у них вещей (ст. 214).

К сказанному следует добавить, что в известных случаях совершение имущественного преступления является по Угол. код. обстоятельством, увеличивающим вину при учинении других преступлений. Таково причинение материального ущерба государству, как последствие взяточничества (ст. 114 ч. 2 п. „б“).

Из этого перечня отдельных преступлений, известных Угол. Код. видно, что он не предусматривает некоторых преступлений, против имущества, имеющих в других законодательствах и указанных в приведенной выше схеме имущественных преступлений. Так в Угол. Код. не упоминается группа преступлений, которые характеризуются, как злоупотребление доверием, самовольное пользование, завладение и распоряжение имуществом, и некоторые другие преступления.

В заключение следует отметить, что имущественные преступления совершаются главным образом, хотя далеко не всегда, с корыстной целью, т.-е. с целью личного обогащения. Эта цель в отдельных случаях может отсутствовать и, поскольку закон специально ее не указывает, она сама по себе для состава того или другого имущественного преступления не предполагается, если только преступная деятельность немыслима иначе, как при наличии корыстной цели (напр. при ростовщичестве). Угол. Код. указывает корыстную цель лишь в отношении двух имущественных преступлений — присвоения вверенного имущества, поскольку оно совершается в виде удержания вещи (ст. 185), и мошенничества (ст. 187).

Глава I.

Преступления против имущества, как материальной вещи.

§ 4. Объект преступлений против имущества, как материальной вещи. Преступления про-

тив имущества, как материальной вещи, выражаются в Уголовном Кодексе или в виде простого уменьшения сферы чужого имущественного обладания (ст. 196 — 197), или же в виде уменьшения сферы имущественного обладания другого лица, сопровождающегося соответственным увеличением сферы имущественного обладания виновного (ст. 180 — 185), т.-е. или в повреждении имущества или же в приобретении его. Обе эти группы преступлений представляются различными по своему составу, но общим объединяющим их моментом является одинаковый объект посягательства, каким является материальная вещь. Для того, чтобы не повторять при анализе каждого из этих преступлений того, что характеризует его объект, представляется целесообразным предпослать рассмотрению их состава указание на особенности их общего предмета посягательства.

Объектом данной группы имущественных преступлений является имущество, понимаемое в смысле вещь, т.-е. предмета внешнего мира (физическая его сторона).

Вещь есть доступное внешним чувством тело твердое, жидкое или газообразное; она может представляться предметом неодушевленным или одушевленным (напр. животное), может относиться и к растительному царству; она может быть имуществом потребляемым и непотребляемым, тленным и нетленным; она может быть единой и целостной или состоящей из отдельных частей, составной (напр., машина) или же собирательной (напр. стадо); она может иметь самостоятельное существование или быть принадлежностью другой главной (напр. двери дома). Таким образом, вещью, как объектом имущественного преступления, является любой предмет внешнего мира, в чем бы он не заключался (в том числе и труп, часть человеческого тела, отделенная от него, наконец, документ).

Вещь, как предмет имущественного преступления, должна представлять какую-нибудь ценность (экономическая сторона), но имеет ли она меновую ценность, для состава преступления безразлично. Эта ценность может быть или рыночной (хотя

бы речь шла о специальной любительской ценности вещи (напр., черепка античной вазы) или такой, которая вытекает из особого назначения данной вещи (напр., документа, независимо от того, удостоверяет ли он какие нибудь имущественные права или вообще какие нибудь события и факты), или же, наконец, такой, которая представляется ценностью лишь для его обладателя (напр., частное письмо или какою нибудь сувенир)¹⁾.

Поскольку вещь понимается, как известное физическое тело, под нее нельзя прямо подводить электрическую энергию, которая является свойством тех или иных тел. Но электрическая энергия несомненно может быть предметом обладания и, как таковая, может ограждаться от возможных на нее посягательств. Отсюда потребность расширить уголовно-правовую охрану, рассчитанную на вещи, и на электрическую энергию.

Жизнь показала необходимость такого расширения, и отдельные законодательства идут в данном отношении двойным путем: одни делают общее указание, что вещь в смысле объекта имущественных преступлений охватывает и электрическую энергию (напр., норв.), другие (напр. герм.) знают особые преступления, которые характеризуются, как посягательства на электрическую энергию, не включая однако их в другие группы имущественных преступлений. В нашей литературе одни писатели (напр. Фейницкий) отстаивают первую точку зрения, другие (напр. Познышев) — вторую. Кажется бы правильным расширить объем понятия вещи, как объекта имущественного преступления, за его естественные пределы и на электрическую энергию, так как напр. похищение электрической энергии, которая может быть вполне точно измерена, по существу ничем не отличается от похищения любого имущества.

С точки зрения Угол. Кодекса, который говорит как о предмете имущественных преступлений, об имуществе вообще, а не о вещи, под имуществом следует разуметь не только вещь в тесном смысле, но и электрическую энергию. В та-

¹⁾ Иного мнения Немировский (Советское Уголовное Право ч. I, стр. 279), который не считает возможным отнести к предметам имущественных преступлений письма и документы, не имеющие значения доказательств имущественных прав, находя, что преступления, направленные против этих предметов, не вызывают имущественного ущерба.

ком смысле решен данный вопрос в опред. у.-к. в. Верховсуда СССР 1923 г. по д. Кальницкого.

Вещь, как объект посягательства, должна обладать далее определенными юридическими свойствами (юридическая сторона): она должна принадлежать комунибудь на праве собственности и должна быть для виновного чужой. Вещи, находящиеся вне гражданского оборота, не могут быть объектом имущественных преступлений, напр., труп человека; однако, если этот труп оказался предметом частного обладания, напр., если он приобретен анатомическим театром университета, возможно представить себе посягательство на него, именно как на имущество этого учреждения; тоже приходится сказать о частях человеческого тела, которые, будучи отделены от него, не могут быть вообще предметом гражданского оборота; но, конечно, части человеческого тела, хранящиеся в какомнибудь научном музее, являются имуществом последнего и в качестве таковых могут пользоваться правовой охраной. Точно также не может быть объектом имущественного преступления все то, что является предметом общего достояния (воздух, вода), но понятно, что если эти предметы в определенных условиях перестают быть общим достоянием (напр., дистиллированная вода в бутылке), они могут становиться предметом имущественного преступления. С другой стороны вещи, брошенные хозяином, (напр., выпущенные из клетки птицы), или никем еще не оккупированные (напр., дикие звери), не могут быть предметом посягательства.

Вещь, как объект имущественного преступления, должна быть предметом чьегонибудь права собственности — безразлично частного лица или коллектива; при этом вместе с тем безразлично, знал ли виновный, кому именно принадлежит данная вещь, или нет. Вещь, наконец, может принадлежать виновному на праве общей собственности совместно с другими; в этом случае, поскольку виновный посягает на чужое имущество за пределами принадлежащей ему доли, он совершает посягательство на чужое имущество.

Во всяком случае вещь, как объект имущественного преступления, должна быть для виновного чужим имуществом; она не должна принадлежать ему на праве собственности. Посягательство на собственное имущество не является преступлением. Но в известных случаях и собственное имущество виновного может быть предметом его же преступной деятельности; именно, если на это имущество имеют права в том или ином объеме третьи лица, посягательство на него со стороны собственника может составлять особое преступное деяние; но оно в этом случае не является посягательством на чужую собственность и может быть рассматриваемо, как посягательство на какое нибудь имущественное право другого лица в отношении чужой вещи (напр., таковы случаи посягательства на собственное имущество, находящееся в закладе, имущество арестованное и т. п. ¹⁾).

Угол. Код. лишь в отношении одного преступления—грабежа без насилия (ст. 182)—выставляет прямое требование, чтобы имущество, являющееся предметом посягательства, было чужим для виновного. В других случаях Угол. Код. говорит просто об имуществе: при краже—об имуществе, находящемся в обладании, пользовании или ведении другого лица (ст. 180), при разбое—об имуществе (ст. 184), при простом повреждении имущества—об имуществе, принадлежащем учреждению, предприятию или частному лицу (ст. 196), при общепасном повреждении (ст. 197)—о каком либо имуществе. Следовательно, в этих случаях объектом имущественного преступления является и собственное имущество виновного ²⁾).

¹⁾ Прежние законодательства таких деяний обычно особо не предусматривали, но законодательства нового времени считают нужным выделить случаи этого рода в особые преступления, не сливающиеся с теми преступлениями, которые характеризуются, как повреждение или приобретение имущества (герм., венг., норв.).

²⁾ Иначе Познышев, (Очерк осн. начал угол. права, II, 1923, стр. 88) и Зинев (Уголовн. право в. I, 1923, стр. 39). На правильной позиции, но только в отношении имущества, как предмета похище-

Повреждение имущества.

§ 5. Понятие повреждения имущества. Повреждение имущества (ст. 196—197 Угол. Код.) есть умышленное уменьшение сферы чужого имущественного обладания посредством такого воздействия на вещь, которое лишает ее вполне или отчасти ее прежней пригодности и ценности.

Это преступление является простейшим видом имущественных преступлений; первоначально оно влечет за собой лишь гражданско-правовые последствия, и лишь постепенно начинают выделяться и облагаться наказанием более тяжкие его виды, пока, наконец, не выработалось общее понятие преступления этого рода.

Все современные законодательства знают это преступление, но отношение к нему не везде одинаково. По системе одних законодательств (франц. право) повреждение имущества является вообще незначительным преступлением, относящимся к области т. н. нарушений, и лишь более тяжкие виды его прелюстрируются в качестве преступных деяний других категорий; при этой системе получается большая дробность определений уголовного законодательства, перечисляющих отдельные многочисленные виды более или менее тяжко наказуемого повреждения. Другая система (герм. право) стремится к возможно большей обобщенности своих определений о повреждении имущества, зная лишь немногие особо выделенные случаи; но при этом один вид повреждения имущества, именно, общественно опасное, выделяется из общего понятия повреждения имущества, как преступление против интересов вида, и образует особую разновидность общественно опасных преступлений.

Угол. Кодексе отличается большей сжатостью своих определений о повреждении имущества, посвящая ему всего только две статьи (стт. 196 и 197) и зная два вида повреждения—простое и общественно опасное¹⁾.

Повреждение имущества занимает самостоятельное место среди других имущественных преступлений, отличаясь от

вия, стоят Гродзянский (Уголовный Кодекс Советских Республик. Текст и постановительный комментарий под редакцией С. Канарского. 1924 г., стр. 376) и Немировский (назв. с. стр. 277).

¹⁾ Угол. Код. УССР знает кроме того еще один вид повреждения имущества, который можно назвать особо тяжким (ст. 197¹⁾.

них, как объектом посягательства, так и характером преступной деятельности. Оно отличается, с одной стороны, от причинения имущественного ущерба вообще (напр., ущерба, происшедшего от злоупотребления доверием или неисполнения обязательств по имуществу) тем, что его предметом является материальная вещь, а не имущество вообще. С другой стороны, повреждение имущества отличается от других имущественных преступлений, посягающих на ту-же материальную вещь, характером преступной деятельности, являющейся лишь умалением сферы чужого имущественного обладания и не сопровождающейся одновременным увеличением имущественной сферы виновного за счет данной вещи, что характерно для приобретения имущества. То обстоятельство, что, вследствие повреждения чужого имущества, может последовать обогащение виновного, является случайным последствием данного деяния и существенного значения не имеет (напр., в случае истребления товаров своего конкурента торговец может получить известную выгоду).

§ 6. Объект повреждения имущества. Объектом повреждения имущества является вещь в разъясненном выше смысле ¹⁾; при этом безразлично, будет ли предметом посягательства такая вещь, которая может быть переносима или передвигается с места на место, вещь движимая, или такая, которая представляется неподвижной, напр., строение. Она должна быть для виновного чужой, так как собственник в праве распорядиться своим имуществом по своему усмотрению; он в праве уничтожить или повредить свое имущество. Однако, могут быть случаи, когда повреждение собственного имущества является средством посягательства на чужое имущество или включает в себе возможность такого посягатель-

¹⁾ Немировский (назв. соч. стр. 237) не считает возможным относить к повреждению имущества истребление документа, имеющего имущественное значение, находя, что такое истребление равносильно присвоению (если документ находится случайно во владении виновного) и преследует цель корыстную, как уничтожение доказательства долга или уплаты с целью вторичного требования.

ства. В таких случаях вполне возможно говорить о противозаконности повреждения имущества, и некоторые из них обычно предусматриваются, как особые преступные деяния. Так, это прежде всего можно иметь в виду в отношении повреждения виновным собственного имущества, на которые имеют права другие лица, напр., имущества заложенного или арендованного. Посягательство на подобное имущество не есть повреждение имущества; оно является посягательством на право распоряжения, принадлежащее третьему лицу в отношении данной вещи; поэтому это деяние должно быть выделено из общего понятия повреждения. Однако Угол. Код. такого деяния особо не предусматривает, и так как он требует лишь, чтобы имущество принадлежало учреждению, предприятию или частному лицу (ст. 196), не указывая при этом на „чужое“ имущество и подчеркивая лишь, чтобы оно принадлежало кому нибудь, т. е. находилось в гражданском обороте, то и случаи этого рода можно подводить под общее понятие повреждения имущества¹⁾. То же следует сказать относительно повреждения собственного застрахованного имущества; поскольку совершается повреждение такого имущества его собственником, постольку причиняется вред тому учреждению, которое приняло его страхование; поэтому данное деяние должно рассматриваться с точки зрения посягательства не на собственное имущество виновного, а на чужое имущество. Угол. Код. не упоминает особо о повреждении собственного застрахованного имущества, но случай этого рода может быть подведен под общее понятие общеопасного повреждения (ст. 197).

С другой стороны возможны случаи, когда посягательство на свое имущество является лишь средством посягательства на чужое имущество в силу той опасности, которую посягательство это в себе заключает (напр., поджог своего имущества при таких условиях, когда огонь может распростра-

¹⁾ Иначе господствующее в советской литературе мнение; в частности Гродзинский (п. с. стр. 402).

ниться на чужое имущество); в этом случае виновный отвечает за общеопасное повреждение имущества.

В чем обладании находится поврежденное или уничтоженное имущество, для состава преступления безразлично; повреждение возможно и в отношении имущества, находящегося в обладании виновного.

Само собой разумеется, что чужая вещь, как предмет повреждения, должна пользоваться соответственной правовой охраной, и если эта охрана в данном отдельном случае по тем или иным соображениям отпадает, нет повреждения имущества, как преступного деяния; таков, напр., случай необходимой обороны (порча во время борьбы с напавшим человеком его платья) или крайней необходимости (взлом чужого помещения для спасения себя от напавшей бешеной собаки).

§ 7. Вина и действие в составе повреждения имущества. Со стороны вины это деяние должно быть учинено, как того прямо требует Угол. Код. (ст. 196), умышленно. Виновный должен сознавать, что предпринимаемая им деятельность может повредить чужое имущество, и должен желать причинения этого вреда (прямой умысел) или относиться к нему безразлично, допускать его (умысел эвентуальный). Неосторожность мыслима, но не наказуема¹⁾. Какими мотивами руководился виновный при совершении повреждения имущества, — мотивами ли мести, зависти, корысти или, напр., желанием оскорбить религиозное чувство другого, безразлично; но если повреждение имущества происходит без всяких мотивов, представляясь озорным действием и заключая в себе лишь проявление явного неуважения к обществу, то оно является не повреждением имущества, а хулиганством (ст. 176); так, напр., разрушение из озорства стоящей на площади статуи или разбитие без всякого повода стекол в чужом доме могут быть понимаемы, как хулиганство.

¹⁾ Но Угол. Код. УССР устанавливает ответственность при особо тяжком виде повреждения имущества не только за умышленную, но и за неосторожную деятельность (ст. 197²⁾).

Преступное действие в составе повреждения имущества должно заключать в себе умаление сферы имущественного обладания другого лица, что может прежде всего выражаться или в истреблении имущества, т.-е. уничтожении его в прежнем его виде, или же в повреждении, т.-е. порче, его. Оба эти вида повреждения указаны в Угол. Код. Каким образом повреждается или истребляется имущество, безразлично; виновный может использовать для этого средства механические (напр., разорвать вещь на части), физические (напр. растопить лед) или химические (напр., облить серной кислотой); в зависимости от особенности самого предмета, на который направляется преступная деятельность, получается и различие способа совершения преступления в отдельном случае. Повредить вещь можно не только ее разрушением, т.-е. ее разделением на отдельные части (напр., разбитие вазы), но и примесью в нее посторонних веществ (напр., дегтя в бочку с маслом) или созданием препятствий для общей деятельности составной вещи (напр., введение в машину предмета, мешающего правильной ее работе).

С другой стороны повреждением нужно считать и такое умаление сферы чужого имущественного обладания, которое не сопровождается физическим воздействием на чужую вещь, ее физическим уничтожением или повреждением, именно если оно происходит таким путем, что собственник бесповоротно лишается возможности пользоваться и распоряжаться своею вещью, напр. если кто-либо выпустит чужую птицу из клетки, бросит чужое кольцо в море и т. п. Здесь так же, как и при физическом повреждении, умалется имущественное значение вещи или устраняется возможность осуществления права собственности над ней ¹⁾.

¹⁾ Нужно, однако, иметь в виду, что данный вопрос представляется спорным в науке права, и если одни писатели (в нашей литературе — Фойшцкпй, Цеклюдов, Белогриц-Котляревский, Пусторослев, Гродзинский, Немировский, в немецкой — Биндинг) находят в этом случае наличие повреждения, то напротив другие — (напр., в нашей лите-

Повреждая чужое имущество, виновный может действовать непосредственно сам или может использовать для этого стихийные силы, напр., он помещает чужую вещь в такие условия, что она разрушается от действия на нее сырости или солнца и т. п.

Будучи умалением сферы чужого имущественного обладания и не сопровождаясь при этом увеличением сферы собственного имущественного обладания виновного, повреждение имущества не может выражаться в таком воздействии на чужую вещь, которое сопровождается ее использованием сообразно ее назначению, напр., если кто-либо выпьет чужое вино или сожжет чужой фейерверк: в первом случае можно усматривать похищение имущества с последующим немедленным его потреблением, во втором самовольное распоряжение чужим имуществом, но не повреждение его. Не будет точно также повреждением имущества такая переработка вещи, которая придает ей большую ценность, так как таким путем вовсе не уменьшается имущественная сфера другого лица; так, написание картины на чужом полотне будет самовольным распоряжением чужим имуществом, а не повреждением его¹⁾.

Нужно, наконец, иметь в виду, что могут быть такие случаи повреждения имущества, которые переходят в другое преступление, поскольку содержание их выражается не в умалении сферы имущественного обладания другого лица, а в посягательствах на другие блага. Это приходится сказать относительно повреждения документа. Обычно повреждение документа является повреждением имущества, но иногда оно может принять и такие формы, что переходит уже в переделку подлинного документа, т.-е. в подлог; таково, напр., выскабливание отдельных букв, подчистка документа (ст. 116 Угол. Код.) или отделение его части. Путем подобного повре-

ратуре Познышев, в немецкой — большинство криминалистов) требуют для повреждения непременно физического воздействия на вещь и не усматривают в подобных случаях повреждения.

¹⁾ Иной взгляд высказывали в этом отношении Фойницкий и Пусторослев.

ждения в оборот пускается документ, имеющий иное содержание, чем то, которое было в первоначальном его тексте,— документ подложный.

Повреждение имущества по своей значительности может представляться весьма различным и может иметь много оттенков, начиная от простого легко устранимого повреждения вещи (напр., ее загрязнения), до полного ее уничтожения (напр., сожжения). Повреждение может представляться в отдельных случаях настолько ничтожным, что нет основания наказывать за подобное незначительное деяние. Но здесь необходим известный критерий, на основании которого случаи ненаказуемого повреждения отделялись бы от наказуемого. Таким критерием является возможность вещи продолжать служить своему назначению без ремонта (поправки, починки или, накопец, лечения в отношении животных). Конечно, вопрос факта — установить значение причиненного повреждения. Так едва ли можно найти наказуемое повреждение в загибании страниц книги, в написании на ней карандашом заметок и т. п., но пометки, сделанные в книге чернилами или химическим карандашом, вырывание из нее страниц и т. п. образуют состав наказуемого повреждения.

Так как для состава повреждения имущества требуется наличность повреждающей деятельности,— безразлично, на какую часть вещи последняя направляется — то, если виновный на свой счет произвел какое-либо улучшение в чужом имуществе, которым он пользовался или владел, он затем не вправе при прекращении пользования или владения этим имуществом, устранять сделанные им улучшения, если они не отделимы без вреда для него; поскольку таким отделением этих улучшений повреждается данная вещь, здесь налицо будет повреждение имущества. Декрет СНК РСФСР от 1 дек. 1922 г. (собр. уз. № 80 ст. 1014) специально предусматривает этот случай в отношении помещений, занимаемых учреждениями и предприятиями, указывая на ответственность в данном случае по ст. 196 Угол. Код., но это постановление должно быть применяемо и ко всяким другим

подобным же случаям, так как в таком повреждении имущества несомненно имеются все черты состава преступления. Это деяние не может рассматриваться и как самоуправство (ст. 103 Угол. Код.), хотя бы виновный и предполагал, что он имеет право на подобную деятельность, так как привлечение за самоуправство может иметь место лишь в том случае, когда учиненное виновным деяние не подходит под состав какого-либо другого преступления, предусмотренного Угол. Кодексом.

Преступная деятельность в составе повреждения имущества может быть как положительной, так и отрицательной, но последняя встречается сравнительно редко и соединяется обычно с нарушением известной обязанности со стороны лица, производящего повреждение (напр., некормление животного, неполивание растения и т. п.)

Как и во всех других преступлениях, при повреждении имущества между деятельностью виновного и наступившим результатом должна быть причинная связь, так что если задуманный виновным результат возник от действия посторонней силы, присоединившейся к деятельности виновного и ею не вызванной, то в этом случае нельзя говорить о повреждении имущества, напр., если в тот момент, когда виновный поджигал строение, в последнее попала молния, и оно сгорело от ее удара, то здесь нельзя говорить о выполненном виновным повреждении имущества.

Оконченным повреждение имущества становится с момента уничтожения предмета или приведения его в такое состояние, в котором он не может дальше без ремонта продолжать выполнять свое назначение, или же, наконец, с момента бесповоротного устранения возможности осуществлять право собственности в отношении этого предмета. Деятельность, направленная на достижение этого результата, но не имевшая успеха, будет составлять только покушение, которое в данном случае наказуемо на общем основании, причем незначительность причиненного вреда или полное отсутствие его может служить лишь основанием для уменьшения ответственности (ст. 14 Угол. Код.).

§ 8. Виды повреждения имущества. 1). Повреждение простое. Угол. Код., как уже указывалось раньше, в своей системе имущественных преступлений предусматривает два вида повреждения имущества: 1) простое и 2) общеопасное. Но кроме тех видов повреждения имущества, которые помещены в ряду имущественных преступлений, Угол. Код. знает некоторые виды повреждения имущества, отнесенные им к другим группам преступных деяний.

1) Простое повреждение имущества (ст. 196), это — повреждение любого имущества, совершенное каким бы то ни было способом, не переходящим в общеопасный. Оно должно быть учинено непременно умышленно.

Наказание за простое повреждение имущества — лишение свободы на срок до 1 года или принудительные работы на тот же срок или штраф до 500 р. золотом.

Отдельных видов простого повреждения имущества Угол. Код. не знает. Вместо этого в Угол. Код. намечаются достаточно широко пределы судейского усмотрения при назначении наказания в каждом отдельном случае. В силу этого Угол. Код., в частности, не выделяет особо случаев повреждения имущества, принадлежащего государственному учреждению или предприятию, — обстоятельство, которое увеличивает ответственность при краже (ст. 180 п. „г“) и мошенничестве (ст. 188). Равным образом он не выделяет в качестве тяжкого повреждения случаев повреждения отдельных предметов, представляющих особенную ценность, или предметов, имеющих общественное значение, напр., памятников искусства, научных коллекций и т. п., или служащих для общественного пользования (напр., оросительных сооружений, водопроводов, железных дорог и т. п.)¹⁾

¹⁾ Иначе в Угол. Кодексе УССР, который знает повреждение имущества железнодорожного, водного и воздушного транспорта или имущества телеграфного и телефонного, а равно оборонительных сооружений. (ст. 197¹ Угол. Код. УССР; соответствующего определения в Угол. Код. РСФСР не имеется).

§ 9. 2). **Общепасное повреждение**; его понятие Наряду с простым повреждением имущества Угол. Код. знает его особый вид — общепасное повреждение.

Общепасное повреждение имущества есть умышленное причинение вреда имуществу общепасным способом (ст. 197).

Повреждение общепасным способом, и прежде всего поджог имущества, издавна обращало на себя внимание в законодательствах всех народов, и обычным наказанием за это деяние, считавшееся одним из тяжчайших преступлений, что и повитно для той эпохи, когда повсюду были почти исключительно деревянные строения, была смертная казнь, нередко применявшаяся в виде сожжения. Но и в современных законодательствах поджог рассматривается, как одно из наиболее тяжких преступлений, до сих пор наказуемое, при наличии известных условий, в некоторых законодательствах (напр., франц.) смертной казнью. Но в Угол. Код. общепасное повреждение имущества не рассматривается в качестве особенно тяжкого преступления; оно наказывается легко убийства и тяжкого телесного повреждения, а также посягательства на половую неприкосновенность, между тем в условиях нашей деревенской жизни и вообще большого количества деревянных строений пожары до сих пор являются у нас страшным бедствием, так что поджог имущества, по своему

Объектом повреждения этого вида являются те предметы, которые образуют принадлежности транспорта — железнодорожного, водного или воздушного, а также телеграфного или телефонного имущества, но при этом лишь такие, от которых зависит правильное функционирование транспорта или телеграфного и телефонного сообщения; поэтому порча скамейки на палубе парохода или разбитие стекла в окне железнодорожного вагона составляет простое повреждение, а не его особый вид.

Преступное действие выражается в повреждении, которое нарушает или может нарушить правильное функционирование транспорта или телеграфного или телефонного сообщения. Таким образом в каждом отдельном случае нужно установить наличие или возможность указанного в законе последствия. Только в отношении повреждения оборонительных сооружений не требуется наступления или возможности наступления дальнейших последствий.

С точки зрения вины различаются два вида данного преступления, влекущие за собой неодинаковую наказуемость.

Умышленное повреждение наказывается лишением свободы на срок не ниже 3 лет, если только это преступление не содержит в себе признаков преступлений, предусмотренных 75 и 76 ст. ст. Угол. Код., т.-е. если оно не совершено при массовых беспорядках или бандою.

Неосторожное повреждение, притом такое, которое явилось последствием несоблюдения установленных правил, карается штрафом до 300 р. зол. или принудительными работами.

социальному значению, должен был бы рассматриваться, как одно из наиболее тяжких преступлений.

Современные законодательства, особо выделив общеопасные повреждения, обычно усматривают в них вид повреждения имущества, нуждающийся лишь в усилении наказания, но по существу ничем не отличающийся от других его видов и являющийся по своей природе посягательством на имущество. Такова система франц. права; та же система принята и Угол. Код. Иную точку зрения на общеопасное повреждение имущества выдвигает герм. право: оно выделяет в особую группу общеопасные преступления вообще, т.-е. преступления, совершаемые общеопасным способом, одним из видов которых является и общеопасное повреждение. Таким образом, в германском праве центр тяжести переносится на способ действия, а не на предмет преступления, и общеопасное повреждение выделяется из числа повреждений имущества вообще. Главным основанием для этого является представление о том, что общеопасные преступления направляются на разнообразные правовые блага, не только имущественные, но и личные, так что сущность затронутого преступным деянием предмета сама по себе для состава преступления безразлична. Однако для выделения общеопасных повреждений из общей группы повреждения имущества и создания особой рубрики общеопасных преступлений нет достаточного основания. Повреждение имущества не меняет своей сущности только потому, что оно совершается общеопасным способом и грозит неопределенному числу других имущественных и личных благ человека. К тому же при таком построении следовало бы отнести в особую группу все вообще преступления, совершаемые общеопасным способом (напр. убийство); между тем создание такой группы нарушает общий принцип классификации преступлений по предмету посягательства; способ действия может быть признаком, отделяющим одно преступление от другого в пределах известного рода, но не родовым их признаком.

Общеопасность повреждения характеризуется применением таких средств, которые могут грозить неопределенному числу имущественных или личных благ человека; она выражается, главным образом, в использовании таких стихийных сил, управление которыми в начале их применения бывает под силу человеку, но с которыми при дальнейшем их развитии он справиться не может; такова, напр., сила огня, воды и т. п.

Самая характеристика этой общеопасности в отдельных законодательствах неодинакова. Один из них (германское, французское) характеризуют общеопасность повреждения тем, что преступная деятельность виновного (в частности при поджоге) направляется на определенные предметы, точно указанные в законе, повреждение которых всегда предполагается общеопасным (напр., обитаемых строений, судов и т. п.); таким образом, выдвигается представление об отвлеченной опасности данного действия; общеопасный способ действия в отношении всех остальных предметов законодательство не интересуется, и такое повреждение рассматривается,

как простое. Наоборот, другая система, усваиваемая более новыми кодексами (напр., голландским и норвежским) не связывает понятия общепасности с определенным предметом, так что наличие общепасности есть вопрос факта, разрешаемый судом в каждом отдельном случае. Здесь, таким образом, выдвигается представление о конкратной опасости, имеющейся в отдельном случае общепасного повреждения.

Угол. Код. не связывает понятия общепасности с определенным предметом посягательства; в частности в этом отношении следует отметить пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 14 июля 1924 г. об охране лесов от пожаров (собр. уз. № 61 ст. 603), которое устанавливает, что умышленный поджог леса карается по ст. 197 Угол. Код. (ст. 10). Эта общепасность будет несомненно налицо не только тогда, когда она грозит чужим личным благам, но и тогда, когда способ действия, выбранный виновным, грозит опасностью причинения вреда имуществу в значительных размерах, что всегда предполагается при поджоге.

§ 10. Объект общепасного повреждения. Объектом общепасного повреждения имущества может быть не только чужое имущество, но и свое, поскольку его истребление или повреждение совершается общепасным способом. Это прямо подчеркивается Уголовным Кодексом, указывающим в качестве объекта общепасного повреждения „какое-либо имущество“. Таким образом, виновный, поджигая свой строение, в котором могли находиться в то время люди, или же при таких условиях, когда пожар мог перекинуться на рядом стоящие строения — случай т. н. посредствующего поджога,—отвечает по ст. 197. Здесь важно лишь установить, что способ действия был в данном случае действительно общепасным. В виду этого поджегший свой необитаемый и одиноко стоящий дом, откуда пожар никуда не мог распространиться, не совершает вообще преступления, так как собственник в праве безнаказанно распорядиться своим имуществом по своему усмотрению, лишь бы при этом не возникло нарушения или возможности нарушения интересов других лиц или общества. С другой стороны, если подожженное виновным собственное строение было застраховано, он

совершает преступление, причем, если способ действия виновного не будет признан общеопасным, он отвечает по ст. 196 за простое повреждение, в противном случае по ст. 197 за общеопасное; если же виновный не ограничился учиненным деянием и получил или пытался получить от страхового учреждения страховую сумму, он отвечает за мошенничество или за покушение на него, так как здесь в наличии введение в заблуждение страхового учреждения или попытка совершить это посредством сообщения об имуществе, будто бы сгоревшем от несчастного случая или от злой воли другого лица, тогда как оно на самом деле сгорело от рук самого виновного; виновный в этом случае отвечает за мошенничество, имевшее своим последствием убыток, причиненный государственному или общественному учреждению (ст. 188), и наказуемое строже (лишение свободы на срок не ниже 1 года), чем общеопасное повреждение имущества. Поджог застрахованного имущества является, собственно говоря, лишь приготовлением к такому мошенничеству, но по силе ст. 12 Угол. Код. он подлежит наказанию, поскольку он является преступлением, предусмотренным ст. 196 или ст. 197 Угол. Код.

Имущество, на которое направляется преступная деятельность при общеопасном повреждении, может охватывать любое имущество: строения, вагоны, суда, торфяники, лес, хлеб на корню, скирды хлеба, скот, птицу, рыбу, растения и т. п. ¹⁾

§ 11. Виновность при общеопасном повреждении. Вина при общеопасном повреждении непременно должна быть умышленной, как это прямо указано в Угол. Кодексе. Виновный должен сознавать, что он обращается к разрушительным силам, от которых может возникнуть опас-

¹⁾ Повреждение общеопасным способом того имущества, повреждение которого выделено в особое тяжкое повреждение (ст. 197^а Угол. Код. УССР), все-таки остается тяжким повреждением и не переходит в общеопасное, так как наказание, которое за него положено (лишение свободы на срок не ниже 3 лет), выше того, которое установлено за общеопасные повреждения (лишение свободы до 5 лет со строгой изоляцией).

ность для неопределенного числа личных или имущественных благ, и должен желать причинения вреда имуществу или допускать это. При этом во всяком случае умысел виновного не должен направляться на причинение непосредственного вреда жизни или телесной неприкосновенности другого лица общеопасным способом; если же у него такой умысел установлен, хотя бы в виде эвентуального умысла, т.-е. допущения подобного последствия, то общеопасное повреждение, напр., поджог, должно в таком случае рассматриваться, как покушение на убийство. С другой стороны, если последствием умышленного общеопасного повреждения имущества, при котором отсутствовал какой бы то ни был умысел на убийство, является причинение по неосторожности гибели людей (напр., если виновный не подозревал, что в подожженном строении находились люди, или если он легкомысленно предполагал вывести во время этих людей), то в таком случае, согласно ст. 29 Угол. Код., он будет отвечать за поджог, а не за неосторожное убийство, так как наказание за общеопасное повреждение выше, чем за неосторожное убийство (ст. 147).

Мотивы преступной деятельности при общеопасном повреждении, так же, как и при простом, безразличны: они могут быть чисто личными, как месть или злоба, или специально корыстными, напр. при поджоге застрахованного имущества.

Неосторожное общеопасное повреждение имущества представляется деянием, нуждающимся, несомненно, в репрессии, так как в интересах общезжития требуется соблюдать правила предосторожности при обращении со стихийными силами и действовать при этом в отношении чужого имущества с должной осторожностью. Поэтому обычно во всех законодательствах или прямо предусматривается неосторожное причинение общеопасного повреждения, или же упоминается о несоблюдении предписанных в интересах общественной безопасности правил относительно обращения с огнем. Угол. Код. РСФСР вовсе не упоминает о неосторожном общеопас-

ном повреждении¹⁾. Он предусматривает лишь случаи неисполнения или нарушения установленных законом или обязательным постановлением правил: а) противопожарных при производстве строительных работ (ст. 217) и б) для охраны порядка и безопасности движения по железным дорогам и водным или воздушным путям сообщения (ст. 218), облагая эти деяния принудительными работами или штрафом до 300 руб. золотом. К этому следует добавить, что по пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 14 июля 1924 г. об охране лесов от пожаров (собр. уз. № 61 ст. 603) неисполнение обязательных постановлений по охране лесов от пожаров карается по ст. 99 Угол. Код. (ст. 8).

§ 12. Действие в составе общеопасного повреждения. Действие в составе общеопасного повреждения характеризуется особым способом его учинения. Угол. Кодекс, как на способ действия, указывает на: а) поджог, б) потопление и наряду с ним упоминает в) „какой либо другой общеопасный способ“.

а) Что касается прежде всего поджога, то под ним разумеется приложение для повреждения или истребления имущества силы огня, при условии общеопасности такого приложения; это имеет место тогда, когда огонь грозит распростра-

¹⁾ В проекте Угол. Код. специально предусматривалось нарушение правил и постановлений, устанавливающих меры предосторожности от пожаров (ст. 217 пр. Уг. Код.), но постановление это в окончательный текст Угол. Код. включено не было. Напротив, Уголовный Кодекс УССР (ст. 217¹⁾ особо предусматривает нарушение установленных законом или обязательным постановлением противопожарных мер и карает это деяние штрафом до 300 руб. зол. или принудительными работами или же лишением свободы на срок до 1 года; кроме того, в отношении особо тяжкого вида повреждения, которое может быть учинено и общеопасным способом, — повреждения имущества железнодорожного, водного и воздушного транспорта или имущества телеграфного и телефонного, а также оборонительных сооружений (ст. 197¹) ваказывается не только умышленная деятельность, но и неосторожная. Гродзинский (н. с. стр. 403) почему-то находит, что неосторожное повреждение имущества карается лишь в том случае, если виновный действовал легкомысленно.

ниться на большое пространство и на многие предметы. Для поджога, таким образом, требуется наличность пожара в общежитейском смысле этого слова (горение дома, судна, леса, склада дров, торфяника и т. п.). Поэтому нельзя видеть общеопасного повреждения в бросании чужой вещи в печку или сожжении ее на костре, или же в сожжении одиноко стоящей чужой скирды хлеба и т. п. Это будет простое повреждение чужого имущества. Каким путем произошло воспламенение данного предмета, безразлично. Оно может произойти от непосредственного подожжения виновным огня или при посредстве особых приспособлений (напр., если поджог производится использованием для этого солнечных лучей и т. п.).

б) Под потоплением разумеется повреждение имущества, производимое напором массы жидкости, прежде всего воды, а ватем и всякой иной жидкости, напр., нефти. Это может быть достигнуто или: 1) путем выпуска жидкости из ее естественных пределов или искусственных сооружений (напр., разрушением плотины, благодаря которому вышедшая из берегов вода затопляет чужое имущество, хлеб на корню и т. п.), или 2) общеопасным погружением предмета, находящегося на поверхности жидкости (напр., лодки, наполненной товаром, или парохода), или же 3) наконец, путем направления при помощи известных приспособлений напора жидкости на те или иные предметы (напр., потопление вещей, находящихся в подвале, посредством открытия водопроводной трубы).

в) Что касается „другого опасного способа“, о котором говорит Угол. Код., то под ним следует разумеать самые разнообразные приемы воздействия на чужое имущество, создающие опасность для неопределенного количества разных благ. Таким общеопасным способом прежде всего будет взрыв, который характеризуется использованием разрушительной силы взрывчатых веществ (пороха, динамита, нитроглицерина и т. п.). Нужно иметь в виду что Угол. Кодекс в ст. 65 особо упоминает взрыв наряду с поджогом, но в других случаях он об этом способе действия специально не говорит. Сюда же сле-

дует отнести обвал или засыпание земель, т.е. использование напора падающей массы земли — способ, путем которого может совершаться повреждение, напр., рудников, шахт и т. п. Далее общеопасным представляется и такой способ действия, который характеризуется, как сообщение заразной болезнью, поражающей скот, рыбу или птицу и даже растения (напр., заражение филлоксерой винограда). Наконец, сюда же с точки зрения Угол. Кодекса РСФСР, не выделяющего, в противоположность Угол. Код. СССР (ст. 197¹), в особый тяжкий вид повреждения имущества железнодорожного, водного и воздушного транспорта следует отнести повреждение имущества нарушением безопасности железнодорожного движения или судоходства, поскольку оно совершается в таких условиях, когда от этого грозит опасность для железнодорожного или водного транспорта, т.е. возникает возможность железнодорожной катастрофы или аварии судна. Это повреждение является общеопасным в том смысле, что в нем так же, как и в других ранее рассмотренных случаях, ставится в опасность неопределенное количество имущественных и личных благ. Угол. Код. РСФСР кроме особых случаев, предусмотренных в ст. 65 (разрушение или повреждение взрывом, поджогом или другим способом железнодорожных или иных путей или средств сообщения в контр-революционных целях), ст. 75 (разрушение путей и средств сообщения при массовых беспорядках) и ст. 76 (разрушение железнодорожных путей, организованное вооруженной шайкой или бандой), не знает деяний этого рода. Поэтому если подобное преступление будет совершено вне условий, указанных в ст. ст. 65, 75 и 76, т.е. не из контр-революционных целей, не при массовых беспорядках и невооруженной шайкой, то виновный должен отвечать за него, как за общеопасное повреждение, предусмотренное ст. 197. Самое деяние в этом случае может выражаться в повреждении железнодорожного пути или подвижного состава железной дороги, судна или предостерегательного знака, установленного для безопасности железнодорожного движения или судоходства; но, конечно, в каждом

отдельном случае суд должен констатировать общепасность сделанного повреждния в установленном выше смысле.

Оконченным общепасное повреждение должно считаться, как и всякое другое повреждение, с момента причинения настолько серьезного вреда данной вещи, что она без ремонта дальше не может продолжать выполнять свое назначение. В частности поджог должен считаться выполненным тогда, когда воспламенилась хотя бы незначительная часть поджигаемого предмета, напр., строения или вагона, так как в таком случае он не может не считаться нуждающимся в ремонте. Деятельность, предшествующая моменту повреждения, образует покушение, поскольку палицо начало исполнения преступления, а не одна лишь подготовка его. Так, подложение под строение горючих материалов с воспламенением их или установка под железнодорожным мостом мины, которая должна в определенный час взорваться, и т. п. образуют покушение на общепасное повреждение. С другой стороны, одно лишь подложение горючих веществ без последующего их воспламенения или прилаживание мины составляют лишь ненаказуемое приготовление ¹⁾).

Наказание за общепасное повреждение имущества—лишение свободы на срок до 5 лет.

§ 13. 3). Повреждение имущества, предусмотренное в других главах Уголовного Кодекса. Некоторые виды повреждения имущества предусмотрены в Угол. Код. особо к качестве преступлений иного рода. Это — случаи, где повреждение имущества обычно сопровождается учинением других преступлений или является средством их совершения. Сюда относятся: 1) разрушение или повреждение железнодорожных или иных путей сообще-

¹⁾ Нужно заметить, что некоторые законодательства признают в приготвлении к общепасному повреждению имущества проявление настолько опасной преступной воли, что облагают его наказанием. Иной точки зрения придерживается Угол. Код., который не делает исключения из общего правила ненаказуемости приготвления ни при каких вообще преступлениях.

ния, средств народной связи, водопроводов, общественных складов и иных сооружений и строений, если это деяние совершается в контр-революционных целях (ст. 65); оно рассматривается, как вид контр-революции; как способ действия Угол. Код. указывает здесь, как общеопасный—взрыв и поджог, — так и всякий „другой способ“, следовательно, и не общеопасный; при отсутствии контр-революционной цели это деяние будет или общеопасным (ст. 197), или простым повреждением имущества (ст. 196), в зависимости от способа действия виновного; 2) погромы, (следовательно, и разрушение строений), разрушение путей и средств сообщений, учиненные при массовых беспорядках (ст. 75), как особое преступление против порядка управления, наказуемое высшей мерой наказания с допущением при смягчающих обстоятельствах понижения наказания до лишения свободы со строгой изоляцией на срок не ниже 3 лет с конфискацией имущества; 3) разрушение железнодорожных путей, организуемое вооруженными шайками или бандами (ст. 76); это преступление тоже отнесено к числу преступлений против порядка управления и тоже карается высшей мерой наказания с допущением его смягчения; для его состава необходимым условием является паличность банды, так что простое разрушение железнодорожного пути, совершенное одним лицом или несколькими лицами, не составляющими однако банды, под это деяние подвести нельзя; 4) уничтожение или приведение в негодность укрепления, судна, орудия, складов оружия, продовольственных припасов и других предметов, принадлежащих к средствам ведения войны, если оно учинено военным начальником или, вернее, по его приказанию (ст. 210). Это деяние рассматривается, как одно из воинских преступлений, причем в его составе различаются два вида: а) учинение этого деяния лишь в силу неправильной оценки виновным с точки зрения пользы дела сложившейся обстановки во время боя, но без всякого намерения способствовать неприятелю (наказание — лишение свободы на срок не ниже 1 года) и б) учинение его в видах содействия неприятелю

тедю; за это деяние положено наказание, установленное в ст. 58 за контр-революцию; 5) умышленная порча военно-служащим а) выданных ему для носки предметов казенного обмундирования и амуниции, а также б) холодного или огнестрельного оружия, патронов или лошади (ст. 207 ч. 1 и 2). Это деяние рассматривается тоже, как воинское преступление, влекущее за собой различные наказания, включительно до высшей меры наказания, в зависимости от ближайшего предмета преступления и обстоятельств совершения последнего; наряду с порчей казенного имущества поставлено оставление его без присмотра и в ненадлежащем месте,—деяние, которое характеризуется созданием опасности для казны лишиться данного имущества; оно соответствует тому виду повреждения имущества, которое происходит без уничтожения или порчи вещи; для его состава не требуется непременно умысел, возможна и неосторожность; 6) повреждение или уничтожение документа, находящегося в государственном учреждении, с целью оказать таким путем препятствие функционированию этого учреждения (ст. 92); это деяние рассматривается, как преступление против порядка управления, и наказывается лишением свободы на срок не ниже 2 лет; повреждение документа вне этих условий будет простым повреждением имущества, если оно не переходит в подлог документа; 7) повреждение печатей или иных знаков, наложенных по распоряжению власти с целью охраны определенных предметов или помещений (ст. 100); это деяние относится точно также к числу преступлений против порядка управления, как вид неповиновения власти, и наказывается принудительными работами на срок не ниже 1 мес. или штрафом не ниже 100 руб. зол.¹); 8) истребление или порча наложенных при землеустройстве граничных временных или постоянных знаков

¹ Угол. Код. УССР знает еще один вид повреждения имущества, отнесенный к преступлениям против порядка управления, это — уничтожение архивов и архивного имущества (ст. 102¹), оно наказывается штрафом до 300 р. зол. или принудительными работами или лишением свободы на срок до 1 года.

(ст. 100а); это деяние точно также отнесено к группе преступлений против порядка управления, представляя собою собственно посягательство на удостоверительные знаки земельных отношений; оно карается принудительными работами на срок не ниже 1 месяца или штрафом не ниже 100 руб.; 9) надругательство над государственным гербом, флагом или памятником революции, в котором оскорбительно проявляется неуважение к Республике (ст. 87); это деяние точно также является преступлением против порядка управления и наказывается лишением свободы на срок не ниже 6 мес.; оно само по себе не является повреждением имущества, но может быть совершено и посредством повреждения указанных в ст. 87 предметов; 10) далее надо иметь в виду, что повреждение чужого имущества в виде повреждения запоров, хранилищ и других преград, препятствующих доступу к похищаемому имуществу, может являться средством для совершения похищения чужого имущества; в таких случаях обычно в законодательстве конструируется особый вид квалифицированной кражи — кражи со взломом или, как выражается более общим образом Угол. Код., кражи с применением орудий или инструментов или других технических приспособлений и приемов (ст. 180 п. „б“); этот способ действия несомненно включает в себе и т. н. взлом, т.-е. повреждение имущества; наказание в этом случае полагается в виде лишения свободы со строгой изоляцией на срок до 2 лет, т.-е. выше того, которое положено за простое повреждение; 11) наконец, надо отметить еще одно деяние, которое само по себе не является непосредственным повреждением имущества, но в отдельных своих проявлениях может заключать в себе особый вид повреждения его, — искусственное уменьшение стоимости наследства в целях обхода законов о праве наследования и наследственных пошлинах (ст. 79а); это деяние помещено в группе преступлений, направляющихся против порядка управления, и карается лишением свободы или принудительными работами на срок не ниже 6 мес. или конфискацией всего или части имущества или наложением

имущественных взысканий не ниже двойного размера полагающейся наследственной пошлины. Данное преступление обнимает собой деяния разного рода, имеющие в виду умалить наследство в его стоимости; так как наследование допускается вообще по Гражданскому Код. в пределах общей стоимости наследственного имущества не свыше 10000 рублей, за вычетом всех долгов умершего (ст. 416 Гр. Код.), то всякое искусственное умаление стоимости наследства с тем, чтобы придать ему ценность ниже положенной по закону, будет составлять преступление, предусмотренное ст. 79а; с другой стороны сюда подойдет уменьшение стоимости всякого наследства для того, чтобы избежать уплаты наследственной пошлины, которая соответствует действительной стоимости этого наследства. Самое преступление в этом случае выражается или в такой деятельности, которая направлена на обременение наследственного имущества фиктивными долговыми обязательствами—что выходит уже за пределы понятия повреждения имущества—или же в такой, которая заключает в себе прямое повреждение отдельных предметов, входящих в состав наследства, для их обесцеления; таким образом повреждение имущества, совершенное с целью обхода законов о праве наследования и о наследственных пошлинах, должно наказываться не по ст. 196, а по ст. 79а Угол. Код.

ОТДЕЛЕНИЕ II.

Преступное приобретение имущества.

§ 14. Понятие и виды преступного приобретения имущества. Наряду с повреждением имущества в группу преступлений, направляющихся против имущества, как материальной вещи, входят два деяния, обычно рассматриваемые, как весьма несходные, но на самом деле имеющие известные общие признаки, которые дают возможность объединять их в одну группу, несмотря на все различие в самом характере преступной деятельности; это—присвоение (ст. 185 Угол. Код.) и похищение имущества (ст. 180, 180а,

182 — 184). Оба эти преступления представляются разнообразностью более общего понятия преступного приобретения имущества, противопоставляемого повреждению его.

Общим моментом, одинаково характеризующим и присвоение, и похищение имущества является то, что они заключают в себе уменьшение сферы имущественного обладания потерпевшего, сопровождающееся соответственным увеличением имущественного обладания виновного: потерпевший теряет известную вещь, которую именно и приобретает виновный; в этом их отличие от повреждения, где имеется одно лишь уменьшение имущества потерпевшего. Другой общий момент для обоих этих преступлений, правда, имеющий менее существенное значение, но являющийся в то же время признаком их отличия от повреждения, заключается в особенности предмета посягательства. Повреждение может направляться, как на такое имущество, которое может быть переносимо или перевозимо, на движимую вещь, так и на такое, которое представляется неподвижным, недвижимым. Это понятие недвижимого имущества не совпадает однако с тем, которое существовало в нашем дореволюционном гражданском праве, относившем к недвижимости землю и находящиеся на ней строения, и которое в настоящее время потеряло силу, так как с отменой частной собственности на землю деление имуществ на движимые и недвижимые упразднено (ст. 21 прим. Гражд. Код.); под недвижимым имуществом в смысле уголовного права разумеется все то, что представляется неподвижным и прежде всего строения; повреждение может направляться и на строение, приобретение же имущества (присвоение и похищение) направляется только на движимые вещи. Приобретение права на строение, совершаемое противозаконным путем, напр., посредством обмана, входит в группу тех имущественных преступлений, которые направляются на имущество не в смысле материальной вещи, а в смысле имущества вообще.

Приобретение имущества характеризуется тем, что в нем преступное посягательство направляется на вещь, как

на предмет внешнего мира, в разъясненном ранее смысле. При этом заключающееся в нем уменьшение имущественной сферы одного лица, потерпевшего, и увеличение имущественной сферы другого, виновного, имеют своим ближайшим объектом одну и ту же вещь. Эта вещь прибавляется к имуществу виновного, составляет его прибыль, которой соответствует такая же убыль на стороне потерпевшего, утрачивающего именно данную вещь. Тождественность предмета в обоих случаях (потеря на одной стороне и получение на другой) отличает присвоение и похищение имущества, как приобретение имущества, от всех тех преступных деяний, где виновный вообще противозаконно обогащается на счет другого лица, напр., если он принуждает потерпевшего отказаться в его пользу от какого-нибудь имущественного права, что дает ему известную имущественную выгоду; это понятие выгоды, с которой связывается представление о посягательстве на имущество вообще, шире того понятия прибыли, которая получается при приобретении имущества, как материальной вещи.

Поскольку приобретение имущества понимается, как приобретение одним лицом и утрата другим одного и того же, тождественного предмета, постольку приобретение имущества будет на лицо, т.-е. состав присвоения или похищения будет выполнен, коль скоро данный именно предмет обращается виновным в свою собственность. Если виновный, присваивал или похищая чужую вещь, в то же время дает ее эквивалент, ее равноценность, то это не меняет характера данного преступления, как посягательства на чужое имущество. Безвозмездность приобретения вещи не является таким образом необходимым признаком рассматриваемых преступлений; только в том случае, если закон в определении состава данного вида приобретения имущества вводит указание на корыстную цель (напр., ст. ст. 185 и 187 Угол. Код.), исключается возможность говорить о преступности возмездного приобретения имущества.

Пужно, однако иметь в виду, что в нашей литературе многие писатели (напр., Фойницкий, Велогриц-Котляревский и др.) требуют непременно безвозмездности при-

обретения имущества, указывая, что в случае предоставления потерпевшему одновременно с противозаконным приобретением имущества его эквивалента, нет уменьшения экономической сферы потерпевшего; здесь будет самовольный обмен, а не присвоение или похищение имущества. По против этого взгляда можно возразить, что существенным элементом рассматриваемых преступлений является уменьшение сферы имущественного обладания именно, как юридической, а не экономической сферы, и то обстоятельство, что потерпевший в экономическом смысле ничего не потерял от данного посягательства на имущество, не отнимает у него характера преступного посягательства; самая сущность рассматриваемой группы преступлений заключается именно в том, что они направляются на отдельную определенную материальную вещь, а не на имущество вообще, и раз данная вещь приобретена виновным противозаконным путем, преступление будет на лицо, независимо от того, обогатился ли он при этом или нет.

Наряду с общими признаками в составе обоих видов приобретения имущества—присвоения и похищения, между ними имеется существенное различие, которое дает возможность противопоставлять их друг другу, как особые виды данной группы посягательства на имущество. Это различие между ними коренится в различии способа приобретения имущества. В этом отношении нужно иметь в виду, что приобретение имущества складывается из двух моментов, которые всегда логически должны следовать один за другим, хотя они фактически могут и совпадать друг с другом. Это, во-первых, изъятие данного предмета из сферы чужого имущественного обладания и, во-вторых, обращение его в сферу своего имущественного обладания.

Что касается первого момента, то при присвоении в основе его лежит акт непротивозаконный: имущество было в обладании виновного на правомерном или во всяком случае, по крайней мере, не на противоправном основании; он лишь обращает в свою собственность то, что было в его обладании; напротив, при похищении такого непротивозаконного основания изъятия чужого имущества нет: виновный изымлет имущество, находившееся в обладании другого лица, захватывает его. В этом коренное различие между обоими преступлениями.

Второй момент—обращение имущества в свою собственность—при присвоении заключается в том, что виновный

распоряжается имуществом, которым он владеет, как своим собственным, причем это устанавливается определенным актом его деятельности, который свидетельствует о том, что виновный смотрит на находящееся у него имущество, как на свое собственное — не возвращает имущество по требованию его собственника, тратит его и т. п.; при похищении такое действие предполагается в дальнейшем, самый же акт захвата рассматривается, как акт, направленный на обращение имущества в свою собственность. Поэтому обычно для характеристики похищения выдвигается присущий ему признак цели присвоения, т. е. обращения похищаемой вещи в свою собственность. Таким образом, при похищении, которое производится для присвоения, т. е. для приобретения вещи, не требуется каких-нибудь актов деятельности виновного, доказывающих обращение им чужого имущества в свою собственность, что необходимо для присвоения. Здесь достаточно установленная наличности цели обращения в свою собственность чужого имущества при изъятии его или захвате из чужого обладания.

РАЗДЕЛ I.

ПРИСВОЕНИЕ ИМУЩЕСТВА.

§ 15. Понятие присвоения имущества. Присвоение имущества (ст. 185 Угол. Код.) есть умышленное обращение виновным в свою собственность имущества, находящегося в его обладании.

Так как данное преступление характеризуется тем, что виновный владеет присвоенным им имуществом на правомерном или, по крайней мере, не на противоправном основании и лишь противозаконно обращает его в свою собственность, то первоначально это деяние всюду рассматривается не как преступление, а как гражданское правонарушение, дающее основание лишь для предъявления гражданского иска, а не для возбуждения уголовного преследования. С течением времени оно однако начинает рассматриваться в качестве наказуемого правонарушения, при чем основанием для этого в одних законодательствах был признан особый способ действия виновного, именно, пропавшие им при обращении чужого имущества в свою собственность ложь и коварство (защитительство, ложные заявления и т. п.) — точка зрения старого германского права, в других — нарушение особого доверия, которое питал потерпевший к виновному и которое проявилось в заклю-

челю ил с виновным договора, предоставившего и его обладание присвоенную ил вещь,—точка зрения французского права.

Постепенно германское право перестало обращать особое внимание при присвоении на коварный, хитрый способ действия виновного и в настоящее время выработало общее понятие присвоения имущества, настолько широкое, что под него можно подводить все возможные случаи обращения виновным в собственность или имущества, которое поступило к нему во владение на правомерном основании или которым он завладел вопрекизаконным путем (присвоение имущества вверенного, найденного, забытого, потерянного случайно, по ошибке и т. п.); по этой конструкции присвоение вверенного имущества есть лишь разновидность общего понятия присвоения чужого имущества.

Напротив, франц. право удерживает свою прежнюю точку зрения и, не создав до сих пор общего понятия присвоения, знает лишь присвоение вверенного, характеризуя его, как злоупотребление доверием; при этом под вверенным имуществом оно разумеет только имущество, поступившее в обладание виновного на основании одного из договоров, указанных в самом законе, не зная других видов присвоения имущества; оно однако говорит особо о присвоении найденной вещи, рассматривая его, как кражу.

Угол. Код. присвоением чужого имущества считает только присвоение вверенного имущества (ст. 185) и не предусматривает ни присвоения найденного, ни присвоения забытого, ни, наконец, присвоения имущества, полученного виновным случайно или по ошибке.

Этот пробел Угол. Код. несколько пополнен постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 10 окт. 1923 г. о купле-продаже в розницу с рассрочкой платежа (собр. узак. № 79, ст. 770), по которому наказывается по ст. 185 отчуждение с корыстной целью (перепродажа, залог и передача другим способом третьим лицам) приобретенного в рассрочку имущества до полной уплаты продавцу цены за него, равно как пользование им таким способом, который явно не соответствует его природе (ст. 3); но наряду с этим деянием поставлено еще одно, наказуемое также по ст. 185, но собственно не представляющееся видом присвоения чужого имущества, а именно,—неоповещение покупателем продавца о всяком обращении со стороны третьих лиц взыскания на это имущество; наказание за это деяние положено в том случае, если неисполнение указанной обязанности повлекло за собой продажу имущества с имущественной выгодой для покупателя в виде,

напр., полного или частичного освобождения покупателя от задолженности его третьему лицу (ст. 4).

С другой стороны этот пробел пополнен также пост. СНК РСФСР от 14 мая 1924 г. о пригубном скоте (собр. узак. № 46, ст. 442), по которому один факт несообщения органам милиции или сельсовету о нахождении пригубного скота карается по ст. 185 Угол. Код.

Не зная таким образом, присвоения чужого имущества вообще, Угол. Код. предусматривает лишь присвоение вверенного имущества, которое может быть определено, как обращение виновным в свою собственность имущества, переданного ему другим лицом во владение для определенного назначения (ст. 185) ¹⁾.

§ 16. Объект присвоения имущества. Объектом присвоения является имущество в смысле вещи в том ее понимании, как это было уже установлено.

В понятии вещи, как предмета присвоения, обращает на себя внимание различие вещей заменимых и незаменимых, которое для других преступлений против имущества, как

¹⁾ Следует, однако, отметить, что составители первоначального проекта Угол. Код., выработанный особой комиссией при инспекционно-консультационном отделе ВКЮ в объяснительной к нему записке говорили, что комиссия не находила нужным делать отдельные указания в законе на разновидности присвоения (напр., случаи находки вещей потерянных или забытых, получение предмета по ошибке и т. п.), так как по существу они представляются видом обладания вещью, не регулируемым особым соглашением гражданско-правового характера, и потому всецело поглощаются в отношении уголовной реакции основным понятием присвоения (Материалы Народного Комиссариата Юстиции X. 1921 г., стр. 54).

В литературе подводит по аналогии под ст. 185 присвоение вещи, очутившейся во владении присвоителя по ошибке, а также присвоение забытой вещи в том месте, на которое распространяется власть лица, эту вещь взявшего, Гродзинский (назв. соч., стр. 384), и присвоение вещи забытой или найденной Немировский (назв. соч. стр. 282). Ср. также точку зрения Змиева (назв. соч., стр. 53), который находит, что, если обвиняемый, взяв вещи у пьяного, предполагал возвратить их последнему по его вытрезвлению, по этому не исполн., то налицо будет также присвоение.

вещи, особенного значения не имеет. Вещи заменимые представляются индивидуально неопределенными, например, денежные знаки, бутылки вина одного сорта, мешки с рожью одного и того же качества и т. п.; незаменимыми же напротив являются вещи, индивидуально определенные или по самому своему существу, напр., книга, являющаяся библиографической редкостью, или же по специально выраженному желанию их хозяина, напр., какие-нибудь вещи, переланные в запечатанном виде виновному, в частности определенные денежные знаки. Различие между заменимыми и незаменимыми вещами имеет значение в том отношении, что первый же акт израсходования незаменимой вещи образует законченный состав преступления, тогда как в отношении заменимой вещи преступление будет налицо лишь тогда, когда в известный момент или в известном месте не оказалось в наличии данной вещи. Так, получивший от другого определенную сумму денег на покупку каких-либо вещей и обладающий такой же суммой своих денег не совершает преступления, если он именно те денежные знаки, которые ему были даны, сейчас же израсходовал на свои надобности, а к тому же сроку, когда надо было исполнить данное ему поручение, купил требуемое на свои деньги. Напротив тот, кто получил во владение незаменимую вещь, напр., получил в починку редкую вазу, совершает преступление в тот момент, когда он эту вазу отчуждает, напр., продает ее на рынке.

Как и в других преступлениях против имущества, как чужой собственности, имущество, как объект посягательства, в виде общего правила, должно быть для виновного чужим, так как присвоение вверенного имущества есть посягательство на чужую собственность. Чужим имуществом будет имущество, не принадлежащее виновному на праве собственности, хотя бы оно и находилось в его владении. Поэтому под понятие присвоения вверенного имущества можно подводить присвоение имущества, купленного в рассрочку, так как оно не принадлежит покупателю на праве собственности до погашения всей суммы долга (напр. отчуждение куплен-

ной в рассрочку швейной машины); этот случай специально предусмотрен в вышеупомянутом постановлении ВЦИК и СНК от 10 октября 1923 г.

Нужно однако иметь в виду, что, согласно определения Угол. Кодекса, предметом присвоения может быть и собственное имущество виновного, так как в Угол. Код. говорится вообще об имуществе, вверенном для определенной цели, а не о чужом имуществе. Этот взгляд подтверждается и другими узаконениями. Так, по Полож. о взимании налогов и сборов (собр. узак. 1922 г. № 44, ст. 550), растрата описанного имущества, переданного на хранение недоимщику, карается, как присвоение вверенного государством имущества (ст. 14). Точно так же Инструкция ВЦИК и СНК РСФСР от 11 июля 1923 г. о порядке привлечения к ответственности за нарушение декрета о едином сельскохозяйственном налоге (собр. узак. № 67 ст. 653) устанавливает, что описанное за неуплату налогов имущество сдается на хранение владельцу его под расписку с предупреждением, что за растрату описанного имущества до окончательного решения дела он несет ответственность по ст. 185 Угол. Код. (§ 24).

По самому своему существу растрата собственного имущества в случаях, только что приведенных, не может, однако, быть названа растратой в подлинном смысле этого слова. Растрата есть обращение имущества в свою собственность, и противозаконно растратить вообще можно лишь чужое имущество, а не свое собственное; переданное на хранение недоимщику описанное у него имущество остается все же его собственностью, он лишь ограничен в распоряжении или пользовании им; он не может приобрести этого имущества в собственность, а без этого момента обращения имущества в свою собственность присвоения имущества вообще быть не может.

Имущество, как объект присвоения, должно обладать еще одним юридическим свойством—оно должно находиться в обладании виновного или, как говорит Угол. Код., оно должно быть ему вверено для определенной цели, т.-е. должно быть

вверено или передано виновному для определенного назначения. Какой договор лежит в основании подобной передачи, не имеет значения: вещь может быть вверена на сохранение, для переноски, перевозки, для передачи третьему лицу, в пользование (напр., „на прокат“), в наем, в заклад, в починку и т. п. Эта передача должна быть добровольная, т.-е. должна совершаться не против воли собственника, все равно, будет ли она осуществлена им самим или другим лицом, по его поручению или с его разрешения. Только в том случае она может быть недобровольной и совершаемой против воли собственника, когда в основании ее лежит какое-нибудь распоряжение органа надлежащей власти, которым данное имущество изымается у его собственника и передается третьему лицу (напр., при аресте имущества). Таким образом, в основании владения виновного лежит здесь во всяком случае легальный титул, законное основание; самое владение здесь легально, нелегально лишь обращение имущества, которым владел виновный, в свою собственность. Для состава преступления в виду этого необходимо, чтобы с передачей владения данной вещью прекращалось фактически владение ею со стороны самого собственника, а это будет тогда, когда собственник вещи передает ее другому с тем, чтобы он по своему усмотрению и самостоятельно распоряжался ею, сообразно ее назначению или цели самой передачи. Поэтому, напр., портной, взявший в починку чужой костюм и продавший его, совершает присвоение имущества, а не похищение его; если же лицо, которому вещь передается, не может самостоятельно распоряжаться ею соответственно назначению ее, а обязано лишь оградить владение ее собственника, которое здесь фактически не прекращается, то в случае обращения этим лицом вещи в свою собственность оно совершает кражу, а не присвоение. Это приходится иметь в виду относительно того случая, когда данная вещь, служащая предметом посягательства, относится к сфере хозяйственной обстановки известного лица. Так, прислуга, присвоившая хозяйскую посуду, совершает кражу, а не присвоение чужого имущества, так как

квартирохозяин, наняв прислугу, не переносит на нее тем самым своего владения этой вещью.

§ 17. Вина и действие в составе присвоения имущества. Со стороны вины присвоение имущества должно быть умышленным, т.-е. виновный должен знать, что то имущество, которое находится в его владении, не принадлежит ему на праве собственности, и желать поступить с ним, как со своею собственностью. Мотив и цель деятельности виновного при этом вообще значения не имеют; однако, для одного вида присвоения, именно того, который характеризуется, как самовольное удержание вверенного имущества, требуется по Угол. Код. непременно корыстная цель, т.-е. цель обогатиться на счет присваиваемого имущества; поэтому удержание имущества с целью, напр., раздать его бедным или с одновременным представлением его эквивалента, по буквальному смыслу ст. 185, не будет составлять преступления, поскольку здесь нет корыстной цели; но для другого вида присвоения — растраты этой особой цели не устанавливается, так что всякое отчуждение вверенного имущества по какому бы оно мотиву ни произошло, является преступным. Поэтому вполне последовательно Инстр. ГУКХ и Госстраха 1923 г. указывает, что арендатор, получивший от страхового учреждения пожарное вознаграждение, за обращение последнего не по назначению отвечает по ст. 185 (п. XII) ¹⁾.

Что касается неосторожного присвоения, то оно несомненно исключается в отношении того вида присвоения, который характеризуется, как удержание имущества, поскольку здесь выдвигается специальная цель деятельности виновного;

¹⁾ Гродзинский (назв. соч. стр. 388) считает корыстной целью намерение опять безвозмездно имущество у потерпевшего и распорядиться им, как собственным, причем безразлично, намерен ли присвоитель сам воспользоваться данной вещью или предполагает передать ее кому-либо другому, и требует корыстной цели для обоих видов присвоения. Точно также Немировский (назв. соч., стр. 281) понимает корыстную цель, как цель обращения в свою собственность.

но то же надо допустить и в отношении другого вида присвоения — растраты, которая сама по себе по самому своему существу предполагает умысел и исключает возможность неосторожности. Конечно, ошибочное представление виновного относительно того имущества, которое он отчуждает, устраняет преступный характер деяния; так, если кто-нибудь ошибочно принимает чужую вещь, находящуюся в его обладании, за свою собственную, и отчуждает ее, он не совершает наказуемого присвоения чужого имущества.

Действие в составе преступления заключается в присвоении, т.-е. в обращении в свою собственность вверяемого имущества. При этом Угол. Код. указывает два способа совершения этого преступления: это 1) самовольное удержание и 2) растрата имущества.

1) Удержание является по своей сущности бездействием и заключается в невозвращении имущества в тот срок, в который оно должно было быть возвращено ее собственнику или лицу, действующему по его поручению и заменяющему его, или же в неупотреблении этого имущества в определенный срок согласно тому назначению, которое было указано в соответствующем договоре; при этом безразлично, почему происходит это удержание, потому ли, что виновный не желает возвратить вещь, или потому, что он не может этого сделать вследствие предшествующего ее издержания. Так, преступное деяние может выражаться просто в том, что в назначенный срок виновный не доставляет обратно того имущества, которое он обязан был по договору возвратить, не прибегая для этого ни к каким заявлениям и не сопровождая его никакими уловками. Оно может, далее, выражаться в прямом отказе возвратить имущество или же употребить его, согласно назначению. Наконец, преступное удержание имущества может выражаться в том, что виновный отрицает самый факт присвоения, указывая на то, что он не получал вовсе данного имущества от потерпевшего, или же утверждает, что употребил его согласно назначению, чего в действительности не было, или же, наконец, ложно заявляет, что потерял это

имущество. Но конечно, эти ложь и запертость отноди не являются признаками самого преступления, встречаясь лишь в некоторых отдельных его случаях.

Однако не всякое удержание имущества, даже если наступил срок его возвращения, образует состав преступления: для этого нужна корыстная цель; поэтому если, напр., портной, взявший в кочинку костюм, не приносит его в назначенный срок и обещает его привести через несколько дней, ссылаясь на то, что костюм еще не готов, то здесь нет противозаконного удержания: в данном случае можно усматривать только просрочку исполнения обязательства. Конечно, вопрос факта — выяснить, имела ли в подобном случае простая просрочка, или же налицо преступное удержание. С этой точки зрения едва ли правильна та категоричность, которая была выражена в цирку. НКЮ РСФСР 1923 № 2 о привлечении по ст. 185 Угол. Код. лиц, не возвращающих книг, полученных ими из государственных библиотек, на том лишь основании, что указанное деяние не может не рассматриваться, как присвоение или растрата государственного достояния. Необходимо, очевидно, и в этом случае установить, что виновный, удерживая вверенное ему имущество, действовал по корыстным соображениям, т. е. имел цель личного обогащения. Это признано и Пленумом Верховного Суда РСФСР, указавшим в постановлении 1924 г. (прот. № 8), что „суд при рассмотрении дела должен по общему правилу, в каждом отдельном конкретном случае установить признаки состава преступления по ст. 185. Следовательно, состав уголовно-наказуемого преступления при невозвращении абонентом книг, взятых для чтения из книгохранилищ, может иметь место исключительно в тех случаях, когда по делу установлены признаки состава преступления по ст. 185 Угол. Код., т. е. 1) самовольное удержание с корыстной целью или 2) растрата“.

2) Другой способ действия — растрата — предполагает активную деятельность виновного, учинение известного акта, в котором проявляется распоряжение чужим имуществом, как своим собственным. Растрата предполагает акт отчуждения,

в чем бы он не выразился — продаже этого имущества, мене, дарении, непосредственном издержании его на свои надобности, потреблении его и т. п. С другой стороны растрата должна быть признана и в случае утайки или сокрытия имущества, когда виновный заявляет, что вверенного ему имущества у него нет, а где оно находится, он сообщить не желает ¹⁾).

Нельзя однако относить к растрате дачу в заклад вверенного имущества, независимо от того, обеспечен или нет выкуп заложенного; в этом случае нет увеличения сферы имущественного обладания виновного в отношении данного именно предмета; здесь можно видеть лишь самовольное распоряжение чужим имуществом, которое вообще ненаказуемо, или же наказуемо как самоуправство, поскольку будут налицо признаки этого преступления, указанные в законе (ст. 103) ²⁾. Нужно однако иметь в виду, что в понятие промотания воинского имущества (ст. 207), которое представляет особый вид присвоения, входит вследствие прямого указания Угол. Код. и заклад имущества. С другой стороны Постановление ВЦИК и СНК от 10 октября 1923 г. предусматривает, как частный случай присвоения чужого имущества, заклад имущества, купленного в расрочку до полной уплаты цены за него продавцу.

Под растрату нельзя подводить, далее, на том же основании, повреждение или истребление чужого вверенного имущества, так как здесь деяние выражается лишь в причинении вреда имуществу, а не в увеличении таким путем сферы имущественного обладания виновного; повреждение или истре-

¹⁾ По один вид сокрытия вверенного имущества предусматривается в Угол. Код. УССР не в качестве присвоения имущества, а в качестве особого преступления, помещенного среди нарушений правил об отделении церкви от государства и караемого более строго, чем присвоение (принудительными работами или лишением свободы на срок до 1 года), это — сокрытие церковного имущества, сданного по договору верующим (ст. 125⁴ Угол. Код); соответствующей статьи в Угол. Код РСФСР не имеется.

²⁾ Иного мнения Зяев (назв. соч. стр. 56), который относит заклад вверенного имущества к присвоению.

бление вверенного имущества будет обыкновенным повреждением, а не растратой; впрочем, указанное Постановление 10 окт. 1923 г. относит к присвоению пользование купленным в рассрочку имуществом таким способом, который явно не свойственен природе имущества и ведет к его бесхозайственному уничтожению или порче.

Нельзя точно также подводить под растрату и простую утерю имущества, хотя бы она и произошла по вине обладателя им лица, напр., потерю той суммы денег, которая была дана для покупки определенной вещи. Утеря только в особых случаях может рассматриваться, как преступление, хотя бы и приравливаемое к растрате по наказуемости, но однако с нею не сливающееся, так как оно заключается в неисполнении виновным особой обязанности бережного отношения к чужой вверенной ему вещи. Таков случай оставления без присмотра и в ненадлежащем месте военнослужащим выданного ему казенного имущества (ст. 207), предусмотренный в Угол. Код. в качестве особого воинского преступления. Здесь налицо нарушение особой обязанности военнослужащего относиться бережно к выданному ему казенному имуществу. Это деяние в Угол. Код. поставлено наряду с промотанием, т. е. растратой, но оно не является его видом.

Нельзя кроме того видеть растрату и во временном пользовании предметом, не переходящем в его потребление, напр., в пользовании чужой вверенной на сохранение пишущей машиной, в пользовании чужой лошадью, поставленной в конюшне лица, пользующегося ею. В случаях этого рода место гражданскому иску, а не наказанию.

Наконец, нельзя подводить под растрату самовольное распоряжение чужим вверенным имуществом для удовлетворения собственной претензии к потерпевшему: это самоуправство, а не растрата.

Оконченным присвоение делается тогда, когда в каком нибудь акте деятельности виновного обнаружилось его желание использовать вверенное ему имущество в качестве своей собственности.

Этот момент устанавливается неодинаково для отдельных видов присвоения. Для самовольного удержания таким моментом будет тот, когда для виновного наступила обязанность возвратить вещь или употребить ее по назначению, и это им не сделано. Подобный момент может определяться или заранее поставленным сроком, но при этом, как сказано выше, следует учитывать возможность просрочки исполнения договора, или же категорическим требованием собственника вещи; такое требование, по существу известных правоотношений, иногда предполагается имеющимся всегда в наличности; так, напр., в отношении должностных лиц, которым вверено то или иное имущество, факт ненахождения в надлежащем месте и в надлежащее время этого имущества является моментом, решающим вопрос о наличности совершенного присвоения. Что касается растраты, то моментом ее окончания является всякий акт, которым совершается отчуждение имущества, его издержание или потребление.

Покушение при присвоении немаловажно. Это само собой разумеется в отношении самовольного удержания, так как нельзя себе представить покушения на бездействие, — все предшествовавшее тому моменту, когда надо было действовать, представляется юридически безразличным. Но и при растрате точно также, пока не совершен первый ее акт, нельзя говорить о начале преступления, а раз он совершен, преступление уже выполнено.

§ 18. Виды присвоения имущества. 1) Присвоение простое. Уголовный Кодекс, предусматривая присвоение вверенного имущества в виде самовольного его удержания и в виде растраты, оба эти случая приравнивает друг к другу по наказуемости, образуя из них состав простого присвоения имущества, наряду с которым создаются его особые виды, рассматриваемые в качестве преступлений иного рода.

Простое присвоение вверенного имущества есть присвоение имущества, не осложненное теми привходящими моментами, которые присущи его особым видам (ст. 185 Угол. Код.).

Наказание за простое присвоение—принудительные работы или лишение свободы на срок до 6 мес.

К особым видам присвоения относятся: а) должностное присвоение и б) промотание военно—служащим казенного имущества. Эти преступления, будучи разновидностью общего понятия присвоения, представляют однако известные особенности, вследствие которых они выделены из имущественных преступлений и отнесены в группы иных преступлений, затрагивающих интересы общества.

Нужно кроме того иметь в виду, что Уголовному Кодексу известно еще понятие растраты имущества (ст. 128 и 129), охватывающее собой не только растрату, но и всякое иное распоряжение имуществом, повлекшее за собой его недостачу; данное преступление относится к области преступлений не против имущества, как материальной вещи, а против имущества вообще.

§ 19. 2) Особые виды присвоения: а) должностное присвоение. Присвоение должностным лицом вверенного ему по службе имущества Угол. Код. рассматривает, как преступление по службе (ст. 113) ¹⁾.

Должностное присвоение, хотя и помещено среди преступлений по службе, но на самом деле представляет собой разновидность общего понятия присвоения чужого вверенного имущества, которое лишь в виду особенностей субъекта преступления—должностного лица—выделяется из общего понятия присвоения. На самом деле, оно так же не является особым преступлением по службе, так как не заключает в себе нарушения особой служебной обязанности, как не является им, напр., кража, совершенная должностным лицом, злоупотребившим своим положением. Такая кража в Угол. Код. совершенно правильно рассматривается как общее, а не должностное преступление (ст. 180 п. „д“ и „е“).

¹⁾ Деяние это в первом издании Угол. Код. предусматривалось одновременно и как квалифицированный вид присвоения вверенного имущества (ст. 186) и как должностное преступление (ст. 113). В настоящее время ст. 186 исключена, как поглощаемая ст. 113.

Должностное присвоение представляет лишь некоторые особенности в отношении отдельных элементов состава преступления, по сравнению с простым присвоением.

Субъектом его является должностное лицо, понятие которого определено прим. к ст. 105 Угол. Код. Должностные лица—это лица, занимающие постоянные или временные должности в каком либо государственном (советском) учреждении или предприятии, а также в организации или объединении, имеющем по закону права, обязанности и полномочия в осуществлении хозяйственных, административных, просветительных и других общегосударственных задач.

Предметом должностного присвоения является всякое имущество; в ст. 113 в виде примера указываются деньги или иные ценности (следовательно, напр., банковые билеты, облигации, бриллианты и т. п.) наряду с иным имуществом; понятие последнего, несомненно, охватывает и такие предметы, как напр., спирт, отобранный у самогонщика и приобщенный к делу в качестве вещественного доказательства, документ и т. п. Это имущество, конечно, должно быть для виновного чужим и должно находиться в его обладании, как состоящее в его ведении, в силу его служебного положения, т.-е. должно быть вверено ему по службе: виновное должностное лицо должно владеть этим имуществом по своему служебному положению.

Так как возможна и кража, совершаемая должностным лицом, в отношении имущества, которое принадлежит государству и к которому оно может иметь известное отношение по службе, то возникает вопрос о разграничении в этом случае понятия кражи от понятия присвоения. Что касается кражи, совершенной должностным лицом, то в Угол. Код. предусмотрены следующие ее виды: кража, совершенная из государственных или общественных учреждений и других хранилищ а) лицом, имеющим в силу своего служебного положения доступ в таковые (ст. 180 п. "д"), б) лицом, которому вручено заведывание учреждениями или складами или их охрана (ст. 180 п. "е"); наряду с этим поставлено в) хищение,

совершаемое из тех же мест ответственными должностными лицами (ст. 180а). Сопоставляя эти случаи с должностным присвоением (ст. 113), приходится сказать следующее. Должностные лица, имеющие доступ в известные помещения в силу своего служебного положения, а также лица, которым вручено заведывание складами или надзор за ними, а также вообще ответственные лица не имеют того владения похищаемыми ими вещами, которое соединено с правом распоряжения последними согласно их назначению. Им может быть поручено общее наблюдение и надзор, владение же этими вещами может быть предоставлено другим лицам, непосредственно в ведении которых данное имущество и состоит и которые могут обратить его в свою собственность, совершив должностное присвоение. Таким образом, признание имущества вверенным по должности данному лицу или находящимся в его ведении в силу его служебного положения предполагает наличие специального поручения владения этим имуществом данному должностному лицу. Это поручение должно вытекать или из самой сущности известной должности (напр. должности казначея) или должно основываться на особом роде деятельности данного должностного лица, предполагающей возможность нахождения в его обладании чужого имущества в силу его служебного положения (напр., народного следователя, агента уголовного розыска, служащего таможни и т. п.)¹⁾. Во всяком случае имущество, оказавшееся у виновного не в силу его служебного положения, а случайно, напр., имущество, переданное ему частным лицом, в виду того, что оно у него, как

¹⁾ Оршанский (Угол. Код. советских республик, текст и комментарий под ред. С. Капарского, стр. 261) говорит, как о предмете присвоения, об имуществе, принадлежащем учреждению или организации и вверенном ими должностному лицу этого учреждения или организации в интересах служебной деятельности. Нельзя с другой стороны признать правильной точку зрения, высказанную в опр. уг.-кас. кол. Верховуда РСФСР 1924 г. № 26102 по д. Мещанинова, которым признано, что вскрытие заказных писем, в коих пересылались денежные ценности, и присвоение таковых у частных лиц следует квалифицировать по ст. 105 ч. 1.

у казначея учреждения, может быть в лучшей сохранности, будет предметом простого, а не должностного присвоения.

Вина при должностном присвоении так же, как и простом, может быть только умышленной. Специального мотива корыстного обогащения Угол. Код. при должностном присвоении не требует.

Преступное действие в составе должностного присвоения может выражаться так же, как и при простом присвоении, или в самовольном удержании чужого имущества или в его растрате. Поэтому не будет должностным присвоением тот случай, когда должностное лицо временно пользовалось каким-нибудь имуществом, находившимся у него в обладании по службе, но без издержания его, и затем это имущество возвратило. Точно также не будет должностным присвоением одно незаписание на приход и хранение у себя вверенных по службе денег. Наконец, не будет должностным присвоением одна лишь несвоевременная сдача должностным лицом поступающих к нему сборов, которые должны быть направлены им в соответствующее финансовое учреждение. С другой стороны нужно учитывать, что могут быть случаи такого незначительного использования казенного имущества, в котором трудно видеть, по общепринятым взглядам, присвоение вверенного по службе имущества. Так, относительно имущества, являющегося необходимым средством для отправления служебных обязанностей, — бумаги, чернил, карандашей и т. п. — приходится признать, что непосредственное употребление их должностными лицами на месте службы не на служебные, а на личные надобности в незначительном количестве не образует присвоения (напр., если служащий пишет свои личные заметки на куске казенной бумаги и т. п.).

Оконченным должностное присвоение становится с момента издержания или обращения виновным имущества в свою собственность, что может быть констатировано, напр., отсутствием имущества на месте при производстве ревизии учреждения, ненахождением его в том количестве в каком оно должно было находиться в наличности и т. п.; все это может являться

обстоятельством, устанавливающим наличие совершившейся растраты. То обстоятельство, что после производства ревизии и вообще обнаружения недостачи соответствующая сумма денег была внесена виновными и, следовательно, произведенная растрата была пополнена, не меняет дела. Это обстоятельство может однако дать повод в отдельных случаях к смягчению наказания по усмотрению суда.

Покушение на должностное присвоение так же юридически немыслимо, как и покушение на простое присвоение.

Наказание за должностное присвоение — лишение свободы на срок не ниже 1 года с обязательным увольнением от должности.

Кроме простого должностного присвоения Угол. Код. предусматривает и тяжкий его вид. Квалифицирующим обстоятельством является в данном случае, а) учинение этого преступления должностным лицом, облеченным особыми полномочиями (куда, напр., можно отнести ответственных руководителей учреждений, поскольку в их непосредственном обладании или ведении оказалось казенное имущество) и б) присвоение особенно важных государственных ценностей (напр., части государственного золотого фонда).

Наказание за тяжкое должностное присвоение — лишение свободы на срок не ниже 3 лет, а при особо отягчающих обстоятельствах как, напр., в случае растраты ответственным должностным лицом имущества, собранного на голодающих и т. п. — высшая мера наказания (ст. 113 ч. 2).

§ 20. б) Промотание воинского имущества. Промотание есть противозаконное отчуждение военнослужащим выданных ему для носки предметов казенного обмундирования и амуниции, а также выданных для служебного употребления холодного или огнестрельного оружия, патронов и лошади (ст. 207 ч. 1 и 2); оно отнесено к группе воинских преступлений.

Объектом этого преступления является точно перечисленные Угол. Кодексом предметы, получаемые военнослужащим от государства для носки или служебного употребления; при-

своение всяких других казенных предметов, здесь не упомянутых, напр., присвоение выданной для прочтения книги из полковой библиотеки, составляет простое присвоение, а не специально промотание.

Со стороны вины промотание должно быть совершено умышленно, что вытекает из требования противозаконности учинения данного преступления. Виновный должен знать, что отчуждаемое им имущество принадлежит государству, и должен желать его отчудить. Мотивы и цели, которыми руководился виновный, безразличны; они могут быть и нескорыстными, что вытекает, в особенности, из ч. 4 ст. 207, допускающей совершение этого преступления и посредством дарения.

Что касается преступного действия, то, как видно из обрисовки состава данного преступления, по способу действия оно предполагает только растрату, а не противозаконное удержание, так как Угол. Кодекс говорит лишь об отчуждении казенного имущества; при этом безразлично, в чем это отчуждение проявлялось, — в продаже, мене, дарении и т. п.

Наказание за промотание неодинаковое в зависимости от особенностей его предмета: а) в случае промотания выданных для носки казенных предметов — лишение свободы до 1 года, а при смягчающих вину обстоятельствах — по правилам устава дисциплинарного с возмещением стоимости промотанных вещей, б) в случае же промотания предметов, выданных для служебного употребления, — лишение свободы на срок не ниже 1 года. Обстоятельством, увеличивающим вину, является учинение деяния в военное время или в боевой обстановке; при наличии этого обстоятельства наказание для первого случая — лишение свободы на срок не ниже 1 года, а для второго — не ниже 3 лет или высшая мера наказания.

РАЗДЕЛ II.

ПОХИЩЕНИЕ ИМУЩЕСТВА.

§ 21. Понятие похищения имущества. Похищение имущества (ст. 180, 180а, 182 — 184 Угол. Код.)

есть умышленное обращение в свою собственность имущества, находящегося в обладании другого лица, совершаемое посредством его захвата.

Будучи видом приобретения имущества, наряду с присвоением его, и являясь, как и оно, посягательством на право собственности, похищение существенно отличается однако от присвоения. Это различие заключается в том, что в то время как присвоение характеризуется, как посягательство на право собственности без нарушения владения, при похищении момент нарушения владения выдвигается на первый план, и самое посягательство на право собственности здесь производится посредством нарушения владения вещью. Преступная деятельность при похищении направляется против фактического владения вещью, будет ли оно осуществляться самим собственником или лицом, не являющимся собственником, а лишь владельцем вещи, притом безразлично, добросовестным или недобросовестным. Но во всяком случае похищением нарушается право собственности, а не одного только владения, что в особенности ясно проявляется в том, что если собственник и владелец не одно и то же лицо, то согласие того или иного на изъятие данной вещи имеет неодинаковый правовой эффект. Если собственник дает согласие на изъятие своего имущества из владения другого лица, т.-е. соглашается на его захват, то здесь похищения не будет, и тот, кто похитит при таких условиях чужое имущество, совершит нарушение чужого права владения, а не похищение. С другой стороны, если владелец дал согласие на такое изъятие без испрошения разрешения на это собственника, то захват имущества в этих условиях остается все же похищением.

В противоположность другим видам посягательств на имущество, как на материальную вещь, для которых способ совершения преступления не имеет особенного значения, похищение обычно распадается на ряд различных составов преступлений, характеризующихся определенным способом действия виновного и получающих в силу этого своеобразные

наименования. Такими способами действия могут быть тайный, открытый, насильственный и обманный, в соответствии с чем похищение можно делить на кражу, грабеж, разбой и мошенничество, но так как обман является способом действия, посредством которого совершается посягательство на имущество вообще, а не только на материальную вещь, то мошенничество, по современным взглядам, выделяется из понятия похищения, как имеющего своим объектом материальную вещь. С другой стороны, так как тайный и открытый способ действия в настоящее время не признаются так резко отличающимися друг от друга, как это признавалось прежде, когда тайному способу действия, как коварному, противопоставлялся открытый, как более благородный, и так как оба эти способа противопоставляются насильственному, от которого они существенным образом отличаются присоединяющимся моментом насилия над личностью и для которого степень интенсивности насилия особенного значения не имеет, то способ действия при похищении может быть собственно сведен к ненасильственному (тайному или открытому) и насильственному. Таким образом, в общем понятии похищения следовало бы различать только кражу и разбой.

Однако объединение отдельных видов похищения в одном понятии и сведение их к двум только видам усвоено далеко не всеми законодательствами, которые в этом отношении в общем представляют довольно пеструю картину.

§ 22. Законодательная конструкция похищения. Угол. Код. не знает единого понятия похищения и, объединяя в гл. VI все вообще имущественные преступления, различает следующие виды похищения: кражу, как тайное похищение имущества (ст. 180), грабеж в двух видах — ненасильственный (ст. 182) и насильственный (ст. 183)—и разбой (ст. 184). Что же касается мошенничества (ст. 187) и вымогательства (ст. 188), то поскольку они характеризуются Угол. Кодексом, как посягательство не только на имущество, но и на права по имуществу, они должны быть выделены из общего понятия похищения. Нужно однако иметь в виду, что

в ст. 180а Угол. Кодекса проводится некоторое объединение отдельных видов похищения имущества; именно здесь выдвигается особое понятие „хищения“ имущества, которое, как указано будет ниже, объединяет в себе случаи приобретения имущества, совершенного как путем кражи (т.-е. тайного похищения), так и обмана (в том числе и посредством подлога).

Кроме указанных видов похищения имущества Угол. Кодексу известны и некоторые другие виды, выделенные им в иные группы преступлений. Так, он особо упоминает о похищении документов из государственных учреждений в целях препятствования функционированию последних (ст. 92) и об организуемых бандами (вооруженными шайками) разбойных нападениях и ограблениях (ст. 76), рассматривая оба эти деяния, как посягательства на порядок управления; Угол. Код. знает кроме того, как особое воинское преступление, мародерство, определяя его, как противозаконное отобрание при боевой обстановке у гражданского населения принадлежащего последнему имущества с употреблением угрозы военным оружием и под предлогом необходимости сего отобрания для военных целей, а также снятие с корыстной целью с убитых и раненых находящихся у них вещей (ст. 214).

Понятие похищения имущества, как общее понятие, охватывающее различные виды противозаконного захвата чужого имущества, известно лишь немногим законодательствам, в частности французскому. Франц. право знает общее понятие похищения (vol), под которое подводится, как насильственное, так и ненасильственное похищение, причем последнее охватывает не только тайное, но и сопроводившееся обманом; сюда же им отнесены вымогательство и шантаж; но с другой стороны отсюда выделены некоторые виды имущественных обманов. Напротив, в других законодательствах, в частности в германском праве, единого понятия похищения имущества не выработалось, и отдельные виды его здесь сведены в двум — в кражу и в разбой.

§ 23. Объект похищения. Объектом похищения является имущество в смысле материальной вещи. При этом поскольку похищение есть посягательство на право собственности, не может быть речи о похищении, как иму-

щества, вообще никому не принадлежащего, так и своего собственного имущества. Взятие вещи, никому не принадлежащей, не есть похищение; но, конечно, похищение имущества, неизвестно кому принадлежащего в данный момент, образует все же преступление. Угол. Кодекс знает такой случай охраны имущества, оказавшегося неизвестно кому принадлежащим, предусматривая, как вид мародерства, снятие с корыстной целью с убитых во время военных действий находящихся у них вещей (ст. 214).

Что же касается похищения собственного имущества, то вообще его нельзя себе представить в качестве преступного деяния. Однако, если собственник похищает собственное имущество, на которое имеют права третьи лица и которое на том или ином основании изъято из его обладания (запр., собственное имущество заложенное, арестованное, описанное или присвоенное в качестве вещественного доказательства по делу и т. п.), то подобное деяние должно быть рассматриваемо в качестве особого преступления: или самовольного завладения имуществом, или самоуправства, или, наконец, посягательства на правосудие, но никак не похищения ¹⁾.

Угол. Код. в отношении стдельных видов похищения неодинаково определяет объект преступления: при краже он говорит об имуществе, находящемся в обладании, пользовании или ведении другого лица (ст. 180), при грабеже без насилия о чужом имуществе (ст. 182) — тоже должно быть признано в отношении грабежа с насилием, так как он понимается, как разновидность грабежа вообще (ст. 183), — наконец, при разбое говорится просто об имуществе (ст. 184). Таким образом, в отношении кражи и разбоя не требуется, чтобы похищенное имущество было чужим, а при грабеже это требуется. Если же обратить внимание на то, что в Угол. Код. в отношении всех вообще других преступлений

¹⁾ Все законодательства обычно понимают под похищением лишь похищение чужого или не принадлежащего виновному имущества, указывая на это в определении состава самого преступления.

против имущества требование посягательства именно на чужое имущество откинута, то надо полагать, что наше законодательство исходит во всех этих случаях из общего предположения о том, что случаи похищения собственного имущества, конечно, поскольку этим затрагиваются интересы третьих лиц, должны быть приравнены к случаям похищения чужого имущества, специальное же упоминание о чужом имуществе при грабеже имеет то значение, что здесь похищение собственного имущества, именно открытое или насильственное, но не переходящее, однако, в разбой, может рассматриваться под углом зрения иного преступления, именно самоуправства.

Имущество, как вещь, в качестве объекта похищения кроме тех признаков, которые ему присущи, как предмету других посягательств той же группы имущественных преступлений, должно обладать еще одним признаком: похищаемое имущество должно находиться в обладании другого лица, а не самого виновного (иначе это будет не похищение, а присвоение имущества).

Имущество, находящееся в чужом обладании, предполагает при похищении наличие такого отношения к вещи, которое характеризуется, как простое фактическое обладание или держание вещи. Это чисто фактическое обладание вещью может совпадать с юридическим владением ею, т.-е. таким отношением к вещи, которое исключает возможность распоряжения этой вещью всеми остальными кроме того, кто ею владеет, но может существовать и отдельно от него. При этом вовсе не требуется, чтобы похищаемое имущество фактически находилось в руках потерпевшего. Он может владеть им непосредственно, напр., держа это имущество у себя в руках, но он может пользоваться для этого известными приспособлениями, напр., хранить имущество в кармане или в ящике, или прикрепленным цепью, или привязанным веревкой; он может владеть этим имуществом, находясь на известном расстоянии от него, хотя бы и очень далеко, даже и не зная о его существовании (напр., о появившемся

приплоде скота). Наконец, он может владеть им через посредство третьих лиц, которые не имеют права самостоятельно распоряжаться данным имуществом соответственно его цели и назначению; в этом случае владение хозяина не прерывается фактическим держанием вещи этими лицами; поэтому возможно похищение имущества у его собственника прислугой, являющейся фактическим держателем этого имущества; но с другой стороны, поскольку для похищения имущества достаточно нарушения фактического обладания вещью, постольку вполне понятно похищение хозяйской вещи, совершаемое кем либо у прислуги.

Владение вещью не прекращается при этом и тогда, когда она вышла из владения хозяина. напр., забыта им или оставлена в таком месте, которое ему известно, так как таким путем не прерывается связь данной вещи с ее собственником. Взявший такую вещь совершает похищение чужого имущества.

Фактическое обладание вещью может устанавливаться или по воле самого собственника или юридического владельца, или даже вопреки их воли. Поэтому похищение имущества у вора есть все же похищение, так как для второго похитителя это имущество несомненно является чужим, раз оно находится в фактическом обладании другого лица.

Однако, коль скоро за кем либо устанавливается такое владение, при котором он получает право распоряжаться самостоятельно вещью, сообразно ее назначению, взятие последней таким лицом, есть не похищение, а присвоение.

§ 24. Виновность при похищении. Со стороны вины похищение предполагает вину умшленную. Виновный должен сознавать, что похищаемая им вещь ему не принадлежит, находясь в чужом обладании, и что посредством предприняемого им действия она может перейти в его обладание, и должен желать этого перехода. Одного допущения этого перехода (умысел эвентуальный) для состава преступления недостаточно, как недостаточно и неосторожи го похищения. Неосторожное похищение, т.е. неосторожное взятие

вещи, само по себе, конечно, вполне мыслимо, напр., взятие по небрежности чужой вещи вместо своей, но оно не является преступлением. Чтобы стать таковым, похищение должно преследовать особую цель, наличие которой исключает возможность говорить о совершении похищения по неосторожности. Похищение должно иметь целью присвоение имущества или, правильное, приобретение его, т.е. увеличение сферы своего имущественного обладания именно похищаемым имуществом.

Эта цель настолько существенна для состава похищения, что некоторые законодательства вносят указание на нее в самое определение отдельных видов похищения (напр., герм., итал., норв.), другие о ней упоминают (напр., франц.), но судебная практика непременно требует ее наличия.

Цель присвоения имущества, т.е. цель обратить его в свою собственность некоторыми криминалистами понимается более узко, именно, как цель безвозмездного присвоения чужого имущества (Фойницкий, Белогриц-Котляревский) или, как цель навсегда и безвозмездно лишить собственника его имущества (Познышев)¹; но так как противозаконное приобретение имущества может совершаться, как указано было выше, и при возмездности отчуждения чужого имущества, потому что и в этом случае имеется совершенное вопреки воле или против согласия потерпевшего уменьшение сферы его имущественного обладания, сопровождавшееся соответственным увеличением сферы имущественного обладания виновного в отношении к одному и тому же предмету, то цель присвоения должна быть понимаема, именно, как цель обратить чужое имущество в собственное.

Поэтому, если ктонибудь, совершая похищение, руководился иной целью, чем целью присвоения имущества, понимаемой в этом смысле, то он не может отвечать за похищение имущества, хотя он и может быть наказан в этом случае за какоенибудь другое имущественное преступление, или же, если такое деяние особо не предусмотрено в качестве преступного деяния, обязан лишь возместить причиненный совершенным им правонарушением вред. Так, не будет по-

¹ Гродзинский (назв. соч., стр. 377) говорит в данном случае о цели безвозмездно отобрать вещь у ее владельца и причинить ему ущерб, а в то же время доставить себе известную выгоду, а Пемировский (назв. соч. стр. 278) — о цели завладения или цели присвоения, безвозмездного обращения имущества в свою собственность или точнее о цели обращения с имуществом, как с своим собственным.

хищением, если вещь изымается из чужого владения с целью лишь самовольного распоряжения ею (напр., для ее уничтожения или повреждения) или для того, чтобы ее скрыть или выбросить, или для того, чтобы временно воспользоваться ею и потом возвратить ее владельцу, или с целью извлечь какую-нибудь выгоду из нее, не обращая ее однако в свою собственность (напр., для того чтобы ее заложить), с целью восстановить или обеспечить путем похищения свои права (напр. удовлетворить себя таким путем за неуплаченный долг), с целью потребить вещь в интересах самого потерпевшего (напр., похищение у хозяина корма для того, чтобы дать этот корм его же скоту), с целью сберечь вещь для самого собственника и спасти ее от возможной гибели (напр., отобрание вещи из рук ребенка или умалишенного, если она представляет особенную ценность), с целью принудить таким путем потерпевшего совершить известные действия в интересах виновного (напр., дать удовлетворение за нанесенную обиду), наконец, с целью доставить ее хозяину неприятность или напугать его, или же подшутить над ним. Но с другой стороны цель удержать похищенную вещь в своей имущественной сфере, предоставить ее безвозмездно или возмездно третьим лицам, употребить вещь, согласно ее назначению, в частности потребить ее, — все это входит в общую цель присвоения имущества.

Что касается мотива поведения виновного лица, похищающего чужое имущество, то он для состава преступления безразличен: действовал ли виновный в своих личных интересах, с целью личного обогащения или в интересах других лиц (напр., желая передать похищенное имущество бедным) или, наконец, из мотива мести, злобы и т. п., состав преступления от этого не изменяется; но, конечно, все эти мотивы поведения виновного должны быть приняты во внимание судом при определении размера наказания в каждом отдельном случае.

§ 25. Преступное действие в составе похищения. Преступное действие в составе похищения выра-

жается в такой деятельности, которая заключается в уменьшения сферы имущественного обладания потерпевшего, сопровождающемся соответственным увеличением сферы обладания виновного, и совершается при помощи самовольного перемещения вещи из чужого владения во владение виновного. Это перемещение вещи, учиненное помимо воли потерпевшего или вопреки его действительной воле, характеризуется, как ее захват. Поэтому похищения вещи не будет в том случае, если захватываемая вещь немедленно уничтожается или повреждается, так как при этом не увеличивается сфера имущественного обладания виновного. То же нужно сказать о временном пользовании и залоге чужой вещи, так как здесь точно также нет захвата вещи.

Переход владения от одного лица к другому может выражаться при похищении в различных действиях в зависимости от свойства того имущества, которое служит объектом посягательства. Так, похищением будет не только захват самой вещи, но и отделение от нее ее плодов, или отдельных ее частей, имеющих самостоятельное хозяйственное значение (напр., срывание фруктов с чужого дерева, доение чужой коровы, стрижка шерсти на чужой овце и т. п.). При этом виновный может или непосредственно, своими силами, совершить этот захват или же использовать для этого какиенибудь особые приспособления, напр., присоединить электрические провода своей квартиры к общей сети проводов дома; он может воспользоваться для этого невменяемым субъектом (напр., заставить ребенка принести чужую вещь) или даже животным (напр., похищение вещи при помощи специально дрессированной для этого собаки).

Между деятельностью виновного и наступившим результатом, каким является увеличение сферы его имущественного обладания, должна существовать причинная связь, т. е. переход имущества к виновному должен быть обусловлен именно его деятельностью или же деятельностью тех сил, которые он для этого в данном случае использовал. Эта деятельность виновного должна, таким образом, предшествовать

переходу имущества и обуславливать его, безразлично каким способом. Поэтому нельзя говорить о похищении в тех случаях, когда увеличение сферы имущественного обладания известного лица производится силами природы или действиями животных, и виновный лишь оставляет у себя чужие предметы, случайно оказавшиеся в его обладании; таково, напр., невозвращение чужой залетевшей птицы или принесенной порывом ветра чужой шляпы.

Оконченным похищение имущества должно считаться с момента приобретения виновным чужого имущества.

Так как для похищения нужно, чтобы владение было прекращено на одной стороне и взамен того было установлено на другой, то для окончания похищения необходимо, чтобы не только потерпевший утратил владение данной вещью, но и чтобы виновный получил это владение, т. е. чтобы оба эти момента были налицо. Однако они обычно совпадают друг с другом, так как поскольку виновный прекращает владение вещью другого лица, постольку он тем самым устанавливает свое владение, становясь в особое отношение к данной вещи, заменяя ее прежнего владельца; раз вещь захвачена виновным, она тем самым приобретена им. Но возможны случаи, когда вещь изъята уже из обладания ее владельца, но не перешла еще во владение похитителя, напр., если вор выбросил вещь из окна, чтобы на улице ее подобрать, или спрятал ее на дворе дома, чтобы прийти за ней впоследствии. Здесь еще нет завладения виновным вещью, поэтому похищение еще не окончено. ¹⁾

Самое установление момента окончания похищения в конкретном случае есть вопрос факта, который решается в зависимости от особенностей и свойств предмета похищения; во всяком случае нужно признать, что вещь вообще не должна

¹⁾ Иной точки зрения придерживается Познышев (назв. соч. стр. 90), который не требует установления владения на стороне похитителя, так как похищение есть изъятие из чужого владения, и находит, что коль скоро изъятие кончилось, т. е. владение хозяина прекратилось, похищение будет окончено.

еще считаться похищенной, пока она не вышла из рук потерпевшего или из того помещения, на которое распространялось фактически его господство. ¹⁾

Раз преступление считается оконченным с момента захвата вещи, для его состава не имеет значения, что впоследствии сделано с данной вещью и как она была использована похитителем (напр., успел ли виновный воспользоваться похищенным и извлечь из кражи какую нибудь выгоду), хотя, конечно, это обстоятельство должно быть учитываемо при назначении наказания.

Деятельность, направленная на изъятие имущества из чужого обладания, но не приведшая к этому, образует понятие покушения. В зависимости от сущности того или иного вида похищения, покушение на него будет выражаться в различных действиях, непосредственно направленных против чужого имущества или на преодоление препятствий, затрудняющих доступ к нему или изъятие его, напр., залезание в чужой карман, вторжение в чужую квартиру, перелезание через забор, взлом, связывание потерпевшего, угроза ему причинением насильственных действий, нанесение ему побоев и т. п.

§ 26. Виды похищения по Уголовному Кодексу. Уголовный Кодекс знает три вида похищения имущества: 1) кражу (ст. 180), 2) грабеж, который он делит на а) открытый, ненасильственный (ст. 182) и б) насильственный (ст. 183), и 3) разбой (ст. 184).

Указанное деление похищения имущества на виды могло бы быть упрощено, так как открытый грабеж сливается с тайным похищением в один способ действия — ненасильственный, противоположающийся насильственному; особое же выделение тайного способа действия, как было выше упомянуто ²⁾, в настоящее время утратило свое прежнее основание. С другой стороны насильственный способ действия не представляет таких существенных разнородностей по своей интенции

¹⁾ По мнению Немцовского (и. с. стр. 277), признаком завладения может служить такое отношение похитителя к вещи, которое в глазах неосвященных (в похищение) лиц представляется свойственным ее хозяину.

²⁾ Стр. 64.

ности, в силу которых являлось бы необходимыми разграничить два отдельных вида насильственного похищения, как два различных преступления — грабёж и разбой; к тому же установить степень более важного насилия, требуемого разбоем, подчас весьма затруднительно, так как незаметно грабёж может переходить в разбой; в особенности это затруднительно, поскольку решающее значение имеет степень опасности насилия для жизни и здоровья, так как определить эту степень опасности в отдельных случаях бывает нередко весьма трудно.

§ 27. I. Кража; ее общий состав. Кража есть тайное похищение имущества, находящегося в обладании другого лица, с целью присвоения его (ст. 180 Угол. Код.).

Объектом кражи, как и всякого иного похищения имущества, является имущество, как материальная вещь, находящаяся в обладании другого лица; правда, ст. 180 Угол. Код. говорит об имуществе, находящемся не только в обладании, но и пользовании или ведении другого лица или учреждения, но понятно, что и пользование, и ведение предполагают обладание имуществом. При этом безразлично, кто данной вещью владеет, физическое ли лицо или юридическое, каковым может быть не только учреждение, о котором лишь упоминает Угол. Код., но всякое иное юридическое лицо, т. е. согласно ст. 13 Гражд. Код. и объединения лиц и организации. Наконец, это имущество может находиться в фактическом обладании или пользовании и таких коллективов, которые не имеют прав юридического лица; таковыми, напр., являются коллективы верующих, которым предоставляется в пользование церковное имущество, являющееся народным достоянием.

Так как Угол. Код. в своем определении понятия кражи не упоминает именно о чужом имуществе, как объекте преступления, то похищение собственной вещи, на которую имеют те или иные права третьи лица, поскольку эта вещь тайным образом изымается из чужого владения, является деянием, которое должно быть подволимо, с точки зрения Угол. Код., под понятие кражи, хотя оно, по существу, является лишь самовольным завладением собственной вещью, т. е. деянием, нарушающим чужое право владения этой вещью.

Предметом кражи может быть любой предмет внешнего мира, в том числе и документ, находящийся в чужом обла-

дания, поскольку его похищение не переходит в состав преступления, предусмотренного ст. 92 Угол. Код., т.-е. если оно не является средством воспрепятствовать правильному функционированию государственных учреждений.

Вина в составе кражи, как и при других видах похищения имущества, должна быть умышленной. Виновный должен сознавать: 1) что похищаемая вещь ему не принадлежит, что она находится в обладании другого лица и что, действуя незаметно от других, он может овладеть ею, и 2) должен желать этого. При этом, конечно, у него должна быть цель присвоения этой вещи, обращения ее в свою собственность. Неосторожная кража, конечно, юридически немыслима.

Существенным элементом кражи, отличающим ее от других видов похищения имущества, является особый способ действия виновного, именно тайный способ. Этот способ характеризуется тем, что похищение имущества совершается виновным незаметно для других; при этом можно иметь в виду или субъективную точку зрения и говорить о том, что имущество похищается незаметно для других, по представлению самого действующего, или же объективную и говорить, что имущество похищается незаметно для других в том смысле, что они этого действительно не замечают. Решающее значение имеет субъективная точка зрения — похищение совершается тайно в том случае, когда виновный предполагает, что другие не замечают того, что он делает ¹⁾. С другой стороны теми лицами, в тайне от которых похищается имущество, могут быть, как сам потерпевший, так и посторонние лица. Отсюда получается ряд разнообразных случаев, в которых можно говорить о тайном способе действия.

¹⁾ Объективную точку зрения выдвигает Гродзянский (пазв. соч. стр. 377), поскольку он понимает „тайно“, как „без ведома потерпевшего“ и поскольку он признает кражей похищение, произведенное в отсутствии владельца вещи, а также похищение, произведенное в присутствии владельца, если он не замечал или не сознавал, что происходит преступное похищение вещи, хотя бы оно происходило и в присутствии посторонних лиц.

Так, тайным будет прежде всего тот способ действия, когда вещь, по предположению виновного, похищается в отсутствии потерпевшего и других лиц; тот факт, что на самом деле ктонибудь при этом присутствовал и видел происходящее похищение, но вор этого не знал, не превращает данного деяния в грабеж. Равным образом, похищение будет тайным и тогда, когда оно совершается в присутствии потерпевшего или посторонних лиц, если они, по предположению виновного, не замечают его совершения. Далее, тайный способ действия будет и тогда, когда кража совершается в отсутствии потерпевшего, но в присутствии посторонних лиц, которые предполагают, что виновный имеет право взять ту вещь, которую он похищает (напр., виновный снимает чужое пальто с вешалки на глазах присутствующих при этом лиц, не подозревающих, что то пальто, которое он снимает, не принадлежит ему). Наконец, тайный способ действия следует признать и тогда, когда вещь похищается у человека, заведомо для виновного находящегося в бессознательном состоянии или при отсутствии потерпевшего, но в присутствии других лиц, находящихся в таком состоянии (напр., у спящего или в присутствии спящих посторонних лиц).

Ту же субъективную точку зрения в понимании тайного способа действия нужно иметь в виду в случаях, т. н. внезапного похищения, напр., сорвания с головы шляпы, быстрого похищения вещи с выставки магазина, с воза, с лотка и т. п. Внезапное похищение является или открытым похищением, поскольку оно совершается заведомо для виновного на глазах у других (напр., виновный на глазах у потерпевшего срывает с него шапку и убегает), или же кражей, поскольку оно совершается, по мнению виновного, незаметно для других (напр., если виновный подкрадывается незаметно к потерпевшему и, внезапно сорвав с него шапку, убегает). Нельзя при этом не указать, что отнесение одного и того же случая похищения в зависимости от тех случайных условий, при которых оно совершается, к краже или к грабежу, является довольно искусственным, и лишь с устранением понятия откры-

того похищения, поставленного отдельно от кражи, как тайного похищения, и с слиянием его с кражей, решение вопроса о внезапном похищении совершенно упростится.

Тайный способ действия при краже должен быть средством перехода имущества из обладания потерпевшего в обладание виновного. Поэтому, если ктонибудь, без ведома потерпевшего, проник в его квартиру, а затем заведомо на его глазах совершает похищение, он виновен в грабеже, а не краже. С другой стороны, если ктонибудь, открыто похитив чужое имущество, затем для уноса его прибегает к тайному способу действия, напр., крадучись, незаметно для других убегает из чужой квартиры с похищенной вещью, он отвечает, конечно, за грабеж, а не за кражу.

Кража должна считаться оконченной с момента завладения виновным похищаемой вещью. Момент этот определяется различно в зависимости от характера и свойств самой похищаемой вещи. Завладение будет налично с момента, напр., взятия кошелька из чужого кармана, увоза чужой телеги, угона чужой лошади и т. п. Дейтельность, направленная на завладение, но не приведшая к нему, напр., запускание руки в чужой карман и т. п. есть покушение на кражу. В тех (квалифицированных) случаях, где состав кражи требует особого способа действия, применение этого способа действия без последовавшего затем похищения образует собою покушение на кражу, напр., применение каких либо технических приспособлений или приемов, в частности взлома для совершения кражи, образует покушение на кражу; но одно лишь приобретение орудия для взлома или прилаживание их с этой целью относятся к области ненаказуемого приготовления; таким же ненаказуемым приготовлением будет предварительное соглашение на кражу, даже образование для этого шайки, так как образование простой, невооруженной шайки для организации одной или даже ряда краж не образует еще преступного деяния; сама по себе наказуема лишь организация банд, т.-е. вооруженных шайк (ст. 76). Но, конечно, в случае приготовления к краже суд может признать винов-

ного социально-опасным и применить к нему меры социальной защиты (ст. 12 Угол. Код.).

§ 28. Виды кражи по Уголовному Кодексу. В отношении наказуемости кражи Угол. Код. различает 1) простую кражу (ст. 180 п. „а“), и 2) квалифицированную (ст. 180 п. „б“); кроме того в каждом из этих видов различается еще более тяжкие его формы, которые можно назвать кражей тяжкой (ст. 180 п. п. „г“, „д“, „е“) и особо квалифицированной (ст. 180 п. „ж“); далее имеются 3) особые виды кражи (ст. 180 п. „в“), поставленные вне общей системы кражи простой и квалифицированной; наконец, особняком стоит деяние, которое охватывает не только тайное похищение чужого имущества, но и некоторые другие виды похищения — „хищение“ чужого имущества (ст. 180а).

§ 29. 1) Простая кража и ее виды. Простой кражей является кража, совершенная без применения каких либо технических приемов (ст. 180 п. „а“) и не осложненная наличием других обстоятельств, превращающих ее в кражу квалифицированную (ст. 180 п. „б“) или кражу, выделенную в особые виды (ст. 180 п. „в“, ст. 180а).

В отношении наказуемости простая кража представляет несколько разновидностей в зависимости от того, откуда и кем похищается имущество.

1) Наименее тяжкий вид простой кражи — кража, совершаемая у частного лица. Кому при этом принадлежит похищаемое имущество, частному лицу или государственному учреждению или предприятию, при этом значения не имеет; важно лишь, чтобы имущество находилось в обладании частного лица, у которого оно и похищено.

Наказание за этот вид простой кражи — принудительные работы или лишение свободы на срок до 6 мес., т.-е. то же наказание, которое положено за простое присвоение вверенного имущества (ст. 185).

2) Простая кража наказывается более строго при наличии не оторых привходящих обстоятельств, точно в законе указанных, причем ответственность за этот вид кражи возвра-

отает в зависимости от значения того или иного из этих обстоятельств. Это — кража тяжкая. Сюда относятся следующие два вида.

а) Первый вид тяжёлой кражи — это кража, учиненная из государственных или общественных складов и учреждений (ст. 180 п. „г“) ¹⁾. В данном случае основанием усиления ответственности служит отчасти место, из которого имущество похищается, отчасти предмет похищения. Таким местом являются помещения, занятые государственными или общественными учреждениями, а также их склады. По государственным учреждениям нужно разуметь здесь не только учреждения в тесном смысле, т.-е. учреждения, осуществляющие известные административные задачи в широком смысле этого слова, но и государственные предприятия, обычно в Угол. Код. сопоставляемые с учреждениями (напр., в ст. 105 прим., 128, 128а и др.). Что же касается общественных учреждений, то под ними следует понимать, применительно к ст. 105 прим., всевозможные организации или объединения, осуществляющие хозяйственные, административные, просветительные и другие общегосударственные задачи; сюда во всяком случае нельзя относить таких общественных учреждений, которые не преследуют общегосударственных задач (напр., спортивные организации), равно как и частных учреждений. Помещения, занятые государственными или общественными учреждениями, это те строения, в которых они функционируют или пребывают, хотя бы и временно. Склад же это такое помещение или огороженное место, в котором сложено имущество, принадлежащее государственному или общественному учреждению. К складам должны быть приравнены большие запасы известных предметов, хотя бы они не были особо огорожены, напр., запасы снеговых щитов, расположенных вдоль железнодорожного пути (ср. Цирк. НКЮ 1924 № 34). С другой стороны понятие склада может быть

¹⁾ В соответствующей статье Угол. Код. УССР (ст. 180 п. „г“) говорится еще о краже из вагонов, пароходов и других судов.

распирено и на вагоны и суда, как это вытекает из п. „д“ и „е“ ст. 180, где склады и вагоны и суда сопоставлены друг с другом.

Под п. „г“ ст. 180 следует подводить и кражу церковного имущества, совершаемого из церкви, так как церковное имущество есть имущество, принадлежащее государству, а церковь то помещение, где это имущество хранится¹⁾.

Будет ли при этом похищено из означенных складов или помещений находившееся там имущество, принадлежащее государственному или общественному учреждению, или же частному лицу, это значения не имеет. Таким имуществом может быть официальный или частный документ, если только его похищение делается не с целью препятствовать функционированию данного учреждения, так как иначе это деяние будет не похищением имущества, а посягательством на порядок управления (ст. 92). Далее таким имуществом может быть любой предмет, приобщенный к делу в качестве вещественного доказательства (напр., топор, посредством которого совершено убийство), в том числе и собственное имущество виновного, поскольку вообще ст. 180 не требует категорически, чтобы предметом похищения было чужое имущество; иначе это деяние оставалось бы без наказания, так как Угол. Код. особо его не предусматривает, не создавая самостоятельной группы преступных деяний, направленных против отправления правосудия. Во всяком случае необходимо, чтобы похищаемое имущество находилось в обладании данного учреждения. Поэтому совершенное кем-нибудь похищение имущества у частного лица в государственном учреждении (напр., карманная кража, совершенная у посетителя банка) будет простой кражей.

Наказание за этой вид тяжкой кражи — лишение свободы или принудительные работы на срок до 1 года.

¹⁾ Иной точки зрения придерживается С. Ю. („Кражу из церкви можно ли квалифицировать по п. „ж“ ст. 180 УК ст. ред.“ в Вестн. Сов. Юст. 1924 г. № 21 стр. 714) на том основании, что церковное имущество не может быть отнесено к имуществу общественному в том смысле, как мыслит социалистическое правосознание.

Устанавливая за кражу из государственных и общественных складов и учреждений наказание, повышенное по сравнению с наказанием за кражу у частного лица, Угол. Код. в редакции, принятой II сессией ВЦИК XI созыва, предусматривает один вид такой кражи, наказуемый значительно легче кражи у частного лица, притом не в судебном, а в административном порядке. Это — мелкая фабрично-заводская кража (прим. в п. „д“ ст. 180). Она характеризуется следующими признаками, которые должны быть налицо все в совокупности в каждом отдельном случае такой кражи. Это: 1) особенность субъекта преступления, каковым является рабочий или служащий, занятый в производстве, к которому относится похищаемая вещь, 2) особенность объекта: это, с одной стороны, связь похищаемого предмета с производством — именно предметом данной кражи служат материал или орудие производства, с другой — стоимость похищаемой вещи, каковая не должна превышать 15 р., 3) особенность обстановки похищения в смысле с одной стороны места его совершения — в пределах производства, и с другой стороны условий его совершения — в первый раз.

Наказание назначается в административном порядке — администрацией предприятия по табели взысканий, установленной Народным Комиссариатом Труда.

б) Вторым видом тяжкой кражи является кража, усиление ответственности за которую коренится одновременно в особенностях и субъекта и места совершения преступления, причем кража эта, в свою очередь, делится на два подвида в зависимости от особенностей ее субъекта. Для обоих подвидов место совершения преступления определяется одинаково: это не только государственные или общественные учреждения, склады, но сверх того вагоны, парохолы, баржи и другие суда (ст. 180 п. „д“), или просто вагоны и суда (п. „е“); в отношении их нет оговорки о том, что они должны быть государственными или общественными; но поскольку вообще все железные дороги и их подвижной состав являются национализированными, особая оговорка относительно вагонов является излишней. Под вагонами здесь нужно разуметь всякие вообще сооруже-

ния, посредством которых совершается движение по рельсовым путям (безразлично, железнодорожным или трамвайным). Суда же могут принадлежать как государственным или общественным учреждениям и предприятиям, так и частным лицам, но по соотношению с другими местами, упомянутыми в ст. 180 п. „д“, ясно, что здесь можно разуметь лишь суда, принадлежащие государству или общественным организациям. Под судами следует понимать всякие вообще сооружения, посредством которых совершается движение по водным путям (безразлично, морским или речным, а также при помощи механических двигателей или иным образом). Кому при этом принадлежит похищаемое имущество — частному лицу или государственному или общественному учреждению, безразлично: поэтому кража частной посылки из почтового вагона, учиненная лицом, указанным в пп. „д“ и „е“ ст. 180, подойдет под этот вид кражи.

Что же касается субъекта этого вида кражи, то им является не всякое лицо, как при первом виде тяжкой кражи, а лицо, обладающее известными свойствами, в соответствии с чем различаются два подвида этого преступления.

Это: а) лица, имеющие в силу своего служебного положения доступ в данное помещение (ст. 180 п. „д“). Сюда относятся такие лица, которые служат в нем; поэтому, частное лицо, получившее доступ в такое помещение, в случае совершения в нем кражи, отвечает за тяжкую кражу, предусмотренную п. „г“, а не п. „д“ ст. 180;

б) лица, которым поручено заведывание этими помещениями или их охрана (ст. 180 п. „е“); в этом случае имеется ввиду лицо, облеченное специальными полномочиями: оно должно или аа) заведывать данным помещением или бб) охранять его.

аа) Это заведывание не должно соединяться с владением похищаемым имуществом по специальному уполномочию государства с правом распоряжаться им сообразно его назначению, так как если виновный нарушит такое владение, он отвечает за присвоение вверенного имущества (ст. 113), а

не за кражу; здесь, следовательно, разумеются должностные лица, на которых возложена обязанность наблюдать за находящимся в учреждении имуществом, но которым в то же время не присвоена власть распоряжаться им; в каком случае это имеет место, — вопрос факта, разрешаемый судом в связи с установлением пределов власти, предоставленной данному должностному лицу.

бб) Что же касается лиц, которым поручена охрана имущества, то под ними разумеются те служащие, на обязанности которых именно и лежало ограждение похищенного имущества от всяких на него посягательств. При этом нужно иметь ввиду, что, если подобная кража будет совершена военно-служащим, несущим караульную службу по охране данного имущества, то его ответственность должна определяться в данном случае по ст. 208 ч. 3, где предусматривается нарушение уставных правил караульной службы, повлекшее за собой одно из вредных последствий, в предупреждении коих учрежден данный караул, — деяние, наказуемое строже, чем рассматриваемый вид кражи, — в мирное время лишением свободы со строгой изоляцией на срок не ниже 3 лет, в военное же время или в боевой обстановке — высшей мерой наказания с понижением до только что указанного размера при смягчающих вину обстоятельствах (ср. Цирк. военн. колл. Верховсуда 1923 г. № 14/ои). Наказание для первого подвида этой тяжкой кражи — лишение свободы на срок не ниже 1 года, для второго — не ниже 2 лет со строгой изоляцией.

§ 30. 2) Квалифицированная кража и ее виды. Понятие квалифицированной кражи точно установлено в Угол. Кодексе. Так в нем названа кража, предусмотренная ст. 180 п. „б“. Основанием квалификации кражи здесь являются особенности: а) субъекта преступления, б) объекта, в) способа действия и г) наличность соучастия.

а) В первом отношении квалифицированной кражей является кража, учиненная лицом, занимающимся кражами, как профессией, т.-е. профессиональным вором, причем без-

различно, будет ли это рецидивист в собственном смысле этого слова т. е. лицо, уже однажды осужденное за такое же преступление, или же человек, судящийся впервые, но совершивший ряд краж, свидетельствующих о его преступной профессии; нужно при этом заметить, что Угол. Кодекс имеет в виду только лиц, занимающихся, как профессией, кражами, но нет оснований не давать распространительного толкования данному постановлению и подводить под этот вид квалифицированной кражи кражу, учиненную лицом, занимающимся, как профессией, и грабежами; то обстоятельство, что в одном случае виновный совершил кражу, в другом грабеж, в форме ли открытого или же насильственного похищения, не устраняет представления о нем, как о профессиональном преступнике, специализировавшемся в области похищения имущества.

б) По объекту квалифицируется кража предмета, являющегося заведомо для виновного необходимым средством существования потерпевшего; этим предметом может быть с одной стороны такой предмет, при помощи которого потерпевший добывает себе средства существования (напр., инструмент у рабочего, без которого он не может работать, — швейная машина у швеи, топор у плотника, пишущая машина у лица, занимающегося перепиской на машине, и т. п.); с другой стороны подобное же значение имеет и такой предмет, который является средством пропитания потерпевшего или предметом первой необходимости; во всяком случае им не могут быть деньги, так как иначе почти всякая кража денег могла быть сведена к квалифицированной краже. При этом непременно требуется, чтобы виновный знал, что похищаемый им предмет действительно является средством существования потерпевшего; кража пилы у рабочего, живущего пилкой дров, но имеющего несколько пил, будет простой кражей, а не квалифицированной.

в) По способу действия кража квалифицируется тогда, когда она совершается с применением орудий или инструментов или других технических приспособлений и приемов. Сюда следует относить прежде всего кражу со взломом, т. е.

кражу, которая совершается посредством нарушения целостности заборов или иных преград, препятствующих доступу в то помещение, в котором находится похищаемое имущество; своей формулой Угол. Кодекс охватывает разнообразные случаи взлома, избегая детализация понятия взлома и излишней казуистики. Под орудием, о котором говорит ст. 180 п. „б“ Угол. Код., следует разуметь любой предмет, при помощи которого похититель проникает в то помещение, где находится похищаемое имущество (напр., палка, которой разбивается стекло в витрине магазина). Орудие противопоставляется инструменту, как предмету, имеющему какое-нибудь специальное назначение в известном ремесле или производстве (напр., долото, топор и т. п.); поэтому орудием может быть и собственная рука похитителя, устраняющая препятствие к совершению кражи, напр., разбитие кулаком оконного стекла. Что же касается технических приспособлений и приемов, которые противопоставляются употреблению орудий и инструментов, то здесь можно разуметь с одной стороны, технические приспособления в тесном смысле, т.-е. разного рода сооружения и аппараты, (так, опр. у.-к.к. Верховного суда СССР 1923 г. по д. Кальницкого признана квалифицированной кражей по ст. 180 п. „ж“ кража электрической энергии на государственной станции, так как для того, чтобы украсть электрическую энергию виновный должен был провести провод с улицы к себе на квартиру, т.-е. применить для кражи инструменты и прочее), ¹⁾ с другой—такие приемы при совершении кражи, как взлезание в окно при помощи принесенной лестницы, перелезание через забор, проникновение в квартиру под вымышленным предлогом (напр., под видом лиц, прибывших для проверки счетчика электрического освещения, и т. п.), и все вообще приемы, относящиеся к профессии вора.

¹⁾ По мнению Немировского (назв. соч., стр. 280), сюда не подойдут случаи, когда применение какогонибудь приема вытекает из самой природы похищаемого имущества, напр. для жидкого тела нужен сосуд, для сыпучего — мешок или ящик, для газообразного — трубка, для электричества — провод.

г) Наконец, последним основанием квалификации кражи является совершение кражи несколькими лицами по предварительному соглашению; при этом безразлично, будет ли в данном случае образована шайка, занимающаяся вообще совершением краж, или же виновные согласились на учинение только данной именно кражи; во всяком случае необходимо, чтобы между ними было предварительное соглашение, т.-е. уговор на кражу. Поэтому, если виновные совместно совершают кражу, без предварительного соглашения, т.-е. если один ворует, а другой, видя это, к нему присоединяется без всякого предварительного уговора и помогает ему унести похищенную вещь, то здесь нет места для применения ст. 180 п. „б“. Это будет простая кража, учиненная несколькими лицами.

Наказание за квалифицированную кражу — лишение свободы со строгой изоляцией на срок до 2 лет.

Обстоятельством, влекущим повышение ответственности за квалифицированную кражу и превращающим ее в особо квалифицированную, является место ее совершения — учинение квалифицированной кражи из государственных и общественных учреждений, складов и других хранилищ (ст. 180 п. „ж“).

В этом случае безразлично, кто совершает подобную кражу, служащий или частное лицо. Государственные и общественные учреждения и склады должны здесь пониматься так же, как и при простой краже; что же касается хранилищ, то это выражение охватывает собою вагоны, суда и всякое иное помещение, в котором хранится имущество и которое не является складом в собственном смысле этого слова (напр., грузовик, телега и т. п.).

Наказание за этот вид квалифицированной кражи — лишение свободы на срок не ниже 3 лет со строгой изоляцией.

§ 31. 3) Особые виды кражи. Особые виды кражи по Угол. Кодексу, это — те, которые не являются ни тяжкой, ни квалифицированной кражей; для них не имеет значения ни то, кто совершает кражу, ни то, каким способом она совершается, ни то, откуда похищается имущество.

Основанием для выделения этих видов кражи являются или особые условия, при которых она совершается, или особый объект похищения. Это: а) кража во время общественного бедствия и б) конокрадство и приравняемая к нему кража крупного рогатого скота (ст. 180 п. „в“).

а) Что касается кражи во время общественного бедствия, ¹⁾ то основанием для выделения этого вида кражи является представление об особой антисоциальности того лица, которое похищает имущество, пользуясь общественным бедствием, когда, следовательно, ослаблена охрана имущества; поэтому здесь имеет значение не то, что кража совершается во время народного бедствия, а то, что похищается имущество, оказавшееся незащищенным во время народного бедствия или подвергнувшись опасности от него. В виду этого карманная кража, совершенная на пожаре, будет простой кражей, а кража имущества, выброшенного из горящего дома на улицу, подойдет под этот особый вид кражи ²⁾. Под общественным бедствием здесь разумеются разнообразные случаи несчастных происшествий, затрагивающих массу людей; в виде примера Угол. Код. указывает пожар, наводнение и крушение поезда, не придавая, однако, этому перечню исчерпывающего значения, так как он указывает вместе с тем и на иное общественное бедствие, под которое можно подвести, напр., землетрясение, павальные болезни и т. п.

б) Другой особый вид кражи — кража лошади или крупного рогатого скота, следовательно, точно указанных в Угол. Код. животных; похищение других домашних животных под понятие данной кражи подводить нельзя: ни кража ослов и мулов, ни кража мелкого домашнего скота, коз и овец, ею

¹⁾ Этого вида кражи Угол. Код. в первоначальных редакциях не знал; он появился лишь в его редакции, принятой 2 сессией ВЦИК X созыва.

²⁾ Гродзинский (назв. соч., стр. 379) требует, чтобы кража произошла не только в момент общественного бедствия, но и в том месте, где таковое разразилось и когда при этом преступник использовал случившееся несчастье для того, чтобы совершить кражу.

не обнимаются ¹⁾. Но с другой стороны выражение „крупный рогатый скот“ охватывает собой и домашних оленей. Возраст похищаемых животных безразличен ²⁾.

Похищение лошади или крупного рогатого скота должно быть, однако, непременно совершено, как указано в Угол. Код., у трудового земледельческого населения, т.-е. похищаемые лошадь или скот должны принадлежать лицам, занимающимся земледелием и относящимся к классу трудящихся. Как разъяснено в опр. у.-к. к. Верховного Суда УССР 1924 г. по д. Котова, кража лошади у трудового земледельческого населения потому выделена в специальный пункт „в“ ст. 180 Угол. Код., что он ограждает хозяйство трудового земледельческого населения от полного разорения, так как для трудового земледельца потеря лошади почти равносильна разрушению его хозяйства ³⁾.

Похищение лошади у рабочего, живущего в городе, работающего на заводе и земледелием не занимающегося, или же у промышленного в городе извозным промыслом лица, не принадлежащего к земледельческому населению, не составляет этого особого вида кражи. Поэтому Пленумом Верховного Суда УССР (пост. 17 июня 1924 г.) вполне правильно признано недопустимым применение ст. 180 п. „в“ по аналогии в отношении трудового, но не земледельческого населения. То обстоятельство, что лицо, принадлежащее к трудовому земледельческому населению, занимается кроме земледелия еще и другой профессией, не превращает похищение принадлежащей ему лошади или коровы в простую кражу, напр., похи-

¹⁾ Гродзинский (п. с. стр. 380) считает возможным подводить сюда также случаи похищений у трудового земледельческого населения иного живого инвентаря (напр., овец, свиней, птиц и т. п.).

²⁾ Иного мнения Шувалов („О пункте „в“ ст. 180 УК“ в Ежен. Сов. Юст. 1924 г. № 26 стр. 609) на том основании, что молодняк не является столь необходимым животным в крестьянском хозяйстве, чтобы без него нельзя вести этого хозяйства.

³⁾ Иначе опр. у.-к. к. Верховного Суда УССР 1923 г. по д. Скугарева, которое находит возможным применить по аналогии (ст. 10 Угол. Код.) ст. 180 п. „в“ к краже коровы у огородника, владевшего десятиной земли. Тоже Гродзинский (назв. соч. стр. 380).

лишение лошади у сельского священника, наряду с остальными жителями деревни занимающегося сельским хозяйством и не эксплуатирующего чужого труда, подходит под ст. 180 п. „в“.

Наказание за особые виды кражи — лишение свободы на срок не ниже 2 лет с конфискацией части имущества.

§ 32. Хищение имущества. Особое место занимает в общей системе преступлений, относимых Угол. Кодексом к похищению имущества, т. н. — „хищение“ (ст. 180а). Это преступление характеризуется (в редакции Угол. Кодекса, принятой II сессией ВЦИК X созыва и значительно изменившей первоначальную редакцию), как хищение имущества из государственных или общественных складов и других хранилищ или а) производившееся систематически путем краж, подлогов и других преступлений или б) совершенное ответственными должностными лицами или в) при особо крупных размерах похищенного.

Для решения вопроса о сущности „хищения“, которое из выражения, принятого в общежитийском обиходе, превращено Угол. Кодексом в юридический термин, нужно принять во внимание прежде всего то, что в понятии „хищения“, в противоположность понятию „похищения“, предполагающему однократность преступного действия, несомненно содержится указание на неоднократность совершения похищения. Хищение таким образом, предполагает наличие не одного преступления, а ряда отдельных преступлений, направленных против известного имущества. С другой стороны надо иметь в виду, что в первоначальной редакции Угол. Код. (ст. 180 п. „з“) хищение имущества рассматривалось, как особый вид кражи, и что в новой его редакции состав этого преступления формально выделен из кражи и отличается более точным описанием способа его совершения, по крайней мере, в том случае, если оно производится систематически, именно указывается на ряду с кражами учинение подлогов, составление неправильных актов и т. п. преступные действия. Этим значительно расширяется объем хищения имущества за пределы кражи, т. е. тайного похищения, так как похищение

имущества посредством учинения подлогов или, что то же, составления неправильных актов, есть уже мошенничество, которое в данном случае может рассматриваться, как особый его вид—мошенническое хищение. Что касается других преступных деяний, которые указаны наряду с подлогами и которые должны быть „подобными им“, то под ними, по аналогии с подлогами, могут разуметься всякого рода обманы, путем которых похищается имущество со складов, т.-е. опять таки в этом случае хищение имущества будет выражаться в мошенничестве.

И так, хищение, поскольку речь идет о систематическом его совершении, обнимает собою, как тайное похищение имущества т.-е. кражу, так и похищение, совершенное посредством подлога и других обманных действий, т.-е. мошенничество ¹⁾.

Такое же содержание должны иметь и другие два вида хищения: хищение, учиненное ответственным должностным лицом, или при особо крупных размерах похищенного, так как, хотя способ совершения этих видов хищения ближе не определяется, как это сделано в отношении первого вида, однако и в этих случаях нельзя понимать хищение только как вранью, так как, как упомянуто было выше, ст. 180а выделена была сознательно из ст. 180, в которую она раньше входила.

Таким образом, в ст. 180а для понимания ее истинного смысла слово „систематически“, стоящее перед словами

¹⁾ Подводить под понятие хищения, разумел его не как похищение, а как расхищение, также и растрату, как это делает Познышев (Очерк осн. начал. угол. права, II, стр. 279), нет достаточных оснований, так как для характеристики последней Угол. Код. обычно употребляет выражение „растрата“ (ст. 113 и 185); растрата же, как присвоение вверенного имущества, следовательно, находящегося в обладании виновного, не может быть учинена актом „хищения“, который связывается с представлением о захвате вещи из чужого обладания. Не менее широко понимает хищение и Змиев (назв. соч. стр. 44), который находит, что хищение может быть совершено и посредством открытого похищения. Еще дальше идет Гродзинский (назв. соч. стр. 382), понимая под хищением всякие способы преступного взыскания и обращения в свою пользу имущества.

„как путем краж, так равно и путем учинения подлогов, составления неправильных актов и т. п. преступных действий“, должно быть поставлено после этих слов. При таком приеме толкования хищение по ст. 180а может быть понимаемо, как неоднократное похищение имущества из государственных или общественных хранилищ, производившееся, как путем краж, так и мошенничеств, систематически или ответственным должностным лицом или в особо крупных размерах похищенного ¹⁾.

Поскольку хищение имущества выражается между прочим в форме тайного его похищения, оно может рассматриваться, как особый вид тяжкой кражи, характеризуемой тем же местом совершения преступления, которое принимается в расчет при увеличении ответственности за простую кражу и превращении ее в тяжкую — похищение из государственных и общественных складов, вагонов, судов и других хранилищ (ст. 180 п. „е“); в ст. 180а не указывается только, как на место совершения кражи, на государственные и общественные учреждения, или, вернее, помещения, занимаемые ими, как это сделано в ст. 180 пп. „г“, „д“ и „е“, но вполне естественно распространить действие ее и на этот случай. Само собою разумеется, что предметом похищения и здесь, как и в других случаях похищения имущества из определенного места, является только то имущество, которое хранилось в складах и хранилищах, а не всякое вообще имущество.

Для состава преступления по ст. 180а требуется наличность одного из следующих условий: а) или особого способа действия виновного, б) или особенного субъекта преступления, в) или, наконец, особого объекта преступления ²⁾.

¹⁾ Иначе Гродзинский (назв. соч. стр. 3²³), который находит, что, если хищение произведено ответственным должностным лицом, то ст. 180а применяется и в том случае когда хищение имело место хотя бы один раз или не было особо крупным.

²⁾ В соответствующей статье 180² Угол. Код. УССР последние два условия приведены не отдельно, а оба вместе, так что для состава преступления по ст. 180² достаточна наличность или особого способа действий или особого субъекта преступления, в связи с особым предметом посягательства.

а) Особый способ действия виновного при хищении выражается в том, что похищение производится систематически т.-е. оно должно представлять собой одно продолжаемое преступление, для чего необходимо не только неоднократное совершение похищения, что требуется вообще для хищения, но и известная его планомерность; в нем должно выражаться осуществление единого задуманного плана (напр., виновный изо дня в день в течение нескольких месяцев похищает вещи, хранившиеся в складе государственного предприятия). Кто совершает это преступление и в каком размере произведено похищение, в этом случае значения не имеет; достаточно, чтобы оно совершалось систематически; безразлично также и то, совершены ли одни из случаев такого похищения тайно, а другие при помощи подлога, или же все они были совершены тайно.

б) Особым субъектом преступления, именуемого хищением, хотя бы оно и не производилось систематически, является ответственное должностное лицо. Под таким лицом, согласно разъяснению Верховного Трибунала РСФСР (цирк. 1922 г. № 135) разумеются „лиць служащие, облеченные широкими правами и полномочиями распорядительного, ответственного характера со многими функциями и предметами ведения и управления, а отнюдь не служащие, исполняющие какую нибудь определенную работу, составляющую лишь часть этого целого, для выполнения коего предназначена вся организация, в которой служит данный сотрудник“. В основу этого разъяснения положена „Инструкция о разбивке ответственных работников по тарифным разрядам 17-разрядной тарифной сетки“, которая под ответственным работником понимает „профессиональных, партийных, кооперативных, советских и хозяйственных работников, принимающих ответственное участие в деле профессионального, партийного, кооперативного, советского и хозяйственного строительства, несущих ответственность не только за техническое исполнение возложенных на них обязанностей, но являющихся ответственными за идейное и политическое направление и проведение возложенных на них функций“.

в) Наконец, что касается особенности объекта преступления, то таковой представляется особая ценность похищенного или, как выражается Угол. Кодекс, особо крупные размеры похищенного. Стоимости похищенного при краже, как и при других имущественных преступлениях, Угол. Кодекс вообще значения не придает; однако, особо крупные размеры похищенного, поскольку этим причиняется существеннейший ущерб государственному достоянию, является для Угол. Код. основанием для выделения этого вида похищения из общего понятия кражи. Кто совершает данное преступление, частное лицо или должностное (хотя бы и не являющееся ответственным должностным лицом), при этом безразлично.

Наказание за хищение имущества — лишение свободы на срок не ниже 3 лет, а при особо отягчающих вину обстоятельствах — высшая мера наказания.

Нужно иметь в виду, что хищение имущества может быть по Угол. Кодексу кроме того и обстоятельством, увеличивающим ответственность при некоторых должностных преступлениях. Именно, злоупотребление властью, превышение власти, бездействие власти и халатное отношение к службе, имевшие своим последствием полное расстройство деятельности руководящих центральных и местных аппаратов производства, снабжения и распределения или транспорта влекут за собой лишение свободы на срок не ниже 3 лет со строгой изоляцией; однако, при особо отягчающих вину обстоятельствах, в числе которых Угол. Код. между прочим упоминает хищение имущества, эти преступления наказываются высшей мерой наказаний (ст. 110).

§ 33. II. Грабеж; его общий состав и виды. Грабеж есть умышленное открытое похищение чужого имущества, с целью присвоения его (ст. 182—183 Угол. Код.).

Объектом грабежа является имущество, понимаемое здесь в таком же смысле, как и при краже; однако Угол. Кодекс (ст. 182) указывает, что это имущество при грабеже не только должно находиться в пользовании, обладании или ведении другого лица, как это установлено в отношении кражи

(ст. 180), но и должно быть чужим для виновного. Следовательно, похищение собственного имущества, совершенное открыто, никоим образом не может быть подводимо под грабеж. В данном случае будет налицо или простое самоуправство, если взятие собственной вещи из чужого обладания производится открыто без насилия, или же самоуправство, сопровождавшееся сверх того насилием над личностью или телесным повреждением, если взятие этой вещи было совершено насильственным путем; поскольку виновный осуществлял таким путем свое действительное или предполагаемое право, он подлежит наказанию по ст. 103 Угол. Код.

Вина при грабеже, как и при краже, должна быть умышленной; виновный должен: 1) знать, что похищаемое имущество ему не принадлежит, что он действует открыто, на глазах у других, и что он приобретает таким путем данное имущество, и 2) желать учинения этого. Цель присвоения здесь должна быть в наличности так же, как и при краже.

Существенным моментом грабежа, отличающим его от кражи, является способ действия, который характеризуется, как открытое похищение; это открытое похищение может быть насильственным или ненасильственным, вследствие чего Угл. Кодексу различает два вида грабежа: 1) открытое, ненасильственное похищение имущества, граничащее с кражей (ст. 182), и 2) похищение, сопровождавшееся насилием, однако неопасным для жизни и здоровья потерпевшего (ст. 183), граничащее с разбоем.

§ 34. 1). Грабеж без насилия. Грабеж без насилия есть похищение чужого имущества, совершаемое виновным открыто, на глазах потерпевшего или других лиц, присутствовавших при этом. Правда, Угол. Кодексу говорит лишь об открытом похищении имущества, совершенном в присутствии лица, обладающего, пользующегося или ведающего им (ст. 182), но ясно, что, если это лицо вовсе не присутствовало на месте совершения похищения, а присутствовали при этом лица посторонние, то состав грабежа все же будет в наличности. Поэтому грабеж будет налицо в том случае,

если виновный, проникнув в чужую квартиру, в отсутствие хозяина, но на глазах других лиц, находившихся в это время у него, совершает похищение его имущества. Конечно, в этом случае необходимо только, чтобы эти посторонние лица сознавали, что похищающий чужое имущество не имеет на него права. Под открытое же похищение подойдет и случай внезапного похищения, которое происходит на глазах у всех, напр., с воза, с выставки на окне магазина и т. п., по кольеу виновный сознает, что его видят другие. Во всяком случае это открытое похищение не должно сопровождаться каким бы то ни было, хотя бы и самым незначительным как физическим, так и психическим насилием над личностью потерпевшего, т.-е. нападением на него; в последнем случае оно превращается в грабёж с насилием.

Открытое похищение имущества должно быть средством перехода имущества от потерпевшего к виновному. Поэтому, если последний похитил чужое имущество тайно, а затем был обнаружен и на глазах у других бежал с похищенным имуществом, скрываясь от преследования, то в подобном случае тайное похищение не превращается в открытое.

Оконченным грабёж, как и всякое иное похищение имущества, должен считаться с момента завладения виновным вещью, наличность которой должна быть установлена в каждом отдельном случае в зависимости от особенности предмета похищения. Покушение же на грабёж будет заключаться в деятельности, направленной на открытое похищение вещи, но не приведшей к этому (напр., если виновный на глазах у всех бросился к чужой вещи, чтобы схватить ее и унести с собой, но ему в этом помешали).

Наказание за открытое похищение чужого имущества — принудительные работы или лишение свободы на срок до 1 года, т.-е. более тяжелое, чем за простую кражу.

Квалифицированных видов простого грабёжа Угол. Код. не предусматривает, но так как квалифицированная кража (ст. 180 п. „б“), кража особого вида (ст. 180 п. „в“) и кража тяжкая (ст. 180 пп. „д“ и „е“) наказываются в нем строже

грабежа, то приходится признать, что обстоятельства, вызывающие в этих случаях повышение ответственности за кражу, должны увеличивать ответственность и за грабеж в подобных же условиях. Это нужно иметь в виду в отношении грабежа, учиненного лицом, занимающимся грабежом, как профессией, грабежа, совершенного в отношении предмета, являющегося заведомо для виновного необходимым средством существования потерпевшего, грабежа, учиненного во время общественного бедствия, грабежа, совершенного в отношении лошади и крупного рогатого скота у трудового земледельческого населения, грабежа, совершенного из государственных и общественных учреждений или хранилищ, лицом, имевшим, в силу своего служебного положения, доступ в таковые, или лицом, которому поручено заведывание ими или их охрана.

Угол. Код. знает лишь один особый тяжкий вид открытого похищения имущества, отнесенный им в воинским преступлениям и являющийся разновидностью общего понятия мародерства — снятие с корыстной целью с убитых и раненых находящихся у них вещей (ст. 214). Это деяние должно быть совершенно непременно с корыстной целью, т.-с. с целью личного обогащения, так что снятие с убитого какойнибудь вещи на память о нем, сюда не подойдет.

Наказание за этот особый вид открытого похищения имущества — то, которое положено ст. 76 за бандитизм — высшая мера наказания, с конфискацией всего имущества, с допущением по смягчающим обстоятельствам понижения наказания до лишения свободы на срок не ниже 3 лет со строгой изоляцией и конфискацией имущества.

§ 35. 2). Грабеж насильственный. Другим видом грабежа является открытое похищение имущества, сопровождавшееся применением насилия, не опасного для жизни и здоровья потерпевшего (ст. 183). Он характеризуется моментом насилия, чем и отличается от открытого похищения. Но это насилие не должно достигать той степени интенсивности, при которой грабеж уже переходит в разбой. Разница, указываемая в этом отношении Угол. Кодексом, лежит в опас-

ности насилия для жизни и здоровья потерпевшего; следовательно, поскольку возникает такая опасность, грабеж превращается в разбой.

Насилие в составе грабежа должно при этом обнимать собой прежде всего насилие над личностью, предусмотренное ст. 157 Угол. Код. Сюда же следует отнести и те случаи насильственных действий, которые выражаются в лишении человека свободы передвижения, напр., связывание его, запираение на ключ и т. п. для того, чтобы лишить его возможности оказать сопротивление похищению имущества. Далее сюда подойдет и всякое иное насильственное воздействие на телесную неприкосновенность, переходящее в телесное повреждение, хотя бы и легкое. Однако, так как всякое телесное повреждение характеризуется моментом причинения расстройства здоровья, оно несомненно включает в себе опасность для здоровья и, следовательно, могло бы рассматриваться, как способ действия разбоя, а не грабежа; но с другой стороны, в разбое как он понимается в Угол. Код. (ст. 184), способ действия списывается, как физическое или психическое насилие, грозящее смертью или увечьем. Угол. Код. среди телесных повреждений не предусматривает однако особо увечья, но так как последнее состоит в отнятии органа тела или его способности функционирования, то оно должно быть подведено под понятие как тяжкого повреждения здоровья (ст. 149), так и менее тяжкого (ст. 159). Поэтому казалось бы неавильным относить насилие, сопровождавшееся применением легкого (ст. 153), или менее тяжкого телесного повреждения, не выражающегося однако в увечьи (ст. 150), к способу действия грабежа, а не разбоя. Наконец, под насилием в составе грабежа следует разуметь и приведение потерпевшего в бессознательное состояние, поскольку оно не грозит потерпевшему смертью¹⁾.

¹⁾ Иной точки зрения придерживается по этому вопросу Познышев (назв. соч. стр. 101), который находит, что так как в приведенных жертвы в бессознательное состояние нет насилия в собственном смысле этого слова, то этот случай похищения надо подводить под понятие кражи.

К способу действия при грабеже следует относить, хотя Угол. Код. прямо этого не говорит, и психическое насилие, т.-е. угрозы, поскольку они не представляются угрозами смертью или увечьем, так как последний вид психического насилия рассматривается в Угол. Код. как способ действия разбоя (ст. 194). При ином толковании простая угроза, посредством которой совершается похищение, осталась бы вовсе не предусмотренной в Угол. Код., относить же любую угрозу, независимо от ее тяжести, к способу действия разбоя, который понимается, как одно из наиболее тяжелых преступлений, едва ли было бы правильным. Угроза причинения вреда может быть направлена или на самого потерпевшего или на другое лицо, тесно с ним связанное, лишь бы она являлась средством принудить потерпевшего к передаче имущества. Во всяком случае угроза в составе грабежа должна представляться настолько интенсивной, чтобы она по своему значению была равнозначущей физическому насилию, т.-е. она должна быть действительным средством для того, чтобы заставить человека отдать имущество; она должна быть осуществимой, серьезной и кроме того должна представляться немедленно реализуемой.

Таким образом, к составу грабежа следует относить угрозу нанести побои, лишить свободы, изнасиловать и т. п., поскольку здесь нет опасности причинения смерти или увечья.

Насилие, как элемент состава грабежа, должно быть средством перехода имущества от потерпевшего к виновному. Таким образом, между применением виновным насилия и возникшим увеличением сферы его имущественного обладания, сопровождавшимся соответствующим уменьшением сферы имущественного обладания потерпевшего, должна существовать причинная связь. Насилие при этом может быть или средством принуждения к тому, чтобы потерпевший не оказывал сопротивления похитителю, или же средством принуждения потерпевшего к известной активной деятельности, т. е. к учинению чего-либо облегчающего захват имущества, напр., к указанию, где оно лежит, или к непосредственной передаче самого имущества. В последнем случае грабеж

приближается к вымогательству, которое характеризуется точно также элементом угрозы, как способа действия, но которое отличается от грабежа другими признаками, а именно тем, что предметом вымогательства может быть имущество вообще, а не только имущество, как материальная вещь, а с другой тем, что угроза при грабеже должна быть осуществляемой немедленно и потому должна вызывать немедленную передачу имущества, тогда как при вымогательстве угроза рассчитана на передачу этого имущества в более или менее отдаленном будущем.

Поскольку насилие рассматривается, как средство перехода имущества от потерпевшего к виновному, постольку учинение его после окончания похищения должно рассматриваться, как самостоятельное преступление, сопровождающее похищение и являющееся в этом случае или кражей или грабежом без насилия, в зависимости от способа действия виновного. Такой характер имеет насилие, употребленное после похищения вещи для ее удержания, или насилие, совершенное с целью избежать поимки и преследования, хотя бы оно было учинено немедленно после похищения вещи. При этом, так как для окончания похищения требуется, чтобы вещь перешла в обладание виновного, то всякое насилие, употребленное после этого, должно считаться самостоятельным преступлением¹⁾.

¹⁾ В нашей литературе (в частности Фойницким) высказывается однако взгляд на допустимость признания грабежа в том случае, если насилие делается для довершения овладения, напр., для того, чтобы унести тайно взятое имущество, чтобы обеспечить себе выход и т. п.; но в этих случаях насилие совершается уже после захвата вещи, а потому оно не образует элемента грабежа. Точно также Нелировский (назв. соч. стр. 277) находит, что, если насилие или угроза применены для удержания владения вещью при преследовании по горячим следам, то вор, хотя завладение уже последовало, становится грабителем (разбойником), и что раздельное обсуждение похищения и насилия извращает сущность посягательства. Нужно иметь в виду, что в некоторых законодательствах (напр., в герм.) случаи применения насилия для удержания похищенной вещи предусматриваются особо, как не входящий в общее понятие насильственного похищения имущества в собственном смысле этого слова.

Оконченным насильственным грабеж становится с момента завладения имуществом; деятельность, предшествующая этому моменту и направленная на завладение, относится к покушению. В частности, как разъяснил Пленум Верховного Суда СССР (пост. 17 июня 1924 г.), покушение на похищение из жилого помещения, соединенное с требованием от лиц, находящихся в этом помещении, отпереть двери, есть покушение на грабеж с насилием.

Наказание за насильственный грабеж — лишение свободы на срок до 3 лет.

Кроме простого вида насильственного грабежа Угол. Код. особо предусматривает два квалифицированных его вида. Это: а) грабеж, совершенный рецидивистом, под которым нужно разуметь лицо, однажды уже осужденное за грабеж или кражу (хотя бы оно и не занималось данной деятельностью, как профессией), и б) грабеж, учиненный группой лиц (шайкой), под которой надо понимать не наличность простого предварительного соглашения совершить грабеж, а образование особой организации или сообщества для совершения грабежа. Поскольку Угол. Кодекс, говоря о группе лиц, точнее определяет ее, как шайку, естественно требовать для наличности группы трех или более лиц, так как двое еще не образуют шайки¹⁾.

Наказание за квалифицированный насильственный грабеж — лишение свободы на срок не ниже 3 лет со строгой изоляцией.

Других квалифицированных видов насильственного грабежа — Угол. Код. не знает, но так как в некоторых видах кражи минимум наказания выше, чем тот, который возможен при простом насильственном грабеже, то следует признать, что в случаях грабежа, осложненных наличностью таких особых

¹⁾ Иная точка зрения высказана в опр. у.-н. в. Верховного Суда СССР 1923 г. по д. Штребель и Попова, где для наличности группы признается достаточным и двух лиц. Того же мнения Гродзинский (наз. соч. стр. 336).

обстоятельств, суд не в праве понизить наказание за установленный для соответственных видов кражи минимум наказания: так, напр., в случае насильственного грабежа во время общественного бедствия или насильственного похищения лошади или крупного рогатого скота у трудового земледельческого населения, должно быть назначено наказание не ниже 2 лет лишения свободы с конфискацией части имущества (ст. 180 п. „в“), при насильственном грабеже из государственных и общественных учреждений и хранилищ — не ниже 1 года (ст. 180 п. „д“) или 2 лет (ст. 180 п. „е“), в зависимости от особенностей субъекта преступления.

§ 36. III. Разбой. Общий состав преступления. Разбой есть умышленное похищение находящегося в чужом обладании имущества посредством нападения на потерпевшего, сопровождавшегося физическим или психическим насилием, грозящим смертью или тяжким телесным повреждением (ст. 184 Угол. Код.).

Хотя Угол. Код. (ст. 184) и определяет разбой, как открытое, соединенное с насилием нападение на кого-либо с целью похищения имущества, так что, повидимому, для состава этого преступления достаточно одного лишь нападения без последовавшего затем похищения имущества, однако, так как разбой помещен среди имущественных преступлений, он по самому своему существу требует наличности посягательства на чужое имущество и поэтому должен быть понимаем, как похищение посредством нападения ¹⁾.

¹⁾ Ср. определение разбоя в Инструкции народным следователям по производству предварительного следствия 1920 г.: „такое похищение имущества, средством к которому служило либо совершение убийства либо нанесение ран или других телесных изгазаний, либо угроза тем или иным тяжким последствием для жизни и здоровья“.

Иную точку зрения высказывает Эстрля (Уголовн. право РСФСР, стр. 76), основываясь, очевидно, на буквальном понимании текста ст. 184 и не обращая внимания на место, занимаемое разбоем в общей системе имущественных преступлений.

Объектом разбоя Угол. Код. называет имущество, а не чужое имущество, как это установлено в отношении грабежа, так что разбой возможен и в виде насильственного отнятия похитителем собственного имущества, находящегося в чужом владении (напр., насильственное похищение у народного судьи спирта, отобранного у виновного в качестве вещественного доказательства по делу, посредством насилия, опасного для жизни).

Со стороны вины разбой должен быть совершен умышленно; виновный должен знать, что похищаемое им имущество находится в чужом обладании и что при помощи насилия оно может перейти в его обладание, и желать этого. Так же, как и при других видах похищения, у виновного должна быть цель присвоения похищенного.

Преступное действие в разбое должно выражаться в похищении, т.-е. захвате имущества, особым насильственным способом. Это — тот же способ действия, что и при насильственном грабеже, но только в более интенсивной степени. Как способ действия при разбое, Угол. Кодекс называет физическое или психическое насилие, грозящее смертью или увечьем.

Физическое насилие в данном случае должно быть понимаемо, как телесное повреждение, опасное для жизни, так как насилие над личностью, о котором говорит ст. 157 Угол. Код., никогда не может представляться грозящим жизни. Это физическое насилие однако может грозить не только жизни, но и телесной неприкосновенности; Угол. Код. в этом случае употребляет выражение „увечьем“, под которым, как было уже сказано, здесь надо разуметь потерю определенных органов тела или лишение их способности функционировать и которое считается Угол. Код. тяжким или менее тяжким телесным повреждением (ст. 149 и 150).

Психическое насилие или угроза, как способ действия при разбое, должна достигать такой же интенсивности, как и физическое насилие: она должна заключать в себе угрозу причинения смерти или увечья. Такая интенсивность угрозы

всегда может быть предполагаема в том случае, если она производится лицом вооруженным, грозящим употребить оружие, так как оружие всегда может причинить смерть или увечье (ср. разъяснение у.-к. к. Верховсуда УССР 1923 г. по д. Штробель и Попова: угроза снять шапкой голову не может быть признана насиллием не опасным для жизни; это есть угроза лишить жизни). Самая наличность психического насилия, опасного для жизни, может быть установлена и по его последствиям (ср. опр. у.-к. к. Верховсуда УССР 1923 г. по д. Росличенко и др., в котором признано, что состав преступления, предусмотренного в ст. 184, имеется налицо в действиях виновных, похитивших имущество после того, как они заперли потерпевших в погреб, где один из потерпевших от нравственного потрясения умер). Эта угроза должна быть таковой, чтобы она, по мнению угрожавшего, могла вызвать чувство страха у лица, ей подвергающегося, хотя бы она на самом деле и не была осуществимой. Главное, чтобы эффект угрозы смертью или увечьем был налицо (пост. Пленума Верховсуда УССР от 19 июля 1923 г.)¹⁾.

Был ли виновный в разбое вооружен или нет, значения не имеет. Как разъяснено в опр. у.-к. к. Верховсуда УССР 1923 г. по д. Зинина, состав преступления по ст. 184 не требует вооружения всех или хотя бы одного из участников предусмотренного ст. 184 преступного деяния, так как ст. 184 предусматривает вообще физическое или психическое насиллие, грозящее смертью или увечьем.

Так как насиллие при разбое кроме своей интенсивности ничем не отличается от насилия в составе грабежа, то все сказанное о насиллии при анализе понятия грабежа сохраняет свое значение и для разбоя. В частности насиллие, проис-

¹⁾ Иного мнения Гиллерсон („О пределах применения ст. 184 УК“ в Ежед. Сов. Юст. 1924 г. № 18 стр. 420), который находит недостаточным, если у потерпевшего сложилось убеждение, что его жизни и здоровью грозит опасность, и требует, чтобы была действительная, т.-е. реальная, а не мнимая угроза.

пешнее после похищения, рассматривается, как самостоятельное преступление.

Во всяком случае насилие при разбое не должно переходить в причинение смерти. Если разбой сопровождался убийством, так что имущество было взято уже у умершего, то здесь можно говорить лишь об убийстве с целью ограбления, т.-е. виновный должен отвечать в данном случае, по силе ст. 29, по п. „а“ ст. 142, предусматривающему убийство с корыстной целью, а не по ст. 184 ч. 1, так как наказание за квалифицированное убийство (лишение жизни на срок не ниже 8 лет) выше, чем за разбой (лишение свободы на срок не ниже 3 лет). Только в таком случае, если суд признает виновного в разбое, сопровождавшемся убийством, особо-социально опасным, он может, подведя это деяние под ч. 2 ст. 184 значительно повысить наказание, назначив высшую меру наказания. Нельзя не заметить, что между определениями ст. 184 и 142 п. „а“ имеется несогласованность, которая впрямь до устранения ее в законодательном порядке может быть обойдена только искусственным путем. Так, поскольку убийство с целью ограбления, как более тяжкое преступление, поглощает собою разбой, как менее тяжкое, в соответствии со ст. 29, то и обратно, поскольку в отдельном случае разбоя, сопровождавшегося убийством, будет установлен тот тяжкий его вид, который характеризуется особенностью субъекта преступления — наличием особой социальной опасности его, постольку здесь разбой, сопровождавшийся убийством, как более тяжкое преступление, в свою очередь поглощает последнее. Таким образом, в случае коллизии ст. 142 с 1 ч. ст. 184, перевес имеет первая, в случае коллизии ст. 142 с 2 ч. ст. 184 перевес имеет последняя. Следовательно, центр тяжести в решении данного вопроса сводится к установлению признаков особой социальной опасности виновного, вследствие чего получает особое значение выяснение обстановки совершения преступления. Как указано в пост. Пленума Верховного Суда УССР от 19 ноября 1923 г., обстановка преступления по ст. 142 п. „а“ должна носить

характер обычного уголовного преступления и резко отличаться от бандитизма, предусмотренного ст. 184, как преступления особо социально опасного¹⁾.

Наказание за разбой—лишение свободы на срок не ниже 3 лет со строгой изоляцией.

§ 37. Особые виды разбоя. Кроме простого разбоя Угол. Кодекс знает и два квалифицированных его вида, при чем основанием квалификации является или: а) особенности субъекта преступления или б) наличие соучастия (ст. 184 ч. 2).

а) По субъекту квалифицируется разбой, учиненный лицом, признанным судом особо социально опасным. Наличие особой социальной опасности преступника устанавли-

¹⁾ Вопрос о взаимоотношении ст. 142 п. „а“ и ст. 184 решается в нашей литературе различно. Так, Гродзиский (наз. соч. стр. 387; см. также его Преступления против личности. 1924 г., стр. 7) выдвигает в качестве разграничительного признака направление и характер умысла преступника, указывая на то, что при убийстве с корыстной целью лишение жизни потерпевшего было средством извлечения каких-либо имущественных выгод не в самый момент убийства, а до или после него; если же преступник имел намерение отнять имущество и с этой целью напал открыто, при чем в процессе похищения, для преодоления сопротивления или для обеспечения своей безопасности, лишил жизни потерпевшего или кого-нибудь другого, то в этом случае ответственность должна определяться по ст. 184; в тех же случаях, когда установлено, что преступник имел определенное намерение лишить жизни, чтобы затем похитить имущество, то это деяние карается по ст. 142 „а“. Зянев (назв. соч., стр. 11) придает, повидному, решающее значение порядку, в котором совершается похищение имущества и убийство, находя, что, при убийстве из корысти преступник избирает убийство, как средство этим путем воспользоваться имуществом убитого, при разбойном же убийстве преступник иногда сначала отбирает имущество у жертвы путем угроз, а затем уже лишает ее жизни. С другой стороны, по мнению Гюнтера („184 п. 142“—Вестн. Сов. Юст. 1923 г. № 9 стр. 222), решающее значение имеет признание преступника особо социально-опасным, что „должно иметь место в тех случаях, когда в действиях преступника обнаружилась воля более преступная, нежели та, которая обычно сопутствует простому убийству из корысти“.

вается судом на основании оценки всех обстоятельств данного случая, в особенности же оценки самой личности преступника. Понятие социальной опасности во всяком случае шире понятия как рецидива, так и преступной профессии¹⁾). Особая социальная опасность преступника может быть, напр., признана, если виновный был осужден уже раньше за убийство с корыстной целью и затем совершил разбой, если он совершил ряд разбоев, сопровождавшихся убийством, если он по всему поведению представляется особенно опасным для окружающей его среды и т. п. Эта социальная опасность может быть констатирована и при наличии лишь единичного случая разбоя, совершенного данным лицом в особых условиях и в особой обстановке, хотя бы он действовал единолично, без соучастников. Совершил ли при этом виновный убийство или какое-нибудь насильственное посягательство на личность, хотя бы выразившееся в виде угрозы, безразлично.

Наказание за этот вид квалифицированного разбоя — высшая мера наказания.

Другим обстоятельством, квалифицирующим разбой, является учинение разбоя группой лиц, т. н. бандитизм; здесь в самом законе предполагается особая социальная опасность данных лиц, что и является основанием для усиления наказания за этот вид разбоя.

Та группа лиц, о которой говорит при квалифицированном разбое Угол. Кодекс, должна представлять собою банду, т. е., согласно ст. 76, вооруженную шайку. Понятие вооруженной шайки предполагает с одной стороны делящийся характер преступной организации, с другой — наличие у данной группы лиц, образующих банду, оружия — холодного или огнестрельного. Нельзя поэтому усматривать квалифицированный разбой в похищении имущества, совершенного совместно

¹⁾ С этой точки зрения едва ли можно признать правильным разъяснение Пленума Верховного Суда УССР 21 апр. 1924 г., признавшего, что квалифицированное деяние „аналогичным рецидиву“ является равносильным признанию осужденного социально-опасным.

несколькими лицами, избившими потерпевшего палками и отнявшими у него деньги¹⁾).

Но если группа лиц, совершивших совместно разбой, не представляла собою банды, в частности если участники разбоя не были вооружены или если они и были вооружены, но не представляли собой являющейся организации (соучастие в единичном случае разбоя по предварительному соглашению), то ответственность для всех соучастников должна определяться по 1 ч. ст. 184, причем суд может признать всех соучастников или отдельных из них особо-социально опасными и приговорить к высшей мере наказания. Таким образом не всякое соучастие в разбое квалифицируется, как бандитизм.

Наказание за этот вид квалифицированного разбоя определяется по ст. 76, т.-е. как за бандитизм — высшая мера наказания с конфискацией имущества, а при смягчающих вину обстоятельствах — лишение свободы на срок не ниже 3 лет со строгой изоляцией.

Особенностью постановления Угол. Кодекса о квалифицированном разбое, учиненном бандой, является то, что в этом случае устанавливается ответственность и за подготовительную деятельность, выразившуюся в образовании банды, т.-е. вооруженной шайки, или участия в ней. Но это деяние рассматривается, как самостоятельное преступление против порядка управления (ст. 76), наказуемое одинаково с самим учинением разбоя этой бандой.

в) Как особый вид разбоя, отнесенный Уголовным Кодексом к области воинских преступлений, является тот

¹⁾ Иная точка зрения высказана в опр. у.-к. в. Верховсуда УССР 1923 г. по д. Скугарева, где призвано, что если группа лиц совершила разбойное ограбление кого-либо без организации действующей продолжительное время шайки, преступление наказывается по 2 ч. ст. 184 и что применять 2 ч. ст. 184 там, где применяются 1 ч. ст. 76, нельзя, так как они взаимно друг друга исключают: организация банды исключает случайный уговор двух или более лиц о совершении разбоя.

вид мародерства, который определяется, как противозаконное отобрание при боевой обстановке у гражданского населения принадлежащего последнему имущества с употреблением угрозы военным оружием (ст. 214). Здесь способ действия виновного характеризуется, как угроза употребления оружия, т.-е. выдвигается тот способ действия, который существенен для разбоя, как заключающий в себе опасность для жизни потерпевшего.

Наказание за мародерство — то, которое установлено за бандитизм (ст. 76).

РАЗДЕЛ III.

Прикосновенность к преступному приобретению имущества.

§ 38. Понятие прикосновенности к преступному приобретению имущества. Преступное приобретение имущества (присвоение и похищение), как и другие имущественные преступления, может быть учинено как одним лицом, так и несколькими лицами по соучастию между ними, причем в некоторых случаях (напр., при краже, насильственном грабеже и разбое — ст. 180 п. „б“, 182, ч. 2, 184 ч. 2) предварительное соглашение участников преступления само по себе или в связи с другими условиями (напр., бандя при разбое) является по Угол. Кодексу основанием для усидения ответственности за отдельные преступления.

Конечно, в отношении преступлений против имущества сохраняют свое значение общие положения о соучастии в преступлении, установленные в ст. 15 и 16 Угол. Кодекса. Поэтому наряду с тем, кто выполняет непосредственно состав того или иного преступления, заключающего в себе приобретение имущества, Угол. Код. наказывает и того, кто содействует его выполнению.

Но кроме той деятельности, которая характеризуется, как соучастие в преступлении и для которой существенным условием является наличие причинной связи между действием каждого из соучастников и наступившим последствием, воз-

возможна и такая деятельность одних лиц по отношению к преступлению, учиненному другими, которая в причинной связи с последним не состоит, так как она возникает лишь после его выполнения и лишь по поводу последнего. Это т. н. прикосновенная деятельность или прикосновенность к преступлению.

По господствующим в настоящее время в науке права взглядам, в противоположность прежним взглядам, прикосновенность не обнимается общим понятием соучастия, как выпадающая из него, и наказывается в качестве особого преступления; вследствие этого в особенной части любого уголовного кодекса можно найти определения об ответственности за такие деяния, которые, будучи прикосновенной деятельностью к выполнению известного преступления другими лицами, рассматриваются однако, как самостоятельные преступления. Таковы, напр., предусмотренные в Угол. Кодексе случаи недонесения об учиненном контр-революционном преступлении (ст. 89) и укрывательства его (ст. 68). Такая же прикосновенная деятельность возможна и в отношении имущественных преступлений и прежде всего, именно тех, которые направляются против имущества, как материальной вещи; она выражается в виде прикосновенности к противозаконному приобретению имущества.

Прикосновенность к имущественным преступлениям, в частности укрывательство плодов преступной деятельности, является деянием не менее вредным, чем непосредственное учинение этих преступлений, так как нельзя не учитывать того, что очень часто кража не была бы совершена, если бы у вора не было возможности сбить украденное. Укрыватели похищенного не менее опасны, чем сами похитители.

Все современные законодательства знают деяния этого рода, или предусматривая их среди других имущественных преступлений (франц., итал.) или же отводя им самостоятельное место (герм.). При этом обычно определения относительно наказуемости прикосновенной деятельности к имущественным преступлениям формулируются достаточно широко для того, чтобы дать суду возможность охватить ими самые разнообразные виды преступлений этого рода, представляющих несомненно деяния, вредные для общества.

§ 39. Покупка заведомо краденого имущества. Покупка заведомо краденого имущества есть умыш-

ленное приобретение в собственность путем договора купли—продажи имущества, заведомо для виновного добытого посредством кражи (ст. 181 Угол. Код.)

Объектом этого преступления может быть имущество, как материальная вещь, причем преступная деятельность может направляться против любой вещи, являвшейся предметом похищения. Так как Угол. Кодекс не требует для состава кражи, чтобы похищенное имущество было чужим для виновного, то постановление ст. 181 применимо и к случаям покупки виновным собственного имущества, похищенного кем либо из владения третьих лиц, поскольку последние на это имущество имели известное право, и право это было нарушено путем похищения (напр., покупка у бора похищенной им в ломбарде вещи, заложенной самим покупателем и принадлежащей ему).

Со стороны вины деяние должно быть учинено умышленно. Виновный должен знать, что то имущество, которое он покупает, добыто путем кражи, и должен желать приобрести его. Заведомость должна выражаться в знании того, что покупаемое имущество приобретено путем кражи; но при этом вовсе не требуется, чтобы виновный знал самый факт кражи; достаточно, чтобы он знал, что вещь краденая, а когда, кем и у кого она украдена, это безразлично. Вполне правильно поэтому опр. у.—в. к. Верховсуда УССР 1923 г. по д. Будовского, признавшего невозможность применения ст. 181 при недоказанности заведомости для виновного обстоятельств, сопровождавших покупку ¹⁾. Какими мотивами руководился

¹⁾ Иной взгляд проводится в Цирк. НКЮ РСФСР 1922 г. № 153 признавшем, что во всех случаях обнаружение платины у лиц, проживающих в районах добывания платины, последние должны быть привлекаемы к ответственности по ст. 181 ч. 2 Угол. Код., если они не докажут законности ее приобретения. Та же точка зрения проводится в цирк НКЮ 1922 г. № 156, на основании которого сбыт и использование похищенных железнодорожных билетов должны караться, как покупка и сбыт заведомо краденого по ст. 181 Угол. Код., так как единственным местом легальной продажи железнодорожных билетов являются железнодорожные кассы.

при этом виновный, также безразлично; эти мотивы могут быть и некорыстными, напр., желание оказать таким образом помощь виновному, но обычно это деяние совершается по корыстным побуждениям. Неосторожная покупка краденого, в виду требования заведомости, состава преступления не образует, хотя вполне возможно представить себе и неосторожную деятельность в отношении покупки похищенного, напр., если торговец, покупая имущество, действует без должной осмотрительности и приобретает похищенное.

Преступное действие в составе рассматриваемого преступления характеризуется, как покупка краденого. Таким образом Угол. Кодекс прямо не предусматривает с одной стороны иных, кроме покупки, способов приобретения краденого имущества, а с другой приобретения имущества, добытого иным путем, чем кража. В первом отношении оказываются вовсе не предусмотренными принятие краденого имущества на хранение или для сокрытия или в заклад или для сбыта, равно, как обмен этого имущества, или принятие его в дар. Однако этот пробел должен быть пополнен, так как, если Угол. Кодекс запрещает покупку краденого имущества, то на том же основании он должен запрещать всякую вообще имущественную сделку с данным имуществом, в чем бы она ни проявилась. Было бы непоследовательно наказывать покупку краденого и оставлять без наказания принятие его на сохранение. Такое толкование ст. 181 может найти себе подтверждение в ссылке на ст. 207 ч. 4, которая предусматривает аналогичное деяние, говоря о принятии от военнослужащего по какому бы то ни было основанию (покупка, обмен, подарок, заклад и т. п.) определенного казенного имущества. Во втором отношении, хотя Угол. Кодекс говорит лишь о покупке краденого, не упоминая об имуществе, приобретенном иным противозаконным путем, но казалось бы правильным распространить постановление ст. 181 и на эти случаи; иначе покупка имущества, приобретенного, напр., путем грабежа или разбоя, была бы ненаказуема.

Покупка краденого предполагает для своего состава наличие иного субъекта, чем то лицо, которое принимало участие в краже; поэтому если один из соучастников кражи купил у другого непосредственно похищенное последним имущество, он не может отвечать и за кражу и за покупку похищенного и отвечает только за кражу. С другой стороны для ответственности за покупку краденого безразлично, установлены ли судом виновники данной кражи, так что если похитители имущества и не были обнаружены или розысканы, все-таки возможна ответственность того, кто купил краденое имущество. Необходимо лишь, чтобы суд признал факт похищения покупаемого имущества. Конечно, продавцем этого имущества может быть не только сам похититель, но и третьи лица.

При рассмотрении состава покупки похищенного надо однако иметь в виду, что с точки зрения Угол. Кодекса в некоторых случаях прикосновенной деятельности этого рода надо усматривать соучастие в краже, а не покупку краденого. Именно, по ст. 16 Угол. Код. к категории пособников отнесены не только те, кто содействует выполнению преступления советами, указаниями и устранением препятствий, но вместе с тем и те, кто содействует выполнению преступлений сокрытием преступника или следов преступления. Но сокрытие преступника или следов преступления само по себе есть вид укрывательства, т.-е. прикосновенность к преступлению, а не соучастие. Поэтому возникает вопрос о взаимоотношении тех случаев прикосновенности, которые могут быть подведены под понятие соучастия, и тех, которые отсюда выделяются. Решающее значение в этом отношении имеет то обстоятельство, что для соучастия необходимо содействие выполнению преступления, поэтому если ктонибудь это содействие оказывает обещанием скрыть преступника или следы преступления, напр., купить украденное имущество, он является пособником преступления, учиненного другим лицом; если же вся его преступная деятельность ограничивается тем, что, узнав о преступлении, совершенном другим лицом,

он только укрывает имущество, добытое преступным путем, то в этом случае имеет места прикосновенность к преступлению; поскольку же Угол. Кодекс предусматривает означенное деяние, как особое, самостоятельное преступление, оно должно было бы быть всегда наказуемо по ст. 181, однако так как наказание, установленное ст. 181 (принудительные работы или лишение свободы до 1 года), выше, чем то, которое положено за простую кражу (ст. 180 п. „а“), то ответственность всякого укрывателя в этом случае должна определяться по ст. 181 и только в отношении других видов кражи, за которые положено наказание более высокое, чем по ст. 181, имеет значение указанное различие в деятельности укрывателей краденого.

Оконченным рассматриваемое преступление должно считаться с момента покупки краденого, т.-е. заключения соответственной сделки, хотя бы имущество и не было при этом передано покупателю. Деятельность, предшествующая этому, напр., переговоры о покупке, должна рассматриваться, как покушение на преступление, поскольку была в наличии заведомость покупателя о преступном происхождении у продавца покупаемого им имущества.

Наказание на покупку краденого — принудительные работы или лишение свободы на срок до 1 года.

Кроме простого вида покупки краденого Угол. Код. знает и квалифицированный его вид, именно, если это преступление совершается в виде промысла и с целью сбыта (ст. 181 ч. 2). Оба эти условия должны быть налицо совместно: первое указывает на профессиональную деятельность преступника, второе подчеркивает его корыстные побуждения; при этом для признания наличия профессиональной деятельности виновного достаточно исходить хотя бы из одного деяния, им учиненного и находящегося на рассмотрении суда, если выяснение всего образа жизни виновного свидетельствует о том, что он вообще занимается укрывательством похищенного. Цель сбыта должна охватывать собою цель распорядиться приобретаемым имуществом каким бы то ни

было способом, предполагающим возможность обогащения виновного, так что сбыт охватывает собою не только продажу, но и обмен купленной виновным похищенной вещи.

Наказание за квалифицированный вид покупки краденого— лишение свободы на срок не ниже 1 года с конфискацией имущества. При этом нужно иметь ввиду, что обычно лица, виновные в покупке краденого, могут признаваться судом социально-опасными по связи с преступной средой данной местности и потому естественно могут подлежать сверх наказания особой мере социальной защиты: лишению права пребывания в определенных местностях на срок не свыше 3 лет (ст. 49 Угол. Код.).

§ 40. Особый вид прикосновенности к приобретению имущества. Кроме покупки краденого Угол. Кодекс знает еще одно преступное деяние, близко к нему подходящее, но отнесенное не к имущественным преступлениям, а к группе военных преступлений. Последнее, имеет, однако, несколько иную структуру, так как рассматривается, как соучастие в преступлении, учиненном другим лицом, именно военно-служащим, а не как самостоятельное преступление. Это—заведомое принятие от военнослужащего выданных ему для носки предметов казенного обмундирования и аммуниции или выданных ему для служебного употребления холодного и огнестрельного оружия, патронов и лошади (ст. 207 ч. 4).

Субъектом этого преступления может быть всякое лицо, не только военнослужащий. Объект—предмет, точно указанный в законе. Со стороны вины деяние предполагается учиненным умышленно, так как Угол. Кодекс говорит о заведомом принятии от военнослужащего казенного имущества. Виновный должен знать, что то лицо, у которого он берет имущество, является военнослужащим и что имущество, которое последний сбывает, составляет имущество казенное; при этом вовсе не требуется установления того, что виновный знал о противозаконной деятельности военнослужащего; это само собой предполагается, так как казенное имущество

не может быть предметом дозволенной законом сделки (ст. 23 Гражд. Код.). Способ действия виновного описывается Угол. Кодексом в данном случае более подробно, чем в отношении покупки похищенного. Это не только покупка, но обмен, подарок и т. п.

Наказание за прятание заведомо казенного имущества от военнослужащего то, которое установлено за промотание этого имущества, соучастием в котором признается данное преступление, — лишение свободы на срок до 1 года в отношении имущества, выданного для носки, с допущением ответственности, при смягчающих обстоятельствах, по правилам устава дисциплинарного (конечно, для военнослужащих), а в отношении оружия, патронов и лошади — лишение свободы не ниже 1 года; при совершении же преступления в военное время или в боевой обстановке: в первом случае — лишение свободы не ниже 1 года, во втором — не ниже 3 лет или высшая мера наказания.

ОТДЕЛЕНИЕ III.

Посягательства на вещь, как на предмет отдельного имущественного права.

§ 41. Понятие посягательства на вещь, как на предмет отдельного имущественного права. Кроме преступлений, направленных против имущества, как материальной вещи, и заключающих в себе посягательство на право собственности на данное имущество — повреждения и приобретения имущества, а также прикосновенности к его приобретению — возможны еще и такие посягательства, также направленные против имущества, как материальной вещи, которые затрагивают не право собственности в целом, а лишь одну из составных его частей: владение, распоряжение или пользование вещью. Для всех этих преступлений характерным является то, что они, не посягая на право собственности в целом, проявляются лишь в самовольном осуществлении владения, распоряжения или пользования вещью

со стороны лица, на то не управомоченного. В них выражается самовольное фактическое осуществление принадлежащих собственнику хозяйских отношений к вещи.

Эти деяния могут быть совершены как посторонними лицами, так и самим собственником, поскольку его право собственности является ограниченным в виду предоставленного им самим или постановлением власти другому лицу права владеть, распоряжаться или пользоваться данною его вещью.

Угол. Кодекс вообще не упоминает о деяниях этого рода, как об особых преступлениях против имущ. ства. Лишь некоторые виды преступлений этой группы предусматриваются, как преступления против порядка управления (ст. 99), или могут быть подведены под общее понятие самоуправства (ст. 103). С другой стороны нужно иметь ввиду, что, так как Угол. Кодекс, как указывалось уже выше, не устанавливает в отношении повреждения, присвоения и похищения имущества (за исключением грабежа) требования, чтобы имущество, как предмет посягательства, было для виновного чужим, то является возможность подводить известные виды деяний этого рода под повреждение, присвоение или похищение имущества.

§ 42. Виды посягательств на вещь, как предмет отдельных имущественных прав. В соответствии с различием отдельных составных частей права собственности — права владения, распоряжения и пользования — можно различать три вида деяний этого рода: 1) самовольное завладение, 2) самовольное распоряжение и 3) самовольное пользование.

1) Самовольное завладение имуществом есть взятие вещи из чужого владения, не сопровождавшееся нарушением права собственности; оно может быть учинено или а) самим собственником, а также посторонним лицом, но с его ведома или согласия, или же б) посторонними лицами без его ведома и согласия.

а) В первом случае самовольное завладение является нарушением со стороны виновного владения собственным

его имуществом, переданным по тем или иным основаниям третьему лицу: это — случай похищения собственной вещи, служащей обеспечением чужого вещного права, права залогопринимателя, кредитора, арендатора и т. п. С точки зрения Угол. Кодекса это деяние приравнивается к похищению имущества, к краже (ст. 180).

б) Что касается самовольного завладения имуществом, совершенного посторонним лицом, а не самим собственником, без цели его присвоения—так как иначе это будет похищение имущества,—то это деяние по Угол. Кодексу само по себе не наказуется; но если оно сопровождалось особыми обстоятельствами, дающими возможность усматривать в нем цель присвоения чужого имущества, то оно может быть подведено под похищение.

2) Самовольное распоряжение имуществом есть совершение в отношении чужого или собственного имущества, на которое имеют права третьи лица, таких действий, которые возможны, лишь в отношении собственного имущества. Эти действия могут выражаться в потреблении, отчуждении, повреждении или уничтожении вещей. Они могут быть совершены а) посторонним лицом и б) собственником.

а) Если скоро самовольное распоряжение осуществляется посторонним лицом, т. е. кем либо в отношении чужой вещи, оно обычно образует состав похищения или повреждений имущества, как затрагивающее и самое право собственности на данную вещь. Остальные же случаи распоряжения чужим имуществом, не укладывающиеся в состав похищения или повреждения, напр., распоряжение чужим имуществом в интересах самого собственника, должны оставаться ненаказуемыми и могут влечь за собой лишь гражданский иск ¹⁾.

¹⁾ Однако в некоторых законодательствах предусматриваются отдельные случаи этого рода, напр., самовольное взятие кормовых запасов у хозяина для корма его скота (герм. право) или самовольное распоряжение чужим имуществом, если этим причиняется его обладателю вред или неудобство (норв.).

При составлении проекта Уголовного Кодекса имелось в виду предусмотреть в качестве особого преступления самовольное распоряжение заведомо чужим имуществом без намерения присвоить его (ст. 190 пр. Угол. Код.), но при обсуждении проекта во ВЦИК'е эта статья, как содержащая в себе указание на признаки гражданского правонарушения, а не уголовного преступления, была исключена ¹⁾. Таким образом, с точки зрения Угол. Кодекса это деяние не есть преступление. Только в отдельных случаях здесь можно говорить об ответственности за самоуправство (ст. 103).

б) Что касается самовольного распоряжения собственным имуществом, то оно может выразиться в повреждении, сокрытии, возмездном или безвозмездном отчуждении или отдаче в заклад собственного имущества, на которое имеют права третьи лица. Оно может рассматриваться, как самостоятельное преступление. Угол. Кодекс, как уже указывалось, не знает такого особого преступления. Но повреждение собственного имущества, заложенного или арестованного, может быть подводимо под общее понятие повреждения имущества, так как для состава последнего по Угол. Кодексу не требуется, чтобы предметом посягательства было непременно чужое имущество. Что же касается других видов противозаконного распоряжения собственным имуществом, то они могут быть подводимы под общее понятие самоуправства (ст. 103), поскольку в данном случае будут налицо все признаки последнего.

3) Самовольное пользование чужим имуществом есть самовольное извлечение выгод и доходов из чужого имущества или собственного имущества, на которое имеют права третьи лица. Оно может быть учинено точно также или а) самим собственником или б) посторонним лицом.

а) Собственник имущества совершает самовольное пользование постольку, поскольку он нарушает таким путем права третьих лиц, имеющиеся в отношении его имущества;

¹⁾ Бюлет. III сессии ВЦИК IX созыва 1922 г. № 10, стр. 13.

таково, напр., самовольное пользование собственным имуществом, описанным и переданным на хранение его собственнику. Это деяние обычно не считается преступлением и влечет за собой гражданско-правовые последствия. С точки зрения Угол Кодекса это деяние может рассматриваться, как преступление, только в том случае, если пользование таким имуществом превращается в умышленное повреждение его.

б) Что касается самовольного пользования чужим имуществом, то это деяние может выразиться в двух формах в зависимости от особенностей предмета посягательства: в пользовании чужой движимой вещью, т.-е. вещью, могущей быть передвигаемой с места на место, или же в извлечении плодов из чужой недвижимости, из земельной собственности. Хотя различие между движимым и недвижимым имуществом в настоящее время по нашему революционному праву и утратило значение, противоположение земельной собственности и всякого иного имущества все же сохраняет свое значение в отношении преступлений этого рода.

Самовольное пользование чужим движимым имуществом наказывается обычно в том случае, если оно совершается лицами, в обладании которых оно находится.

Такова, напр., точка зрения герм. права, предусматривающего самовольное пользование чужим имуществом со стороны лиц, принявших его в заклад. С другой стороны самовольное пользование чужим имуществом возможно со стороны должностных лиц, владеющих им в силу своего служебного положения, поскольку это пользование не переходит в присвоение вверенного по службе имущества.

Угол. Кодекс самовольного пользования чужим имуществом не знает. Правда, проект Уголовного Кодекса в той же статье (ст. 190), которая говорила о самовольном распоряжении чужим имуществом, предусматривал и самовольное пользование им, но эта статья, как выше указывалось, в текст Уголовного Кодекса включена не была. Во всяком случае, если это деяние совершается служащим, в нем можно в отдельном случае найти признаки злоупотребления властью (ст. 105) или превышения власти (ст. 106), которое однако вследствие своей незначительности может преследоваться лишь в дисциплинарном порядке.

Что касается извлечения плодов из чужой земельной собственности, то сюда относятся также деяния, как, напр., самовольная добыча ископаемых, самовольная охота и рыбная ловля, самовольная порубка и т. п. С устранением права частной собственности на землю деяния этого рода возможны в настоящее время, как посягательства на принадлежащее государству право собственности на землю. Угол. Кодекс предусматривает указанные деяния, как одно из преступлений против порядка управления (ст. 99) или против публичного порядка (220а).

Посягательства эти могут быть весьма разнообразны в зависимости прежде всего от того, на что непосредственно направляется преступная деятельность, вследствие чего Угол. Кодекс, не считая возможным перечислить исчерпывающим образом все деяния этого рода, довольствуется для их характеристики установлением общих положений, говорящих о нарушении постановлений, изданных в интересах охраны лесов, и о разработке недр земли с нарушением установленных правил (ст. 99), а также о нарушении установленных законами и обязательными постановлениями правил об охоте и рыбной ловле (ст. 220-а).

Таким образом, преступления эти могут быть разбиты на три группы: а) нарушения правил, изданных для охраны лесов, б) нарушение правил об охране недр земли и в) нарушение правил об охоте и рыбной ловле. Первые две группы отнесены Угол. Кодексом в редакции его, принятой II сессией ВЦИК XI созыва, к преступлениям против порядка управления, а третья к нарушениям правил, ограждающих публичный порядок.

а) Нарушение правил, изданных в интересах охраны леса, представляет собой деяния двойного рода, это: аа) деяния, выражающиеся в хищении и истреблении леса, и бб) ведение лесного хозяйства с нарушением установленного плана (ст. 99).

аа) Хищение и истребление леса обнимает все то, что характеризуется, как самовольное пользование лесными про-

изростаниями, все равно будет ли оно представлять собой пользование лесом, связанное непосредственно с получением древесины, или же такое, которое образует т. н. лесные побочные пользования (пастьба скота, сенокосение, сбор орехов и других лесных плодов, лесной подстилки, мха и т. п.). Одним из наиболее часто встречающихся деяний этого рода является лесная порубка. Поскольку предметом лесной порубки служит растущее в лесу дерево, постольку самовольное пользование лесом отличается от кражи: предметом последней является дерево, к которому уже приложен труд, дерево срубленное.

Со стороны вины нарушения правил об охране лесов могут быть учинены, как умышленно, так и неосторожно ¹⁾).

По наказуемости Угол. Кодекс проводит различие между двумя видами лесных проступков, принимая во внимание стоимость причиненного государству ущерба. Если стоимость незаконно добытого не превышает 15 р. по местной таксе, то это деяние карается в административном порядке волостным исполнительным комитетом, который налагает за него штраф в размере не свыше трехкратной стоимости незаконно добытого по местной таксе. Если же стоимость добытого превышает 15 р., то наказание назначается судом — лишение свободы до 1 года или штраф до 100 р. с обязательной конфискацией незаконно добытого.

Тяжким видом этого деяния является учинение хищения леса в виде промысла; в этом случае стоимость похищенного значения не имеет; наказание — то, которое установлено для хищения на сумму свыше 15 руб.

¹⁾ Однако Пленум Верховного Суда УССР (пост. 19 мая 1924 г.) требует для состава этого преступления непременно умышленности, указывая, что умышленная погрыва лесных культур молодого леса (молодняка), питомников, травы или же умышленная пастьба скота в неразрешенных местах а равно пастьба в лесах запрещенных видов скота (коз) преследуются по ст. 99 Угол. Код.; при неосторожности же здесь может быть речь только о возмещении вреда в порядке гражданского суда.

бб) Ведение лесного хозяйства с нарушением установленного плана предполагает хищническое отношение к лесу в обход того соглашения, которое заключено с виновным относительно эксплуатации леса. Наказание то же, что и за похищение леса на сумму свыше 15 руб.

б) Разработка недр земли с нарушением установленных правил предполагает нарушение тех правил, которые установлены Постановлением ЦИК СССР от 13 июля 1923 г. о недрах земли и разработке их. Сюда относятся с одной стороны случаи выборки камней, песку, глины, торфа и т. п., с другой—добывание рудных ископаемых; наказание—лишение свободы на срок до 1 года или штраф до 100 р. с обязательной конфискацией незаконно добытого.

в) Нарушение правил об охоте и рыбной ловле предполагает нарушение с одной стороны правил об охоте, которые изданы НКЗем'ом (см. Изв. Центр. Комит. Всеросс. Союза Охотников и Центроохоты 1922 г. №№ 13—14) или установлены отдельными местными органами, с другой—правил о рыбной ловле, которые касаются рыбной ловли вне районов государственной монополии (ср. Декр. ВЦИК и СНК от 25 сент. 1922 г. — собр. уз. № 61 ст. 780).

Наказание за это деяние назначается исключительно в административном порядке и заключается в принудительных работах до 3 месяцев или в штрафе до 300 рублей.

Глава II.

Преступления против имущества вообще.

§ 43. Понятие преступлений против имущества вообще. Наряду с теми преступлениями, которые направляются против имущества, как материальной вещи, во всех законодательствах существует группа имущественных преступлений, посягающих на имущество вообще. Их объектом является не определенная конкретная материальная вещь, но имущество, понимаемое, как право на имущество, или как совокупность не только материальных вещей, но тех или

инных имущественных прав. С другой стороны для преступлений этой группы является существенным известный способ их совершения, отличный от способа совершения остальных имущественных преступлений. Этот способ действия получает здесь особенное значение в том отношении, что, так как имущество вообще охватывает собой и материальную вещь, то учиненное подобным способом имущественное преступление, направленное против материальной вещи, тем не менее рассматривается, как преступление против имущества вообще, представляя собою лишь разновидность известного его рода. Так напр., мошенничество может заключаться как в том, что посредством обмана приобретается какая-нибудь вещь, так и в том, что таким же путем приобретается известное право по имуществу, напр. право застройки и т. п. То обстоятельство, что в отдельных случаях непосредственным предметом данного преступления может быть вещь, как таковая, не изменяет его природы и не может служить основанием для выделения подобных его видов из общего его понятия.

Имущество, как объект данной группы посягательств, должно быть для виновного чужим; однако, так как в угол. код. в отношении объекта имущественных преступлений обычно не выставляется требования, чтобы предметом посягательства было чужое имущество, то является возможность относить в данную группу преступлений в известных случаях и посягательства на собственное имущество, именно поскольку на него имеют права третьи лица, напр. возможно говорить о мошенничестве в случае получения виновным посредством обмана собственного заложенного имущества и т. п.

Все преступные деяния, которые направляются против имущества вообще так же, как и преступления, имеющие своим объектом имущество, как материальную вещь, могут быть сведены к двум группам.

Одну группу образует причинение вреда чужому имуществу, т.-е. умаление сферы чужого имущественного обладания. Момент причинения вреда является элементом, исчерпывающим состав преступления данной группы, так что если даже

в отдельном случае преступная деятельность сопровождалась получением виновным какойнибудь имущественной выгоды, то этот элемент личного обогащения рассматривается, как случайный придаток, не существенный для состава преступления: его присутствие или отсутствие не изменяют природы данного преступления. Так, для злоупотребления доверием, как причинения виновным вреда чужому имуществу путем превышения своих полномочий в отношении этого имущества, безразлично, получил ли виновный от своей преступной деятельности какуюнибудь имущественную выгоду или нет; достаточно, чтобы таким путем был причинен имущественный ущерб.

Другую группу составляют те преступные деяния, которые характеризуются увеличением виновным сферы своего имущественного обладания путем причинения вреда чужому имуществу, т.-е. путем умаления сферы чужого имущественного обладания; в этом случае не является существенным, чтобы это умаление и соответствующее ему увеличение происходили в отношении одного и того же предмета, напр. при ростовществе преступная деятельность исчерпывается эксплуатацией чужой нужды, а тот материальный ущерб, который терпит в конкретном случае потерпевший, может и не совпадать точно с той выгодой, которую при этом получает ростовщик.

Таким образом, все преступные деяния, относящиеся к группе посягательств на имущество вообще, являются или преступным причинением вреда чужому имуществу вообще, или преступным приобретением чужого имущества, как совокупности материальных вещей или имущественных прав, причем в конкретном случае предметом приобретения имущества может являться, как отдельная материальная вещь, так и отдельное имущественное право.

ОТДЕЛЕНИЕ I.

Преступное причинение ущерба имуществу.

§ 44. Понятие преступного причинения ущерба имуществу и его виды. Причинение

ущерба имуществу вообще, понимаемому в смысле совокупности имущественных прав и материальных вещей, обычно рассматривается, как гражданское правонарушение, влекущее за собой возмещение причиненного вреда, а не как уголовное преступление. Однако в известных случаях это деяние все же квалифицируется, как преступное деяние./

Это имеет место прежде всего в виду особого способа действия виновного, причиняющего вред чужому имуществу; таким способом действия может являться нарушение специально лежавшей на виновном обязанности заботиться о чужом имуществе. В нарушении принятой виновным или возложенной на него обязанности, в злоупотреблении оказываемым ему доверием усматривается основание для признания подобного деяния преступным. Поскольку в данном случае имеется всегда нарушение специальной обязанности, лежавшей на известном лице, постольку субъектом этого преступления может быть только тот, на ком такая обязанность лежала.

Другим основанием для признания причинения ущерба чужому имуществу преступным деянием является то, что этот ущерб причиняется имуществу, принадлежащему или государству, или неопределенному множеству частных лиц; особая важность нарушенного права или значительность причиненного ущерба является в данном случае основанием для превращения гражданского правонарушения в преступление. Так, неисполнение договора, от которого возникает ущерб для чужого имущества, обыкновенно не считается преступлением, но неисполнение договора, причиняющего вред имуществу государства, в известных случаях признается преступным деянием; точно также неплатеж долгов не есть преступление, но банкротство, как своеобразный вид неплатежа долгов, затрагивающий массу людей и заключающий в себе по способу действия момент общеполитической опасности, рассматривается обычно, как преступление.

Государственный имущественный интерес, интерес казны, может, наконец, вообще признаваться настолько важным, что известные деяния, хотя бы они и не заключали в себе при-

чинения действительного вреда этому интересу, признаются преступными, поскольку в них можно усматривать возможность возникновения подобного вреда; это — деяния, заключающие в себе лишь элемент возможности такого вреда, деяния опасные, или обычно предполагающиеся вредоносными. Наряду с государственными интересами иногда получает такое же значение в силу особых соображений, прежде всего в силу особенностей тех лиц, которым может быть нанесен имущественный вред, интерес и частных лиц (напр. несовершеннолетних). На этом основании запрещаются под страхом наказания некоторые имущественные сделки.

Таким образом, сферу посягательств, характеризующихся, как причинение ущерба чужому имуществу, образуют преступные деяния тройкого рода. Это: 1) злоупотребление доверием, 2) неисполнение договора по имуществу и 3) наказуемые сделки.

Уголовный Кодекс не включает этих деяний в группу преступлений против имущества, но некоторые из них, поскольку они причиняют ущерб государственному имуществу, известны ему в своеобразной обрисовке, в качестве особых видов хозяйственных преступлений (гл. IV).

Поскольку эти преступления затрагивают непосредственно имущество, хотя бы и принадлежащее государству, они могут быть рассматриваемы в группе имущественных преступлений, так как природа последних не изменяется в зависимости от того, кому принадлежит имущество, являющееся их предметом, — государству или частному лицу. Во всяком случае особенностью постановлений Угол. Кодекса о наказуемом причинении ущерба чужому имуществу является то, что ими ограждается от соответствующих посягательств только государственное имущество, так что те же деяния, направляющиеся против частных лиц, не влекут за собой наказания.

§ 45. 1). Злоупотребление доверием; его общий состав. Злоупотребление доверием есть причинение вреда чужому имуществу, охрана которого лежала на обязанности

виновного, посредством ненадлежащего пользования им правами, вытекавшими для него из этой обязанности.

Понятие злоупотребления доверием, как особого преступления, заключающегося в причинении вреда чужому имуществу, выработано сравнительно недавно; оно было неизвестно старому праву: так, французское право, хотя и употребляет термин «злоупотребление доверием» (*abus de confiance*), но придает ему совершенно иное значение, так как этот термин охватывает здесь с одной стороны присвоение вверенного имущества, с другой пользование чужой доверчивостью (напр. выманивание у малолетнего имущества, пользуясь его слабостью, или злоупотребление вверенной бланковой подписью).

Напротив в германском уложении создается общее понятие небрежности по имуществу (*Ungehe*), обнимающей собою случаи злоупотребления своими полномочиями во вред вверенным имущественным интересам со стороны поверенных и некоторых других лиц.

Злоупотребление доверием характеризуется прежде всего особенностью субъекта преступления; его субъектом является лишь лицо, имеющее особое полномочие по охране чужого имущества, прежде всего лицо, действующее на основании доверенности, возникшей в силу частного соглашения между виновным и потерпевшим; но возможно возникновение этого полномочия и иным путем в силу особых отношений, существующих между обоими этими лицами по закону, напр. по служебному положению виновного или по опеке.

Объектом преступления является чужое подлежащее охране и попечению виновного имущество, понимаемое или в смысле всего имущества, охватывающего, как материальные вещи, так и права по имуществу, или в смысле отдельных предметов имущественного обладания, или отдельных имущественных прав.

Преступное действие в составе злоупотребления доверием состоит в причинении имущественного вреда именно тому имуществу, которое подлежало специальной охране и попечению виновного, и посредством таких действий, которые входили в круг его полномочий и которые выразились в ненадлежащем пользовании этими полномочиями.

Таким образом, все указанные признаки злоупотребления доверием, характеризуют его, как особое, самостоятельное преступление, отличное от других по субъекту, объекту и способу действия.

Уголовный Кодекс, хотя и не предусматривает, среди имущественных преступлений подобного деяния, а самый термин „злоупотребление доверием“ ему и вестен лишь, как термин, характеризующий особый способ действия в составе мошенничества наряду с обманом (ст. 187), и представляющий собою особую разновидность обмана, однако среди хозяйственных преступлений Угол. Кодексе упоминает такие деяния, которые по своей сущности являются ничем иным, как злоупотреблением доверием; в основе этих преступных деяний лежит именно причинение ущерба определенному имуществу, заботиться о котором лежало на обязанности виновного, притом посредством таких действий, которые входили в круг его обязанностей.

§ 46. Виды злоупотребления доверием по уголовному кодексу. Уголовный Кодекс предусматривает четыре преступления этого рода. Это: 1) бесхозяйственность, или, как она называлась в первоначальной редакции Угол. Код., бесхозяйственное ведение порученного дела (ст. 128), 2) заключение убыточных договоров и сделок (ст. 128а), 3) расточение арендатором предоставленного ему государством имущества (ст. 129) и 4) выдача продуктов или предметов широкого потребления не по назначению (ст. 131)¹⁾. Следует при этом указать, что угол. кодексу известен еще один вид злоупотребления доверием, относимый им, как разновидность общего понятия злоупотребления власти, к преступлениям должностным: это — злоупотребление властью, выразившееся в таких действиях должностного лица, которые оно могло совершить единственно благодаря своему служебному положению и которые, не вызываясь служебной необходимостью,

¹⁾ Познышев (назв. соч. стр. 137) относит к злоупотреблению доверием деяние, предусмотренное ст. 130 угол. код. — неисполнение обязательств, заключенных с государственным учреждением или предприятием; но именно этому деянию чужды те черты, которые обычно приурочиваются к злоупотреблению доверием; других видов этого преступления, имеющих в уголовном кодексе, он не называет.

причинили имущественный ущерб государственному учреждению или предприятию (ст. 105).

Нужно однако иметь в виду, что в угол. кодексе злоупотребление доверием, которое проявляется в только что названных преступлениях, не всегда строго разграничивается от присвоения или растраты вверенного имущества; до известной степени оба эти преступления смешиваются друг с другом, так как при описании отдельных преступлений угол. кодекс употребляет термин настолько широкий, что он охватывает, как злоупотребление доверием, так и растрату, — термин „расточение“.

§ 47. 1) **Бесхозяйственность.** Бесхозяйственность есть причинение ущерба имуществу государственного учреждения или предприятия лицом, стоящим во главе последних, или их уполномоченным, посредством небрежного или недобросовестного отношения к порученному делу (ст. 128).

Субъектом данного преступления является или лицо, стоящее во главе государственного учреждения или предприятия, или уполномоченный их. Таким образом, это преступление может быть учено только лицом, находящимся на государственной службе; лица, работающие в кооперативном или профессиональном учреждении или предприятии, сюда не относятся ¹⁾.

Но субъектом этого преступления может быть не всякое должностное лицо, а лишь лицо, занимающее определенное служебное положение. Это прежде всего лица, стоящие во главе государственных учреждений или предприятий; такими лицами должны признаваться не только те, кто единолично возглавляют известное государственное учреждение или предприятие, но и те, кто входят в состав коллегии, упра-

¹⁾ Иного мнения Есава (Угол. кодекс Сов. Кесп. под редакцией С. Канарского 1924 г. стр. 296), находящий, что лица, состоящие во главе учреждений, носящих публично-правовой характер, как промышленная кооперация, в виду выполнения этими учреждениями государственных функций, должны подлежать ответственности по ст. 128.

вляющей данным учреждением, или в состав правления, стоящего во главе данного предприятия. Поэтому лица, стоящие во главе отдельных частей государственного учреждения или предприятия, не могут считаться субъектами этого преступления ¹⁾).

Далее субъектом бесхозяйственного ведения дела могут быть и уполномоченные учреждений или предприятий, следовательно, и такие должностные лица, которые не стоят во главе их, но имеют специальное полномочие или поручение вести известное дело, т.-е. блюсти имущественный интерес государственного учреждения или предприятия, и которые таким образом пользуются особым доверием к ведению порученного им дела. Таковы, напр. заместители лиц, стоящих во главе учреждения или предприятия.

Объектом бесхозяйственного ведения дела является имущество вообще или отдельные имущественные права того государственного учреждения или предприятия, во главе которых стоит виновный или уполномоченным которых он является. Это имущество или имущественные права должны быть вверены попечению виновного вследствие поручения ему ведения дела данного учреждения или предприятия. Причинение ущерба имуществу одного государственного учреждения или предприятия, возникшее от действий главы или уполномоченного другого, не охватывается определением ст. 128.

Со стороны вины преступное деяние может быть учинено как неосторожно, так и умышленно, так как Угол. Код. (в новой редакции принятой 2 сессией ВЦИК X созыва), прямо говорит о бесхозяйственности, основанной на небрежном или недобросовестном отношении к порученному делу: небрежность будет налицо, если виновный причиняет ущерб вверенному его попечению имуществу, действуя без должной

¹⁾ Иначе Есава (назв. соч. стр. 297), который находит, что, если отдел какого нибудь государственного учреждения или предприятия представляет из себя хозяйственное целое, выступающее в гражданском обороте, как отдельная единица (тресты, синдикаты), то лица, состоящие во главе его подлежат ответственности по ст. 128

осмотрительности, т.-е. когда он не предвидит наступления этого ущерба, хотя мог или должен был его предвидеть, или когда он легкомысленно предполагает, что этот ущерб не наступит. Недобросовестное же отношение предполагает умысел, т.-е. знание виновным, что он причиняет своими действиями ущерб вверенному его попечению государственному имуществу, и его желание или по крайней мере допущение наступления этого ущерба ¹⁾).

Со стороны действия безхозяйственность требует а) определенной деятельности виновного, сопровождавшейся притом б) указанными в Угол. Кодексе последствиями.

а) Эта деятельность характеризуется, как небрежное или недобросовестное отношение к порученному делу, и может заключаться как в активном, так и в пассивном поведении виновного, в действии или бездействии; сюда относятся с одной стороны определенные акты, заключающие в себе распоряжение вверенным имуществом и причиняющие ему ущерб, с другой стороны и воздержание от таких актов, которые должны были устранить причинение ущерба, напр., пропуск срока для реализации денежных сумм, вследствие чего произошло обесценение имущества данного учреждения или предприятия. Безхозяйственность, т.-е. безхозяйственное ведение дела, должна выражаться при этом в известной длительной деятельности, в целой системе хозяйственных действий, причиняющих убыток учреждению или предприятию; ²⁾ иначе ответственность должностного лица должна опре-

¹⁾ Иначе Немировский (назв. соч. стр. 253), который недобросовестное отношение понимает, как сознательно безучастное отношение к ходу дела, оставление его без надзора и руководства. Точно также Рывкин („Безхозяйственность и недобросовестность“ в Раб. Суде 1924 г. № 5 стр. 410) характеризует недобросовестность, как неиспользование служащим к делу, которое ему поручено, максимума своей энергии, которую он должен был по совести проявлять.

²⁾ Иначе Борхов („Наказуемая безхозяйственность и наказуемое неисполнение договора“ в журн. „Сов. Право“ 1924 г. № 4, стр. 87), который исходит при этом из общего критерия отсутствия предусмотрительности заботливого хозяина.

деляться за злоупотребление властью (ст. 105) или иное преступление по службе.

б) Преступная деятельность виновного должна сопровождаться во всяком случае известными последствиями. Такими последствиями являются или расточение имущества учреждения или предприятия или трудно восстанавлимый ущерб их достоянию.

Расточение характеризуется утратой имущества и может не сопровождаться непременно его растратой или присвоением, т.-е. обращением в свою собственность ¹⁾). Однако, поскольку ст. 128 ч. 2 говорит о бесхозяйственности, совершенной в целях расхищения государственного достояния и личной наживы участников, постольку расточение может охватывать собою и случай растраты в собственном смысле этого слова.

Ущерб, как следствие небрежного или недобросовестного отношения к порученному делу, понимается как особо важный, а не всякий ущерб, — именно трудно возместимый, так что если бесхозяйственность вызвала ущерб незначительный или легко восстанавлимый, то ответственность по ст. 128 исключается. Таким трудно восстанавлимым ущербом может быть невыполнение производственного плана или ухудшение качества выпускаемых изделий — случаи, указывавшиеся в первоначальной редакции ст. 128 Угол. Код. Получил ли виновный при бесхозяйственном ведении дела какуюнибудь имущественную выгоду или нет, для состава преступления безразлично. Важно лишь, чтобы налицо был имущественный ущерб, причиненный государству. Этот ущерб может выражаться и в упущенной выгоде ²⁾).

¹⁾ Иного мнения Познышев (назв. соч., стр. 85), который находит, что при правильном толковании это неясное слово должно быть понимаемо в тесном смысле, в смысле растраты. По мнению Трайнипа („Хозяйственные преступления“ 1924 г. изд. 2-ое стр. 15) расточение заключается в уменьшении того актива, который был получен должностным лицом при вступлении в должность.

²⁾ Иначе Памировский (назв. соч., стр. 253), который неполучение прибыли не подводит под понятие ущерба.

Оконченным данное преступление должно считаться с момента расточения имущества или причинения ущерба достоянию государственного учреждения или предприятия. Одно недобросовестное отношение к порученному делу, должествовавшее по умыслу виновного привести к причинению ущерба или утраты имущества, образует лишь покушение.

Наказание за бесхозяйственность — лишение свободы на срок не ниже 1 года.

В качестве квалифицированного вида данного преступления предусматривается в Угол. Кодексе учинение его по сговору должностных лиц между собою или с иными лицами (следовательно, частными), т.-е. при наличии предварительного соглашения, притом непременно с корыстной целью — с целью расхищения государственного достояния и личной пассивы (ст. 128 ч. 2).

Наказания за этот вид бесхозяйственности те, которые установлены по ст. 63 Угол. Код. Поэтому, если в деянии виновного будут найдены признаки т. н. экономической контр-революции (противодействие нормальной деятельности государственных учреждений или предприятий или соответственное их использование для разрушения и подрыва промышленности, торговли и транспорта с контр-революционной целью — ст. 63 ч. 1), то виновный подлежит наказанию, указанному в ст. 58 (высшая мера наказания с конфискацией всего имущества с допущением при смягчающих обстоятельствах понижения наказания до лишения свободы на срок не ниже 5 лет со строгой изоляцией и конфискацией всего имущества). Если же признаков экономической контр-революции в деянии виновного усмотрено не будет, и его преступная деятельность будет квалифицироваться, как саботаж (сознательное неисполнение возложенных по службе обязанностей, заведомо небрежное их исполнение и т. п.), то виновный подлежит ответственности по ст. 105 (ст. 63 ч. 2), т.-е. за злоупотребление властью, а так как самое его преступление характеризуется, как учиненное по соображениям корыстной или

иной личной заинтересованности, то он подлежит лишению свободы на срок не ниже 1 года со строгой изоляцией (ст. 105 ч. 1).

Другим обстоятельством, квалифицирующим ответственность при бесхозяйственности, является учинение этого преступления в боевой обстановке или в связи с военными действиями, т.-е. в связи с происходящими военными действиями, хотя бы и вне боевой обстановки (ст. 131 ч. 2). Наказание в этом случае — лишение свободы не ниже 3 лет, а при особо отягчающих обстоятельствах — высшая мера наказания.

§ 48. 2) Заключение убыточных для государства договоров. Другим видом злоупотребления доверием является заключение убыточного для государственного учреждения или предприятия договора или сделки лицом, уполномоченным действовать от имени последних (ст. 128а).

Субъектом этого вида злоупотребления доверием, как и в первом случае, является не всякое вообще лицо, а лишь лицо, уполномоченное действовать от имени государственного учреждения или предприятия, причем естественно таким лицом может быть только должностное лицо¹⁾.

Объектом преступления и в данном случае является имущество или право на имущество, которые подлежали особенному попечению виновного.

Со стороны вины рассматриваемое преступление может быть учинено как умышленно, так и неосторожно, так как заключение убыточных договоров или сделок может происходить или благодаря небрежности виновного, когда он недостаточно внимательно учитывает обстоятельства момента и все условия заключаемого договора или сделки, хотя он мог и должен был их учесть, или же умышленно, когда виновный сознает, что он действует убыточно для государства, заключая данную сделку, и желает или допускает это. Угол. Кодекс

¹⁾ Иначе Борхов (назв. соч. стр. 90), который признает субъектом этого преступления и частное лицо, так как виновный рассматривается не как представитель казны вообще, а как представитель именно данного учреждения или предприятия.

принимает во внимание обе эти формы вины и различает с одной стороны тот случай, когда договор или сделка были заключены виновным без принятия необходимых мер, обеспечивающих интересы государства (ст. 128а, ч. 1), и тот, когда виновный заключает сделку или договор, явно невыгодный, т.-е. сознательно убыточный для государственного учреждения или предприятия (ст. 128а, ч. 2). Какие меры должны были быть приняты в первом случае, это вытекает или из прямого указания закона, или из общей обязанности виновного заботиться о порученных ему интересах учреждения или предприятия. Явно же невыгодный договор во втором случае это такой договор, который не оставляет сомнения в своей невыгодности в каждом разумном человеке.

Преступное действие в составе данного преступления характеризуется, как заключение убыточного договора или сделки, причинивших одно из тех последствий, которые существенны для бесхозяйственности (ст. 128), следовательно, или растрочение имущества или трудно возместимый ущерб государственному учреждению или предприятию. Таким образом, для состава преступления существенным является причинение определенного ущерба государственному имуществу, происходящему от заключения давнего договора или сделки.

Оконченным этот вид злоупотребления доверием становится с момента причинения имущественного ущерба; одно заключение убыточного договора, которое в действительности однако по тем или иным обстоятельствам вреда не причинило, образует покушение на преступление.

Наказание за данное преступление определяется не одинаково, в зависимости от того, действовал ли виновный небрежно или умышленно. Если договор или сделка были заключены без принятия необходимых мер, обеспечивающих интересы государства, виновный подлежит лишению свободы или принудительным работам на срок не ниже 6 мес. Если же при заключении явно невыгодного договора или сделки виновный действовал в стачке с контрагентами казны, т.-е. по предварительному соглашению с ними, или намеренно пред-

почел их выгоду выгоде государства, т.-е. с корыстной целью, то наказание полагается по статье 128 ч. 2, т.-е. или по ст. 63, как за экономическую контр-революцию, если у виновного была контр-революционная цель, или же по ст. 105 ч. 1, если этой цели у него не было.

Квалифицированным видом этого преступления является, как и при бесхозяйственности, учинение его в боевой обстановке или в связи с военными действиями (ст. 131 ч. 2). Наказание — лишение свободы не ниже 3 лет, а при особо отягчающих обстоятельствах — высшая мера наказания.

§ 49. 3) Расточение государственного имущества арендатором. Третий вид злоупотребления доверием составляет преступление, характеризуемое, как расточение арендатором предоставленного ему по договору государственного достояния в виде средств производства (ст. 129). Это преступление, как и другие виды злоупотребления доверием, отнесено в угол. кодексе к хозяйственным преступлениям. Его сущность заключается в том, что арендатор злоупотребляет оказанным ему доверием и вместо того, чтобы охранять предоставленное ему по договору аренды имущество и использовать его сообразно назначению, не заботится о нем, вследствие чего оно утрачивается, или же использует его не по тому назначению, по которому надлежало согласно договора аренды.

Субъектом данного преступления является арендатор, т.-е. лицо, заключившее арендный договор с государством в соответствии с действующими узаконениями (собр. уз. 1921 г. № 53 ст. 313) и владеющее в силу этого договора государственным имуществом. Таким арендатором может быть как отдельное частное лицо, заключившее договор с государством, так и кооперативы, товарищества и другие объединения; но, конечно, в последнем случае отвечает за преступление не юридическое лицо в целом, а члены правления юридического лица, от имени которого заключен данный арендный договор.

Объектом расточения служит государственное имущество или, как говорит ст. 129 Угол. Кодекса, государственное достояние, предоставленное по договору арендатору в виде

средств производства. Под последними следует разуметь производственный инвентарь и инструменты, в чем бы они не заключались; поэтому напр. сырье или топливо, предоставленное не для средств производства, а для тех или иных нужд его, не охватываются этим понятием.

Со стороны вины расточение может быть совершено как умышленно, так и неосторожно. Виновный действует умышленно если он знает, что отчуждаемое им имущество предоставлено ему для определенного назначения, и желает отчуждить его или по крайней мере допускает уменьшение его или утрату. Неосторожность же будет в том случае, если виновный не предвидел возможности утраты предоставленного ему имущества, хотя должен был это предвидеть, или же, хотя и предвидел это, но надеялся, что ему удастся предоставленное имущество сохранить.

Преступное действие в составе данного преступления характеризуется, как расточение имущества. Это понятие расточения, как уже указывалось выше, шире понятия растраты, так как оно охватывает не только всякий акт отчуждения имущества, предоставленного арендатору, т.-е. распоряжение им, как собственным, но и всякую утрату такого имущества, недостачу его в натуре. Расточено ли имущество полностью или частично, для состава преступления безразлично ¹⁾.

Оконченным преступление становится или с момента отчуждения имущества не в соответствии с его назначением или с момента его утраты. Покушение по самому характеру преступного деяния невозможно.

Наказание — лишение свободы на срок не ниже 1 года с конфискацией всего или части имущества, причем обязательно расторгается арендный договор.

¹⁾ Иначе Есава (назв. соч. стр. 303), требующий, чтобы недостача могла отразиться на ходе работ самого предприятия. Точно также Немировский (назв. соч. стр. 255) говорит о существенном уменьшении предоставленного государством достояния.

Обстоятельством, квалифицирующим ответственность, является так же, как и в других видах злоупотребления доверием, с таким же повышением наказания учинение преступления в боевой обстановке или в связи с военными действиями (ст. 131 ч. 2).

§ 50. 4). Выдача вещей не по назначению. Четвертый вид злоупотребления доверием, известный Угол. Кодексу, это — ненадлежащее распоряжение заведующего государственным учреждением или предприятием вверенным ему имуществом, выразившееся в выдаче продуктов и предметов широкого потребления не по назначению (ст. 131).

Субъектом этого преступления может быть лишь то должностное лицо, которое является заведующим учреждением или предприятием, причем, хотя Угол. Кодекс в данном случае не говорит, что это учреждение или предприятие должны быть государственными, но это должно само собой разумеется из сопоставления с рядом стоящими ст. 128 — 130 и из сравнения ст. 131 с ее источниками ¹⁾).

Объект преступления — государственное имущество, состоящее из продуктов и предметов широкого потребления, т.-е. всяких продовольственных предметов и предметов, необходимых в повседневном быту (напр. одежда, топливо, мыло и т. п.).

Вина в составе данного преступления должна быть умышленной; хотя Угол. Кодекс этого прямо не говорит, но это вытекает из характеристики самого преступления, как выдачи указанных предметов не по назначению; виновный должен знать то назначение, на которое должны быть направлены данные предметы, а также то, что они в данном случае направляются им не по этому назначению, и желать или допускать это.

Преступное деяние описывается в ст. 131 Угол. Кодекса, как такое распоряжение находящимся в обладании виновного имуществом, которое выражается в выдаче, т.-е. использовании его, не по назначению. Другими словами, преступная дея-

¹⁾ Трайнин, назв. соч., стр. 28.

тельность виновного заключается в предоставлении им данного имущества тем лицам, которые по закону или специальному указанию соответственной власти права на это не имеют, напр., выдача служащим производственной одежды, которая может быть выдана только рабочим и т. п.

Оконченным рассматриваемое преступление должно считаться с момента действительной выдачи продуктов и предметов широкого потребления не по назначению. Одно распоряжение о такой выдаче, напр. подписание соответственного ордера, образует лишь покушение на преступление.

Наказание за данный вид злоупотребления доверием — принудительные работы или лишение свободы на срок до 1 года.

Обстоятельством, квалифицирующим ответственность, является и в данном случае учинение преступления в боевой обстановке или в связи с военными действиями (ст. 131 ч. 2).

§ 51. II. Неисполнение договоров. Неисполнение договора одним из контрагентов по имуществу несомненно может причинить другому контрагенту имущественный ущерб, но обычно это деяние не рассматривается, как преступление, и влечет за собой лишь гражданско-правовые последствия. Так, в частности неплатеж долга не составляет преступного деяния. Однако в известных случаях неисполнение договора превращается в преступление. Это может происходить как ради ограждения интересов частных лиц, так и ради ограждения государственных интересов.

Частный интерес заставляет требовать признания уголовного характера за некоторыми видами неисполнения договора, поскольку в них заключается особенная недобросовестность виновного и поскольку от этого возникает особенно серьезный имущественный вред вследствие большого числа лиц, непосредственно потерпевших от противозаконной деятельности виновного. На этом покоится наказуемость банкротства, как неисполнения должником, впадшим в несостоятельность, своих имущественных обязательств в отношении кредиторов. При этом обычно различается с одной стороны

неосторожное или расточительное, а с другой злостное или корыстное банкротство, в зависимости от того, умышленно ли или злостно отказывается должник исполнить свои обязательства по имуществу, скрывая для этого свое имущество, или же он лишь не в состоянии выполнить своих обязательств вследствие легкомысленного или небрежного ведения своих имущественных дел. Угол. Кодексу понятие банкротства неизвестно.

Другим основанием установления наказуемости неисполнения договоров является причинение вреда государственному имуществу. В том или ином виде это деяние известно всем современным законодательствам. Угол. кодекс в числе хозяйственных преступлений также предусматривает случаи неисполнения или недобросовестного исполнения договора, заключенного с государственным учреждением или предприятием (ст. 130). Это деяние существенно отличается от злоупотребления доверием отсутствием в нем нарушения виновным особой обязанности заботиться о вверенном его попечению чужом имуществе.

Неисполнение договора, заключенного с государственным учреждением или предприятием есть злонамеренный отказ контрагента выполнить обязательство, вытекающее для него из договора, заключенного им с государственным учреждением или предприятием, а также заведомо недобросовестные по отношению к государству действия, допущенные при выполнении договора.

Субъектом неисполнения договора может быть только то лицо, которое состоит в договорных отношениях с государственным учреждением или предприятием, так что самое деяние характеризуется, как неисполнение обязанности, специально лежащей на этом лице.

Объект преступной деятельности—государственное имущество, все равно будет ли это имущество относиться непосредственно к сфере обладания определенного государственного учреждения или предприятия или принадлежать вообще государству.

Вина в составе данного преступления должна быть умысленной, что подчеркивается угол. кодексом, говорящим о заведомо злонамеренном характере неисполнения договора и иных заведомо недобросовестных действиях по отношению к государству. Виновный должен сознавать, что своим отказом выполнить договор он причиняет вред государству и должен желать наступления этого вреда или по крайней мере допускать его. Неосторожное причинение вреда при неисполнении договора не образует преступного деяния, поскольку сам закон указывает на то, что преступные действия, входящие в понятие неисполнения договора, должны быть совершены заведомо ¹⁾).

Преступное действие в данном деянии выражается в неисполнении обязательства по договору, т.-е. в прямом отказе его выполнить, причем из существа заключенного договора вытекает, в чем должна проявляться конкретно преступная деятельность в том или ином случае. Главным образом здесь речь может идти о неисполнении договора поставки или подряда, но это преступление возможно и в отношении других договоров. Наряду с отказом исполнить обязательство по договору угол. кодекс ставит „иные заведомо недобросовестные по отношению к государству действия“; так как ст. 130 имеет ввиду установление ответственности за неисполнение договора, то и эти недобросовестные действия должны быть понимаемы, как действия, имеющие прямое отношение к выполнению договора. В особенности это подтверждается тем, что угол. кодекс указывает в виде примера одно из подобных действий—досрочное возвращение авансов и отказ от дальнейшего выполнения договора с использованием при этом предоставленных государством средств на цели, не относящиеся к исполнению обязательств по договору. Такими действиями следует признать всякие действия, которые направлены не

¹⁾ Иначе Борхов (назв. соч. стр. 96), который допускает неосторожность при недобросовестных действиях, выводя это из противоположения в ст. 130 заведомо злонамеренного характера неисполнения договора иным недобросовестным действиям.

на исполнение договора, а на удовлетворение личных целей виновного в ущерб интересам государства. Важно лишь установить здесь заведомую недобросовестность действий виновного. Во всяком случае однако эти недобросовестные действия не должны переходить в обманные, так иначе будет палицо мошенничество, предусмотренное ст. 188, т.-е. мошенничество, имевшее последствием убыток, причиненный государственному или общественному учреждению. ¹⁾ Но, конечно, если виновный при злонамеренном неисполнении договора учинил обман, благодаря которому он получил известную выгоду и тем причинил ущерб государственному имуществу, он должен отвечать по совокупности и на неисполнении договора и за мошенничество.

Этим неисполнением договора или иными недобросовестными действиями должен быть причинен вред или убыток государственному имуществу ²⁾. Если такого вреда или убытка не произошло, то хотя бы договор и не был исполнен, состава преступления нет.

¹⁾ На иной точке зрения стоит Трайнин (назв. соч. ст. 26) находящий, что под этими заведомо недобросовестными действиями надо разуметь мошеннические действия в договорных отношениях частного лица с государством, хотя он вместе с тем указывает, что эти мошеннические действия шире понятия мошенничества, так как ст. 130 охватывает и такие недобросовестные действия, которые совершены после заключения договора с государственными органами, а не предшествуют заключению сделки, что существенно для обмана мошенничества. Точно также Есава (назв. соч. стр. 304) находит, что под заведомо недобросовестностью следует разуметь действия, носящие мошеннический характер. Равным образом Познышев (назв. соч. стр. 37) находит, что заведомая недобросовестность, о которой говорит закон, указывает на обман, который может касаться качественной, количественной стороны или порядка исполнения условий договора, так что этот обман может быть мошенническим и тогда деяние будет замаскированным в форме исполнения договора мошенничеством.

²⁾ По мнению Чернобровцева („Применение ст. 130 УК“ в Ежен. Сов. Юст. 1924 г. № 16 стр. 370), этот вред должен быть не обыкновенным материальным вредом, являющимся объектом гражданского иска, а вредом организационным, т.-е. таким, который заключается в расстройстве аппарата учреждения или предприятия.

Наконец нужно обратить внимание на то, что в известных случаях злонамеренность неисполнения договора всегда предполагается сама по себе, вследствие чего виновный подлежит ответственности за неисполнение договора по ст. 130 угол. кодекса. Так, на основании ст. 15 декрета СНК РСФСР о мероприятиях по развитию золотого или платинового промысла (собр. уз. 1923 г. № 20 ст. 240) арендатор приисков и рудников, имеющий право производить скупку золота на их территориях и обязанный вести точную ее регистрацию, в случае нарушения этого правила и производства скупки вне пределов арендуемых им приисков и рудников подвергается ответственности по ст. 130 и 139 угол. код.

Оконченным рассматриваемое преступление является с момента неисполнения договора, поскольку был указан срок его исполнения, а при иных недобросовестных действиях учинение тех или иных поступков, указывающих на то, что договор злонамеренно не исполняется. Покушение по самому существу рассматриваемого преступления, как бездействия, юридически немыслимо.

Наказание за неисполнение договора—лишение свободы на срок не ниже 2 лет с конфискацией части имущества.

Кроме простого неисполнения договора угол. кодекс знает два квалифицированных его вида, причем основанием квалификации являются или а) особые условия совершения этого преступления или б) особая обстановка, в которой оно совершается.

а) Квалифицированным видом данного преступного деяния прежде всего является тот, когда имеется на лицо явно злостный характер указанных выше деяний, если при этом они совершены по предварительному соглашению между агентами казны и ее контрагентами (ст. 130 ч. 2). Явно злостный характер означенных действий нужно понимать, в отличие от только заведомо злонамеренного и недобросовестного их совершения, в том смысле, что злостность деяния должно представляться очевидной для каждого разумного человека. Что же касается предварительного соглашения, то

оно предполагает сговор между агентами казны и ее контрагентами, предшествующий самому совершению преступления; всякое другое соглашение, возникшее между ними после этого момента, может давать повод для привлечения виновных к ответственности за взяточничество, но не за злостное неисполнение договора с казною. При этом безразлично, будет ли это соглашение длительным или нет.¹⁾ Наказание в этом случае может быть (следовательно, факультативно, но не обязательно для суда) повышено до высшей меры наказания с конфискацией всего имущества.

б) Другим обстоятельством, превращающим всякий случай злонамеренного неисполнения договора в квалифицированный, является совершение этого преступления в боевой обстановке или в связи с военными действиями (ст. 131 ч. 2).

Наказание за это преступление — лишение свободы на срок не ниже 3 лет, а при особо отягчающих обстоятельствах — высшая мера наказания.

§ 52. III. Наказуемые сделки. Наряду с теми действиями, которые заключают в себе причинение ущерба чужому имуществу, в уголовных законодательствах предусматриваются обыкновенно и такие, которые содержат в себе лишь опасность возникновения подобного вреда, или же вообще предполагаются вредоносными. Это имеет место в случаях т. н. наказуемых сделок.

В виде общего правила заключение любой сделки по имуществу, как бы она ни представлялась злонамеренно убыточной для одного из контрагентов, а потому запрещенной и противозаконной, обычно не наказывается и влечет за собой гражданско-правовые последствия. Но иногда по особым соображениям устанавливается уголовная ответственность за совершение подобной сделки, причем безразлично, наступил ли от ее заключения какой либо имущественный ущерб или нет,

¹⁾ Иного мнения придерживается Трайнин (назв. соч. стр. 21), который из слов ст. 130, требующей, чтобы преступные деяния сопровождались предварительным соглашением, делает вывод о необходимости для состава данного преступления длительности соглашения.

так что наказанием облагается самый факт заключения подобной сделки.

Основание наказуемости некоторых сделок по имуществу коренится в соображениях необходимости ограждения или интересов частных лиц (таковы напр. имущественные сделки с несовершеннолетними), или же интересов публичных, государственных.

Случаев первого рода Угол. Кодекс не знает за исключением некоторых видов наказуемых сделок, предусматриваемых в качестве преступлений иного рода. Такова, напр., покупка заведомо краденого (ст. 181), сделки по имуществу, в основе которых лежит обман и пользование доверчивостью, т.-е. мошенничество (ст. 187) или деяния, к нему примыкающие, в частности сбыт фальсифицированных предметов, предназначенных для сбыта или общественного употребления (ст. 190), сбыт фальсифицированных предметов потребления, вредных для здоровья (ст. 191), сбыт изделий из благородных металлов с заведомо поддельными или несоответствующими содержанию в них благородных металлов клеймами (ст. 190б), сбыт неклеяменных изделий из благородных металлов (ст. 190в) и сбыт заведомо негодного семенного материала (ст. 192); далее, сделки по имуществу, в основе которых лежит принуждение, т.-е. вымогательство (ст. 194) и шантаж (ст. 195); наконец, сделки, заключающие в себе эксплуатацию одного контрагента другим, т.-е. ростовщичество (ст. 193). Все эти деяния характеризуются такими особенностями, вследствие которых они рассматриваются в качестве других имущественных преступлений, а не наказуемых сделок.

Что касается случаев второго рода, то сюда прежде всего следует отнести имущественные сделки, которые заключают между собою служащие и частные лица в связи с выполнением служащими их специальных обязанностей по службе: эти сделки характеризуются, как взяточничество (ст. 114) и дача взятки (ст. 114а): первая из них является особым преступлением по службе, а вторая — участием в нем; в взяточничестве советское право приравнивает участие лично или

через подставных лиц в каком-либо торговом или промышленном предприятии, занятие подрядами и поставками, участие в договоре промышленной аренды, вступление в какой бы то ни было форме с государственными учреждениями и предприятиями в отношении экономического свойства со стороны лиц, состоящих на государственной службе (ст. 3 и 7 ч. 2 Врем. правил о службе в гос. учрежд. и предпр. РСФСР от 21 дек. 1922 г.—собр. уз. 1923 г. № 1 ст. 8.) Далее сюда относятся сделки, которые представляют собою нарушение правил о производстве торговли и которые отнесены Угол. Кодексом к хозяйственным преступлениям. Таковы: 1) нарушение правил о валютных операциях (ст. 138); 2) скупка и сбыт в виде промысла продуктов, материалов и изделий, относительно которых имеется специальное запрещение или ограничение (ст. 139); 3) продажа и скупка продуктов и изделий, обложенных акцизными сборами с нарушением установленных акцизных правил (ст. 139а), причем в отношении наказуемости этого преступления обращается внимание на большую или меньшую значительность причиненного государству вреда; 4) сбыт спиртных напитков и спиртосодержащих веществ без надлежащего разрешения или свыше установленной законом крепости (ст. 140); 5) нарушение правил о торговле теми или иными продуктами или изделиями (ст. 141); 6) злостное повышение цен на товары и злостное понижение цен на производящиеся государственными органами публичных торгах (ст. 137); наконец, 7) нарушение положений, регулирующих проведение в жизнь государственных монополий (ст. 136)¹⁾. Все эти деяния являются посягательством на регулируемое государством производство торговли и должны быть отнесены к группе преступлений против интересов общественных.

¹⁾ Угол. Код. УССР кроме того предусматривает еще: 1) запрещенные сделки с недвижимостью, домостроениями и ценными бумагами (ст. 139^а), и 2) сделки о возмездном отчуждении золота, серебра, платины и металлов платиновой группы в изделиях, слитках и монетах, а равно драгоценных камней и валюты, совершенные в 15-верстной пограничной полосе (ст. 139^в).

Такой же характер посягательства на общественные интересы представляет та сделка, которая характеризуется, как взимание квартирной платы с рабочих и служащих государственных учреждений выше установленного размера (ст. 135).

Наконец, надо иметь в виду, что известные виды наказуемых сделок обрисовываются в Угол. Кодексе и в качестве преступлений иного рода, а не хозяйственных: так, сбыт взрывчатых веществ или снарядов без соответствующего разрешения (ст. 93) есть преступление против порядка управления, как нарушающее общественную безопасность, а сбыт ядовитых и сильно действующих веществ лицами, не имеющими на то права (ст. 215), является преступлением против общественного здоровья.¹⁾

Таким образом большинство отдельных видов наказуемых сделок, известных Угол. Кодексу, должно быть рассматриваемо не как имущественные преступления, а как преступления иного рода. Только некоторые из них являются имущественными преступлениями, подходящими однако под группу приобретения имущества, а не повреждения его, так как в них центр тяжести лежит не в причинении ущерба, а в получении виновным известного имущества, права по имуществу или имущественной выгоды.

ОТДЕЛЕНИЕ II.

Преступное приобретение имущества.

§ 53. Понятие преступного приобретения имущества вообще и его виды. Имущество, как совокупность материальных вещей и известных прав, может быть

¹⁾ В Угол. Кодексе УССР кроме того в качестве одного из видов контрреволюции предусматривается скупка недвижимого имущества, а равно ценных бумаг или иных имуществ, изъятых из собственности иностранных граждан национализацией, а равно продажа иностранцам недвижимых имуществ, ценных бумаг и иных ценностей, национализированных у граждан Советских Республик, с целью увеличить претензии иностранных государств или их граждан к Советским Республикам (ст. 70¹).

предметом не только таких посягательств, которые заключаются в причинении имущественного вреда, но и таких которые выражаются в увеличении сферы имущественного обладания виновного, сопровождающемся уменьшением сферы имущественного обладания потерпевшего, и которые могут быть охарактеризованы, как приобретение имущества. В этих деяниях преступная деятельность может быть направлена как на все имущество в целом, так и на отдельные материальные вещи и на отдельные права по имуществу; оно может выражаться кроме того в приобретении известной выгоды из чужого имущества.

Самое совершение преступных деяний, характеризуемых, как приобретение имущества вообще, представляет ту особенность, что оно выполняется при известной активной деятельности со стороны самого потерпевшего: он уступает виновному свое имущество или право на имущество или известную имущественную выгоду вследствие того воздействия, которое оказывает на него виновный. Этим моментом, не говоря уже об особенности объекта посягательства, данная группа имущественных преступлений отличается от группы приобретения имущества, как материальной вещи, где активности со стороны потерпевшего в составе преступления не требуется и где этот состав исчерпывается тем, что виновный или обращает в собственность имущество, находящееся в его владении, или же захватывает, т.е. отнимает, чужое имущество, действуя против воли его владельца. Напротив в данной группе преступных деяний имущество потерпевшего переходит и виновному как бы по доброй воле потерпевшего, но на самом деле последний вынуждается к этой передаче благодаря тому воздействию, которое на него оказывает в той или иной форме виновный.

Это воздействие может выражаться различно. В одних случаях виновный прибегает к созданию у потерпевшего ложного представления об известном факте, побуждающего его к заключению имущественной сделки, влекущей за собой приобретение имущества виновным. Подобный способ действия

характеризуется, как обман, а самое приобретение имущества таким способом именуется мошенничеством. В других случаях способ действия проявляется в виде принуждения потерпевшего к уступке имущества посредством угрозы причинения ему в противном случае известного зла. Такое приобретение имущества, предполагающее известную активность со стороны потерпевшего, именуется вымогательством, разновидностью которого является шантаж. Наконец, способ действия виновного может проявляться в виде эксплуатации чужой нужды, когда потерпевший, хотя и уступает добровольно свое имущество виновному, но действует так под влиянием испытываемой им нужды, чем и пользуется виновный. Это деяние именуется ростовщичеством.

Таким образом, имущественные преступления, заключающиеся в приобретении имущества не как материальной вещи, а имущества вообще, сводятся к 1) мошенничеству, 2) вымогательству и 3) ростовщичеству.

РАЗДЕЛ I.

МОШЕННИЧЕСТВО.

§ 54. Понятие мошенничества. Мошенничество есть приобретение имущества посредством обмана (ст. 187).

Оно выражается в совершении посредством обмана сделки по имуществу, создающей имущественный убыток на одной стороне и соответствующую ему имущественную выгоду на другой.

Мошенничество в качестве общего понятия для обозначения всякого рода приобретения имущества посредством обмана, есть продукт довольно медленной эволюции. Раньше, чем выработалось общее понятие мошенничества, в законодательстве обычно указывались лишь некоторые виды называемого имущественного обмана, причем первоначально запрещались обманы, главным образом, в области производства торговли, такова напр. фальсификация товаров, употребление неверных мер и весов и т. п. Современное уголовное законодательство не везде еще достигло объединения отдельных видов мошенничества в одном понятии; так напр. французск. право до сих пор не знает еще обобщенного понятия мошенничества, предусматривая лишь некоторые отдельные его виды и казулистически описывая способ его совершения. Иную позицию в данном вопросе заняли более новые законодательства (герм., итал., норвеж.), создавшие объединенное понятие мошенничества.

Отводя мошенничеству особое место среди имущественных преступлений и посвящая ему ряд статей, предусматривающих его простой вид (ст. 187), тяжкий вид (ст. 188) и особые виды (ст. 190, 190б и 192), Угол. Кодекс помещает, однако, среди статей, посвященных мошенничеству, также и статьи, говорящие о преступлениях, сходных с мошенничеством, но не сливающиеся с ним. Эти преступления должны быть рассматриваемы отдельно от мошенничества, хотя они точно также характеризуются обманом, как способом действия, и поэтому могут быть смешиваемы с мошенничеством. К указанным преступным деяниям относятся: 1) подлог документов (ст. 189), 2) изготовление поддельного пробирного клейма и некоторые злоупотребления в пользовании настоящим пробирным клеймом (ст. 190а) и 3) хранение в торговом заведении неклеменных изделий из благородных металлов и сбыт их (ст. 190в). Эти преступления представляются деяниями, направленными против общественного интереса—неприкосновенности удостоверительных средств и знаков, а не имущества. Наконец, 4) фальсификация и сбыт предметов потребления (ст. 191) имеют в Угол. Кодексе характер преступлений, направляющихся против общественного здоровья, так как эти деяния требуют для своего состава, чтобы фальсификация имела или могла иметь последствием причинение вреда здоровью.

§ 55. Общий состав мошенничества. Предметом мошенничества является имущество, понимаемое в смысле имущества вообще и обнимающее собою наряду с материальными вещами и отдельные права по имуществу. Мошенничеством будет, как обманное приобретение чужой вещи в свою собственность, так и обманное получение каких нибудь прав по имуществу, напр., права застройки; оно охватывает и получение каких нибудь выгод, извлекаемых из чужого имущества, напр. освобождение себя посредством обмана от выполнения обязательств по имуществу и наложение на другого невыгодных обязательств; имущественные выгоды, получаемые посредством обмана, могут выражаться далее в пользовании

известными услугами другого лица, за представление которых полагается обычно денежное вознаграждение. Нужно однако иметь в виду, что Угол. Кодекс (ст. 187) говорит только об обманном получении имущества или права на имущество, умалчивая о получении таким путем каких либо имущественных выгод, но, подобно тому, как это принято им в отношении вымогательства (ст. 194), понятие мошенничества нужно расширить и на эти случаи; иначе пришлось бы признать, что получение имущественной выгоды посредством угрозы, т.е. вымогательство, является преступлением, а совершение того же деяния посредством обмана ненаказуемо.

Как и в других случаях, Угол. Кодекс, говоря об имуществе, как объекте посягательства при мошенничестве, не указывает, чтобы это имущество было для виновного чужим. Поэтому, с точки зрения Угол. Кодекса, мошенничество будет и в том случае, если преступная деятельность виновного направляется против его собственного имущества, коль скоро данным посягательством нарушаются какие нибудь права третьих лиц, ограничивающие права собственника этого имущества. Поэтому можно видеть мошенничество в случае получения виновным посредством обмана собственного заложенного имущества. Но если у лица, действующего посредством обмана, есть право на данное имущество, не ограниченное правами третьих лиц, то этим исключается возможность говорить о мошенничестве; так не будет мошенничества, если кредитор обманом побуждает должника к уплате долга.

Со стороны вины мошенничество должно быть умышленным. Виновный должен 1) сознавать, что он не имеет права на то имущество, которое он получает, и что он получает его, вводя в заблуждение потерпевшего, который вследствие этого делает известное распоряжение по имуществу, и должен 2) желать приобретения этого имущества. Неосторожность, само собой разумеется, исключается при обманном способе действия, так как он всегда предполагает заведомое

введение другого в заблуждение. Но Угол. Кодекс не довольствуется требованием одного только умысла в составе мошенничества; он сверх того выдвигает еще требование наличности определенной цели деятельности виновного — именно цели корыстной; эта цель должна быть отличаема от той цели присвоения чужого имущества, которая всегда должна предполагаться в любом имущественном преступлении, выражающемся в приобретении имущества. Корыстная цель есть цель личной наживы; поэтому, если ктонибудь приобретает чужое имущество посредством обмана не с корыстной целью, а с иной, он не совершает мошенничества (напр. если ктонибудь посредством обмана выманивает у другого ценную редкую вещь, чтобы непосредственно пополнить ею коллекцию какогонибудь музея). Равным образом, ввиду требования корыстной цели в составе мошенничества, последнее с точки зрения Угол. Кодекса исключается в том случае, если приобретающий посредством обмана чужое имущество дает одновременно полный эквивалент за него тому, у кого это имущество приобретается.

§ 56. Обман, как способ действия в мошенничестве. Преступное действие в составе мошенничества выражается в приобретении имущества посредством обмана. Специфическим признаком мошенничества, отличающим его от других родственных имущественных преступлений, является обман, т.-е. введение другого в заблуждение. Угол. Кодекс находит нужным дать определение понятия обмана, указывая в прим. к ст. 187, что „обманом считается, как сообщение ложных сведений, так и заведомое сокрытие обстоятельств, сообщение которых было обязательно“.

Обман, хотя и представляется явлением безнравственным, а потому вообще недопустимым в человеческих отношениях, сам по себе еще не образует преступного деяния. Права на истину не существует, как не существует и общей юридической обязанности говорить правду — это обязанность чисто моральная. Только тогда, когда ложь или введение в заблуждение причиняет тот или иной вред, т.-е. когда в обману

привходит дополнительный элемент в виде посягательства на какие нибудь правовые интересы, обман становится запрещенным; в этом случае в уголовном законодательстве создается понятие преступного деяния, учиняемого посредством введения кого нибудь в заблуждение и рассматриваемого в качестве особого преступления. Таковы в Угол. Кодексе случаи введения в заблуждение органов государственной власти, нарушающее их правильное функционирование, напр. скрытие обстоятельств, препятствующих вступлению в брак, и дача ложных показаний органам, ведущим регистрацию актов гражданского состояния (ст. 96), ложный донос (ст. 177), ложное показание, данное свидетелем, экспертом или переводчиком (ст. 178), ложное сообщение государственному учреждению или должностному лицу о деятельности государственных учреждений или должностных лиц или ложный ответ на официальный запрос их (ст. 90), сообщение заведомо ложных сведений в заявлениях, подаваемых должностному лицу или государственному учреждению в установленных законом анкетах (ст. 226б); далее в Угол. Кодексе называется обман, поскольку он выражается в таких действиях, которые совершаются с целью возбуждения суеверия в массах населения, а также с целью извлечь таким путем какие нибудь выгоды (ст. 120); кроме того, сюда же относится обман, нанесший себе внешнее выражение в известных предметах — денежных знаках (ст. 85 ч. 1 и 2) и документах (ст. 116, 85а и 189); наконец, особое значение имеет обман в мошенничестве (ст. 187).

Обман, как способ действия в составе мошенничества, можно определить, как заведомое извращение фактов с целью вызвать в другом лице не соответствующее действительности представление о них. Тот, кто извращает известные факты перед другим лицом и вызывает в нем ложное представление о них, тот совершает обман, и поскольку вызванное таким извращением фактов состояние заблуждения побуждает человека к тем или иным действиям, постольку этот эффект обмана получает правовое значение. При этом, естественно,

обманываемый не должен сознавать совершаемого над ним обмана и должен действовать в предположении об отсутствии такового.

Обман по своей сущности есть прежде всего извращение фактов, т.-е. явлений настоящего или прошлого, реально существующих или существовавших и могущих быть предметом человеческого познания. Эти факты могут относиться к миру материальному, физическому или моральному, в частности к области правовых явлений (напр. ложное заявление о том, что издан декрет, содержащий новое постановление, выгодное для имущественных интересов потерпевшего). Так как факты обнимают лишь то, что доступно нашему знанию, то под ними нельзя разуметь явлений будущего, т.-е. того, что только еще возможно в будущем и что относится к области гадательного. Ложное утверждение о наступлении фактов в будущем только тогда получает значение обмана, когда оно представляет собой не что иное, как ложное утверждение о наличии условий их возникновения в настоящем.

Обман выражается в извращении фактов, т.-е. в том, что обманывающий выдает вымышленные факты за действительно существующие, в том, что он утверждает их наличие; при этом безразлично, утверждает ли он наличие таких явлений, которые не имели места в действительности, или утверждает их отсутствие, т.-е. отрицает существование фактов, реально существующих или существовавших.

Так как для обмана существенна наличие утверждения фактов, то высказывание одних предположений или суждений не образует обмана. Таково напр. расхваливание товаров, указание на их добротность, обычно практикуемые в торговом быту. Но, если такое суждение сопровождалось приписыванием данному предмету заведомо не присущих ему свойств, то обман будет налицо (напр. если торговец заведомо ложно утверждает, что данная материя нелиняющая и продает ее за таковую). Точно также суждение о свойстве предмета переходит в ложное утверждение, если в подтверждение его приводятся ложные факты (напр. торговец при продаже лину-

чей материи под видом нелиночужей расхваливает ее и говорит, что она испытана магазином, чего на самом деле не было). С этой точки зрения нужно рассматривать и рекламы. Продажа средств против выпадения волос с рекламой „нет более лысых“ не есть еще обман; такая реклама выражает простое расхваливание продаваемого товара. Но если эта реклама сопровождалась приведением ложных отзывов о рекламируемом средстве, исходящих от разных авторитетных лиц, то в ней уже заключается утверждение ложных фактов, и она превращается в обман, могущий ввести в заблуждение многих людей. С другой стороны могут быть случаи, когда суждение о свойствах определенных предметов равносильно утверждению известных фактов, именно, если оно исходит от лица, которое в силу своего положения, в частности служебного, обязано высказывать свое суждение, заключающее в себе оценку свойств данных предметов.

Не будут, далее, составлять обмана лживые обещания или уверения, так как они не заключают в себе утверждения фактов, а касаются лишь возможного в будущем. Так, если одно лицо обещает другому вступающему с ним в сделку, уплатить такого то числа деньги, которые он будто бы должен получить, то это не составляет обмана; точно также не будет обманом при вовлечении в невыгодную сделку обещание в будущем выгод, не оправдавшихся на деле, так как здесь речь идет о таких обстоятельствах, относительно которых ни сам обещающий, ни получающий обещание не могут знать, что они наверное наступят.

Наконец, не образуют обмана ложные уверения в своих чувствах или своем благорасположении к другому с целью побудить вступить его в ту или иную сделку по имуществу, так как здесь точно также нет утверждения фактов.

По своему содержанию обман может касаться различных элементов совершающейся сделки; он может касаться как лица (напр. тождества его), так и предмета (напр. самого его существования, качества, количества, принадлежности известному лицу и т. п.).

Извращение фактов, т.-е. утверждение того, что реально не существует, образует обман только тогда, когда оно делается виновным сознательно. Обман должен быть заведомым извращением фактов: если лицо, утверждающее наличие какого либо факта, само этому верит, то здесь нет обмана, как нет обмана и в том случае, если данное лицо действует в состоянии добросовестного заблуждения, принимая за истину то, что ей не соответствует.

Искажение истины образует обман только в том случае, если оно совершено с целью вызвать в потерпевшем не соответствующее действительности представление о фактах, т.-е. заставить его поверить тому, что ему сообщают. Поэтому, если ложь представляется безразличной, напр. ложь, произносимая в шутку, она не образует обмана.

Утверждение заведомо ложных фактов обычно заключается в вызывании ошибочного представления у другого лица. Но оно может выражаться и в использовании чужой ошибки посредством подкрепления ее теми или иными вымышленными фактами. Простое же пользование чужой ошибкой или пассивное к ней отношение не образует еще обмана по началу: *vigilantibus jura scripta sunt*, т.-е. каждый должен сам следить за ограждением своих интересов.

К утверждению заведомо ложных фактов должно быть приравнено и умолчание или сокрытие истины. Но не всякое сокрытие истины уже образует обман. Оно только тогда может иметь значение, равносильное заведомому извращению фактов, когда на скрывающем истину лежала обязанность сообщить своему контрагенту то, что он от него скрыл. Эта обязанность может вытекать или из особенностей заключенного между сторонами договора, или из прямого указания закона; так напр. страховой обман, т.-е. введение страхового учреждения в заблуждение с целью получения по предъявленному требованию страховой суммы за застрахованное имущество будет не только тогда, когда заведомо для виновного вовсе не имело места повреждение имущества, но и тогда когда виновный скрыл, что имущество повреждено от при-

чины, лишившей его права на получение страховой суммы. С другой стороны молчание получает это значение и в том случае, когда одно лицо принимает молчание другого, вступающего с ним в сделку, заведомо для последнего за утверждение или отрицание какогонибудь факта. Но простое умолчание о тех или иных фактах вне указанного требования (напр. о недостатках покупаемой вещи при ее продаже) не образует еще обмана. Угол. код. воспринимает эту точку зрения (ст. 187 прим.) и считает обманом не только сообщение ложных сведений, но и заведомое сокрытие обстоятельств, сообщение о которых было обязательно.

Извращение фактов в составе обмана предполагает, что его эффектом будет ошибочное представление относительно существования тех или иных фактов. Этим исчерпывается понятие обмана в составе мошенничества. Поэтому мошенничеством будет и выманивание денег нищим, симулирующим свое калечество, лицом, собирающим добровольные взносы на несуществующее благотворительное общество и т. п.

Однако в литературе и в судебной практике, а отчасти и в законодательство замечается тенденция сузить понятие обмана, как способа действия в составе мошенничества, причем выдвигается учение, что не всякий обман, а только существенный обман образует собой элемент понятия мошенничества.

Вопрос о том, как устанавливать наличие существенного обмана, разрешается различно. Одна точка зрения выдвигала чисто формальный критерий, указывая на то, что сам закон должен указывать исчерпывающим образом случаи наказуемого обмана. Это т. н. теория легального перечня, теории, принятой во французском праве, где мошенничеством считается приобретение имущества именно тем обманным способом, который указан в законе. Эта теория с развитием экономического оборота оказывается слишком узкой, так как она не охватывает всех тех случаев, где представляется целесообразным устанавливать уголовную ответственность за противоправное приобретение имущества посредством обмана. Другой взгляд развивает т. п. теория нормального благоразумия, в основе которой лежит представление о том, что в общежитии существует известный предел дозволенной лжи и что обыкновенная житейская предусмотрительность дает вообще возможность каждому оберегаться от обманов; поэтому наказуемым обманом является только тот, от которого трудно уберечься среднему человеку; критерий, выдвигаемый этой теорией, совершенно неясен ввиду полной неопределенности самого понятия дозволенной лживости в общежитии. Третий взгляд, т. н. теория индивидуального благоразумия, в качестве критерия разграничения наказуемого и не наказуемого обмана выдвигает личные особенности потерпевшего и считает наказуемым только

такой обман, от которого потерпевший не мог уберечься при обычной для него именно осмотрительности; и этот взгляд выдвигает критерий в высшей степени неопределенный, так как установление обычной степени личного благоразумия потерпевшего очень затруднительно. Четвертый взгляд, выставленный в нашей литературе (Фойницкий, Познышев, Белогриц-Котлиревский), призывает, что только тот обман является преступным, который вызывает в потерпевшем ошибочное представление об обязанности или выгоды для него определенного распоряжения имуществом; этот взгляд обуславливался, как верно указывает Кругляевский, главным образом особенностями нашего прежнего права, выделявшего из понятия мошенничества прошение милостыни, сопровождавшееся обманом; в настоящее время с изменением конструкции мошенничества в Угол. Кодексе он утратил свое значение.¹⁾

§ 57. Способ совершения обмана. Обман, как извращение фактов, т.-е. утверждение заведомо ложных фактов, может совершаться различным путем и по своему внешнему выражению или по форме он может быть совершен или словом или действием.

Словесный обман совершается посредством слова, все равно устного или письменного, в том числе и посредством печати.

Обман действием выражается или в конклюдентных действиях или в иных поступках человека.

Конклюдентные действия это такие действия человека, на основании которых можно делать заключение о том или ином утверждении им известных фактов; они таким образом заменяют слово или подкрепляют его; конклюдентным действием может быть и молчание, поскольку для молчавшего существовала обязанность сообщить известные факты. Конклюдентные действия могут выражаться в разных поступках человека; напр. заказ в ресторане обеда посетителем, занявшим место за столом, есть действие, долженствующее свидетельствовать о его платежеспособности: раз он занимает место за столом, он действует так, как поступает всякий человек, имеющий ввиду заплатить за то, что им будет потреблено;

¹⁾ Взгляд этот является общепринятым и в нашей современной литературе: ср. Гродзинский (назв. соч. стр. 390), Немировский (назв. соч. стр. 284) и Зияев (назв. соч. стр. 50); см. также объясн. зап. к проекту Угол. Кодекса, составленному Ком. общеконс. отд. Н.К.Ю. (Материалы Н. К. Ю. т. X. стр. 54).

поэтому если, съев обед, заказавший его не пожелает уплатить по счету, он должен отвечать за мошенничество, так как своим поведением он ввел в заблуждение служащего ресторана относительно своей платежеспособности. Точно также надевание форменного платья должностного лица (напр., милиционера) для того, чтобы возбудить ложное представление в другом лице о праве производства тех или иных действий, в частности обыска, есть обман, совершенный при помощи конклюдентных действий.

Обман действием кроме того может выражаться в изменении внешнего вида, формы и свойств различных предметов, являющихся объектом известной сделки, для выдачи их ложно за другие предметы—т. н. фальсификация предмета, напр. перекрапивание кошачьего меха в желтый цвет для того, чтобы выдать его за лисий, наливание вина плохого сорта в бутылки, имеющие этикетки высшего сорта и т. п. Подобный обман действием может проявляться кроме того и в такой деятельности, которая сама по себе образует состав другого преступления, напр., пользование подложным удостоверением для получения известной суммы денег, причитающейся другому лицу, или именованное себя должностным лицом для взыскания лежащей на комнибудь недоимки по уплате налога. В этом случае возможна совокупность мошенничества с другим преступлением или поглощение его последним. Так, в случае пользования подложными документами ответственность может быть установлена по совокупности и за подлог документа по ст. 189 и за мошенничество по ст. 187 или 188, совершение же мошенничества лицом, самовольно присвоившим себе для этого власть должностного лица, должно быть подводимо под ст. 91, говорящую о самовольном присвоении себе власти должностного лица и учинении на этом основании тех или иных действий.

В области каких сделок, дозволенных или недозволенных законом, происходит обман, для понятия его безразлично. Важно лишь, чтобы на лицо было искажение фактов с целью введения другого в заблуждение. Поэтому можно говорить

о мошенничестве и тогда, когда обман имеет место при совершении сделки, которая запрещена законом или даже преступна. Так, мошенничеством надо признать шуллерство или передергивание карт при карточной игре, даже в том случае, если существует запрет азартных игр. Точно также приходится признать наличие мошенничества и в случае продажи каких-нибудь предметов под видом запрещенных, напр. простой бумаги под видом поддельных денежных знаков. Здесь имеется приобретение имущества посредством обмана в такой же мере, как и там, где налицо вполне дозволенная сделка ¹⁾.

Объединяя отдельные случаи имущественного обмана в общее понятие мошенничества, законодательство может однако по тем или иным соображениям выделять отсюда некоторые из них и устанавливать за них особые наказания. Так напр. проступок безбилетного пассажира, поместившегося в вагоне среди пассажиров или спрятавшегося под скамейку, может быть квалифицирован, как мошенничество, поскольку налицо незаконное пользование проездом по железной дороге, т.-е. получение известной имущественной выгоды путем введения в заблуждение кондуктора; однако по нашему законодательству совершение подобного проступка не подлежит наказанию как мошенничество, и виновный в нем обязан лишь уплатить двойную стоимость проезда за 100 верст и взять билет на данный поезд (ст. 19 уст. жел. дорог — собр. уз. 1922 г. № 38 ст. 19).

Особенностью постановлений Угол. Кодекса о мошенничестве является то, что он наряду с обманом предусматривает

¹⁾ Иной взгляд высказан в басс. определении Моск. губсуда 1923 г. по д. № 1784, признававшем, что „советское законодательство и не думает защищать право игрока, получившего паразитическим способом некоторое имущество“. В некоторых законодательствах случаи этого рода выделяются в особые преступления, поставленные отдельно от простого мошенничества и представляющие как бы его особый вид. С точки зрения Угол. Кодекса это деяние вполне подходит под общее понятие мошенничества.

в качестве особого способа действия злоупотребление доверием. Это злоупотребление доверием должно характеризоваться, подобно обману, тем, что потерпевший не сознает противозаконности действия виновного, нарушающего его волю или способность самостоятельно распоряжаться своими действиями. Оно выражается в том, что виновный пользуется тем доверием, которое питает к нему потерпевший, во вред ему. В основе этого доверия могут лежать, как особые юридические отношения между виновным и потерпевшим, так и чисто фактические. В последнем случае виновный должен возбудить особыми приемами доверие к себе со стороны потерпевшего и использовать это доверие, как средство приобретения имущества ¹⁾). Эти особые приемы заключаются в такой деятельности, которая очень близко подходит к обману, как таковому, являясь до известной степени его разновидностью, но не сливаясь окончательно с ним. Она охватывает собою и ложные уверения, т.-е. заявления, имеющие в виду чтонибудь долженствующее произойти в будущем, и разные уловки, направленные к возбуждению в сознании потерпевшего ошибочного представления о свойстве и значении совершаемой сделки. Сюда следует относить между прочим и случаи пользования слабостью, неопытностью, неведением другого лица — пользование его доверчивостью. Таковы напр. случаи склонения несовершеннолетнего к невыгодной для него сделке, получение от слепого или малограмотного подписи на документе иного содержания, чем было с ним условлено, использование чужого бланка вопреки его прямому назначению, т.-е. самовольное вписывание текста документа на

¹⁾ Зинев (наз. соч. стр. 49) отнесит к злоупотреблению доверием случаи, когда потерпевший по своим особым отношениям к преступнику не видел необходимости соблюдать те меры предосторожности, которые обычны в житейском обиходе, а также те случаи, когда преступник использует беспомощное физическое или психическое состояние потерпевшего; Немировский (наз. соч. стр. 286) же понимает злоупотребление доверием, как заведомо неправильное осуществление виновным своих полномочий в отношении определенного имущества, а также случаи обманного использования доверия при договорах.

бумаге, подписанной другим лицом, вопреки воле последнего и т. п. ¹⁾).

Обман, будучи способом совершения мошенничества, т.-е. обманного приобретения имущества, должен находиться в причинной связи с последним; другими словами, приобретение имущества должно происходить вследствие введения в заблуждение потерпевшего. Обман поэтому должен предшествовать переходу имущества к виновному или получению им права на имущество либо вообще имущественной выгоды. Конечно, обман может быть употреблен при совершении и иного имущественного преступления, например, для облегчения захвата чужого имущества при похищении (напр. введение в заблуждение относительно цели проникновения в чужое жилище при совершении кражи), или для того, чтобы обратить в собственность полученное ранее во владение имущество (напр. ложное заявление присваивающего вверенное ему имущество о его потере). Но в этих случаях обман не обуславливает обогащения виновного на счет другого лица и является лишь приходящим и случайным моментом в данном преступлении.

§ 58. Преступное действие в составе мошенничества. Преступное действие в составе мошенничества выражается в побуждении виновным потерпевшего посредством обмана к предоставлению ему имущества и в последовавшем затем приобретении им этого имущества посредством предоставления его самим потерпевшим. Последним признаком мошенничества отличается от тех преступлений, которые понимаются как похищение, т.-е. захват имущества. В мошенничестве имеется добровольное предоставление имущества потерпевшим виновному, хотя и происшедшее вследствие введения его в заблуждение виновным.

В зависимости от ближайшего объекта посягательства, преступное действие в составе мошенничества выражается

¹⁾ Подобные деяния многими законодательствами (напр. герм., франц.) выделены в составы особых преступлений, не включенных в общее понятие мошенничества.

в побуждении виновным потерпевшего или к передаче имущества в смысле материальной вещи, или же к уступке права по имуществу или к отказу от такого права или к принятию на себя обязательства, причем это побуждение должно сопровождаться приобретением им таким путем имущества. При этом в тех случаях, где речь идет о получении имущества, как материальной вещи, преступная деятельность в мошенничестве может выражаться в таких действиях, как обсчетывание при расчете платежа, продажа вещи, уже проданной, сбыт случайно полученного поддельного денежного знака под видом настоящего и т. п.

Оконченным мошенничество должно считаться с момента получения виновным имущества посредством обмана, причем естественно, что с этим моментом совпадает момент причинения имущественного ущерба потерпевшему, так как в мошенничестве всегда имеется приобретение виновным имущества, сопровождающееся соответственным причинением ущерба потерпевшему. Нужно иметь в виду, что отдельные законодательства выдвигают на первый план то первый, то последний момент и в соответствии с этим характеризуют мошенничество или как причинение имущественного ущерба или как приобретение имущества¹⁾. Угол. Кодекс в своих постановлениях о мошенничестве совмещает обе точки зрения; предусматривая простое мошенничество, он говорит о получении имущества или права на имущество (ст. 187), а упоминая наряду с этим тяжкое мошенничество, указывает на убыток, причиненный государственному или общественному учреждению (ст. 188).

Деятельность, направленная на приобретение чужого имущества посредством обмана, но не достигшая этого результата, образует покушение на мошенничество. Так, одно побуждение посредством обмана к передаче права на имущество, не сопровождавшееся самой передачей, будет покушением совершить мошенничество.

¹⁾ Первой точки зрения придерживается германское, второй — французское право.

Что касается более ранней стадии предварительной преступной деятельности, приготовления, то оно при мошенничестве весьма часто может быть наказуемо в качестве самостоятельного преступления. Таково напр. приготовление к мошенничеству, выразившееся в подлоге документа: в подобном случае виновный будет отвечать за подлог (ст. 189). Точно также в известных случаях наказанию подлежит приготовление к мошенничеству, выразившееся в изменении внешнего вида или свойств известных предметов, фальсификация их, насколько на этот счет имеются специальные указания в законе. Таковы по Угол. Кодексу случаи фальсификации предметов, предназначенных для сбыта или общественного употребления, если она совершается с корыстной целью (ст. 190), или предметов потребления (ст. 191); но фальсификация всякого иного предмета, не предназначенного для сбыта, сама по себе ненаказуема. Эта фальсификация предметов представляется по Угол. Кодексу самостоятельным преступлением, караемым независимо оттого, состоялся ли их сбыт, а в случае их сбыта, независимо оттого, кто их сбывал. Такое же приготовительное действие к мошенничеству, рассматриваемое однако в качестве самостоятельного преступления, представляет поджог застрахованного имущества, являющийся частным случаем общеопасного повреждения имущества (ст. 197).

Как особый вид приготовления к мошенничеству, можно квалифицировать деяние, помещенное среди преступлений, именуемых нарушением правил об отделении церкви от государства, — совершение обманных действий с целью возбуждения суеверия в массах населения, а также с целью извлечения таким путем каких либо выгод (ст. 120), наказуемое лишением свободы или принудительными работами на срок до 1 года. Поскольку извлекаемые путем указанных действий выгоды могут быть имущественными, постольку данное деяние всецело подходит под понятие приготовления к мошенничеству; таков напр. случай инсценировки какого нибудь чуда с корыстной целью.

§ 59. Виды мошенничества: 1) простое и 2) тяжкое. С точки зрения Угол. Кодекса можно различать мошенничество 1) простое (ст. 187), 2) тяжкое (ст. 188) и 3) особые виды его (ст. 190, 190б и 192).

1) Мошенничество, заключающееся в обманном получении имущества частного лица, составляет простое мошенничество (ст. 187).

Наказание за простое мошенничество — принудительные работы или лишение свободы на срок не ниже 6 мес. т.-е. значительно более высокое, чем за кражу или присвоение чужого имущества, которые влекут за собой (ст. 180 и 185) принудительные работы или лишение свободы на срок до 6 мес.¹⁾

2) Тяжким видом мошенничества является мошенничество, квалифицированное по объекту посягательства, именно совершенное в отношении имущества, принадлежащего государственному или общественному учреждению (ст. 188). Угол. Кодекс ничего не говорит при этом об имуществе, принадлежащем государственному или общественному предприятию, но так как в нем обычно предприятия ставятся наряду с учреждениями, то ясно, что получение посредством обмана имущества, принадлежащего государственному предприятию, должно наказываться по ст. 188, а не по ст. 187. Кто совершает это преступление, служащий ли в данном учреждении или предприятии или постороннее лицо, для состава тяжкого мошенничества, безразлично.

Ст. 188 охватывает все возможные случаи мошенничества, направленные против имущества, принадлежащего государству, за исключением случаев, могущих быть подведенными под ст. 180а, предусматривающую т. н. хищение имущества²⁾.

¹⁾ Этой разницы наказаний в Угол. Кодексе первоначально не было, она установлена лишь в его редакции, принятой 2 сессией ВЦИК'а X созыва.

²⁾ Иную точку зрения высказывают, как указано было выше (стр. 142), Трайнин, Познышев и Есава, относящие некоторые виды мошенничества к „видам недобросовестным действиям“, предусмотрен-

Для тяжкого мошенничества так же, как и для всякого вообще вида мошенничества, существенным моментом является получение виновным имущества или права по имуществу или имущественной выгоды, чем причиняется соответственный ущерб государственному имуществу. Поэтому там, где нет приобретения имущества, не может быть речи о мошенничестве, хотя бы путем известных обманных действий виновный и причинил ущерб государству. Поэтому от мошенничества нужно отличать злостное уклонение от уплаты налогов хотя бы путем известных обманных приемов—т. н. дефraudацию. Только в силу прямого указания закона подобные случаи могут быть приравнены по наказуемости мошенничеству, но сами по себе они мошенничества не образуют. Таковую точку зрения проводит Инструкция ВЦИК и СНК от 11 июля 1923 г. о порядке привлечения к ответственности за нарушение декрета об едином сельско-хозяйственном налоге, устанавливавшая ответственность плательщика налога и его укрывателя за мошенничество по ст. 188 угол. код. в случае, если плательщик налога скрыл от описи свое имущество у других лиц или не сообщил о денежных суммах, причитающихся ему от третьих лиц (§ 25). Это постановление, как представляющее собой исключение из общего правила о взаимоотношении мошенничества и уклонения от уплаты налогов, не может быть толкуемо распространительно и не может быть применяемо к случаям злостного уклонения от платежа других налогов.

ным в ст. 130 угол. код., именно мошеннические действия в договорных отношениях частного лица с государством; но ст. 130 имеет ввиду определенное преступление—неисполнение обязательства, которое не должно быть смешиваемо с мошенничеством. Неправильна с другой стороны и точка зрения Эстрина (назв. соч. стр. 75), допускающего возможность привлечения к ответственности по совокупности по стт. 130 и 188 того частного лица, которое добивается расторжения договора тем, что посредством обмана создает в руководящем учреждении убеждение о невыполнимости для него обязательства в силу непреодолимых объективных условий. Здесь будет наличность только недобросовестных действий, допущенных при неисполнении договора, а не приобретение имущества посредством обмана.

Взгляд угол. кодекса на то, что в случаях злого умысла отклонения от платежа налогов нет состава мошенничества, как имущественного преступления, с особенной отчетливостью вытекает из того, что такое деяние, как сокрытие наследственного имущества в целом или части, а равно искусственное уменьшение стоимости наследства в целях обхода законов о праве наследования и наследственных пошлинах (ст. 79а), в составе которого в отдельных случаях может несомненно заключаться обман, отнесено к группе преступлений, характеризующихся, как преступления против порядка управления; это деяние наказывается, как повторный и упорный неплательщик налогов (ст. 79).

Наказание за тяжкое мошенничество — лишение свободы на срок не ниже 1 года.

§ 60. 3). Особые виды мошенничества. Особые виды мошенничества характеризуются в угол. кодексе особенностью как предмета посягательства, так и способа совершения преступления. Это — сфера торговых обманов; мошенничество в этом случае понимается, как сбыт определенных предметов; оно представляет некоторые особенности по сравнению с другими случаями мошенничества и формально таковым в угол. кодексе не именуется. Сюда относятся следующие деяния.

1) Сбыт фальсифицированных предметов, предназначенных для сбыта или общественного употребления (ст. 190). Фальсифицированные предметы, это — предметы, обманно измененные в своем виде или своих свойствах, т.-е. предметы, которым придан внешний вид и свойства предметов более ценных, а иногда и равноценных. Эти предметы должны быть предназначены для сбыта, т.-е. для возмездного отчуждения (продажа, обмен) или для общественного употребления. Сюда подойдут всевозможные товары, обращающиеся на рынке, в частности и предметы потребления лишь бы фальсификация их не представлялась опасной для общественного здоровья, иначе в таком случае будет преступление, специально предусмотренное ст. 191.

Со стороны вины преступная деятельность, выражающаяся в сбыте фальсифицированных предметов, может быть только

умышленной, так как хотя ст. 190 в противоположность ст. 192 не требует заведомости, но самая фальсификация должна всегда происходить с корыстной целью. Умысел будет налицо, если виновный знал, что данные предметы обманно изменены в своем внешнем виде или в свойствах, и желал сбыть их под видом настоящих. Если же сбывающий фальсифицированный предмет не знал, что сбываемый им предмет фальсифицирован, хотя он мог и должен был это знать, то он действует неосторожно и наказанию не подлежит.

Преступное действие должно выражаться в сбыте, т.-е. в продаже или обмене фальсифицированных предметов, причем этот сбыт может производиться и теми лицами, которые сами не занимались фальсификацией данных предметов.

Преступление становится оконченным с момента сбыта данного предмета, т.-е. приобретения его третьими лицами. Попытка продать или обменять такой предмет образует покушение на сбыт. Приготовление к сбыту, т.-е. фальсификация с корыстной целью предметов сбыта рассматривается, как самостоятельное преступление, наказуемое однако одинаково с самым сбытом.

Наказание за сбыт фальсифицированных предметов — лишение свободы или принудительные работы на срок до 1 года с конфискацией фальсифицированных предметов и запрещением права торговли. Нельзя не обратить внимание на то, что это наказание значительно ниже того, которое установлено за простое мошенничество, чем подчеркивается сущность данного преступления, являющегося не столько мошенничеством, сколько посягательством на правильное функционирование торгового оборота, и заключающего в себе нарушение доверия публики к предметам торговли.

2) Сбыт изделий и слитков из благородных металлов с заведомо поддельными или несоответствующими содержанию в них благородного металла пробирными клеймами (ст. 190а). Деяние это должно быть совершено лицом, которое само не изготовляло поддельных клейм, иначе ответственность должна быть установлена по совокупности преступлений, предусмотренных стт. 190б и 190а.

Наказание за это преступление то же, что и установленное в ст. 190.

Наказанию подлежит в этом случае и приготовительная деятельность к сбыту, представляющая из себя особое преступление — изготовление и хранение с целью сбыта поддельного пробирного клейма, клеймение таковым изделий и слитков из благородных металлов и наложение на изделия из неблагородных металлов клейм и марок, имеющих сходство с пробирными клеймами (ст. 190а).

Наказание, положенное за эту приготовительную деятельность к сбыту, несколько выше, чем то, которое установлено за самый сбыт: лишение свободы на срок не ниже 1 года с конфискацией фальсифицированных предметов и клейм и с лишением права заниматься торговлей.

Как квалифицированный вид сбыта изделий с поддельными или неверными клеймами, предусматривается совершение данного преступления в виде промысла.

Наказание за этот вид сбыта то, которое положено в ст. 190а.

3) Сбыт заведомо негодного семенного материала (ст. 192). Предметом данного преступления является семенной материал, под которым следует разуметь семена любых полезных растений. Виновный в этом преступлении должен действовать умышленно, так как в Угол. Кодексе прямо требуется заведомость со стороны виновного. Он должен знать, что семенной материал, сбываемый им, негоден, и желать сбыть его под видом годного.

Преступное действие характеризуется, как сбыт негодного материала. Негодность же материала заключается в его непригодности служить для того назначения, которое в данном случае имеется ввиду, т.-е. для обсеменения полей или огородов; почему произошла эта негодность, а также насколько этот материал негоден, значения не имеет.

Наказание за сбыт негодного семенного материала — лишение свободы на срок не менее 2 лет со строгой изоляцией.

Квалифицированным видом этого преступления является тот, когда оно совершается лицами, специально занимающимися торговлей семенами.

Наказание в этом случае повышается на срок до 3 лет, т.-е. его минимум должен быть не ниже 3 лет.

4) Кроме этих особых видов мошенничества, Угол. Кодексу известны и другие виды, образующие составы иных преступлений. Сюда следует отнести:

а) Хищение из государственных и общественных складов или хранилищ, производившееся путем подлогов, составления неправильных счетов и т. п. преступных действий (ст. 180а); здесь, как указывалось раньше, речь идет о таком хищении, которое производилось путем обмана, посредством введения в заблуждение заведующих данными складами или хранилищами, т.-е. о мошенническом хищении.

Наказание — лишение свободы на срок не ниже 3 лет, а при отягчающих вину обстоятельствах — высшая мера наказания.

б) Другой особый вид мошенничества упоминается в Угол. Кодексе, как вид мародерства, именно противозаконное отобрание при боевой обстановке у гражданского населения принадлежащего последнему имущества под предлогом необходимости его отобрания для военных целей (ст. 214). Здесь обман выражается в том, что виновный заявляет потерпевшему о своем праве отобрания данного имущества ради военных целей, между тем имущество это отбирается в личных интересах самого виновного.

Наказание за этот вид мошенничества - мародерства то, которое положено по ст. 76 за бандитизм, т.-е. высшая мера наказания и конфискация всего имущества с допущением при смягчающих обстоятельствах понижения наказания до лишения свободы на срок не ниже 3 лет со строгой изоляцией и конфискацией имущества.

ВЫМОГАТЕЛЬСТВО.

§ 61. Понятие вымогательства. Приобретение имущества, понимаемого не в смысле материальной вещи, а в смысле имущества вообще, т.-е. имущества, обнимающего собой и права по имуществу и материальные вещи, может быть совершаемо не только посредством введения в заблуждения потерпевшего, обмана, но и посредством принуждения его сделать то или иное распоряжение по имуществу. Приобретение имущества путем подобного принуждения образует особое преступление, характеризуемое с одной стороны способом его совершения, а с другой его объектом, и называемое вымогательством.

Вымогательство (ст. 194 Угол. Код.), это — приобретение имущества посредством принуждения потерпевшего к учинению невыгодного для него распоряжения имуществом.

Так как вымогательство характеризуется наличием известного распоряжения по имуществу, сделать которое потерпевший вынуждается вследствие оказываемого на него воздействия со стороны виновного, то оно представляется разновидностью посягательства на его свободу, на свободу человека располагать своими действиями, представляя собою особый вид принуждения. Однако то обстоятельство, что принуждение в данном случае направляется на совершение известных действий, затрагивающих имущественную сферу и влекущих за собой изменения этой сферы, — уменьшение ее, сопровождаемое увеличением имущественной сферы виновного, заставляет законодательство относить это деяние к преступлениям не против личных благ, а против имущества.

Как особое самостоятельное имущественное преступление, вымогательство есть продукт сравнительно нового времени. Старое право не знало его вовсе или предусматривало лишь некоторые его виды, отнеся их к преступлениям разного рода. На этой точке зрения стоит до сих пор французское право, не знающее обобщенного понятия вымогательства и предусматривающее некоторые отдельные его виды, именно принуждение и выдаче подписи на имущественном обязательстве, угрозу причинения известного зла, сопровождающуюся требованием выдачи денеж-

вой суммы или выполнения иного условия, и шантаж, поимяземый, как вымогательство имущества или подписи на обязательстве путем угрозы разглашения изморщих обстоятельств. Особенностью постановлений франц. права является то, что оно понимает предмет посягательства при вымогательстве, как право на имущество, а не вещь; таким образом здесь вымогательство есть деяние, отличающееся от насильственного похищения имущества по своему предмету.

На иной точке зрения стоят более новые законодательства, которые усваивают взгляд на вымогательство, как на особое преступление, объединяющее разные виды приобретения имущества путем принуждения. Но при этом они неодинаково понимают содержание и объем вымогательства. Одни из них решающее значение придают способу действия виновного, другие — объекту преступления. Первая точка зрения проводится в германском законодательстве, которое объединяет отдельные виды вымогательства в один состав преступления, включая сюда и шантаж, характеризует вымогательство только особым способом действия — посредствующей деятельностью самого потерпевшего; поэтому вымогательство в герм. праве имеет своим предметом не только права на имущество, но и имущество, как материальную вещь. Таким образом, с точки зрения герм. права, в то время, как при разбое преступление выражается в отнятии вещи у потерпевшего, при вымогательстве имеется принуждение его передать вещь или сделать невыгодное распоряжение по имуществу.

Еще дальше пошел по пути полного объединения отдельных видов вымогательства Угол. Кодекс, который видом вымогательства называет и шантаж, но при этом он, подобно герм. праву, первостепенное значение придает способу действия, каким он считает не всякое насилие, а только угрозу причинения известного зла (ст. 194 и 195).

§ 62. Общий состав вымогательства. Предметом вымогательства с точки зрения Угол. Кодекса является имущество вообще; он прямо указывает на право по имуществу и на имущественную выгоду, как на непосредственный предмет преступной деятельности виновного, но и материальная вещь может быть предметом вымогательства по Угол. Кодексу, раз он указывает, как на один из видов вымогательства, на требование „совершения каких-нибудь действий“; сюда можно подводить и требование передачи какой-нибудь суммы денег или известной вещи.

Особенностью предмета вымогательства является то, что это преступление возможно и в отношении таких прав по имуществу и материальных вещей, которые еще не находятся в распоряжении потерпевшего и не могут быть представлены им виновному немедленно, но могут оказаться в его распоряжении в ближайшем будущем.

Как и при других имущественных преступлениях (кроме грабежа), Угол. Кодекс при вымогательстве не требует, чтобы предметом посягательства было чужое имущество; поэтому вымогательство возможно и относительно собственного имущества вымогателя, поскольку на него имеются те или иные права третьих лиц, нарушаемые посредством вымогательства; напр. сюда следует отнести требование передачи собственного заложенного имущества под страхом причинения в противном случае известного вреда залогопринимателю. Но если на это имущество у третьего лица нет никакого права, то здесь нельзя говорить о вымогательстве; так требование, предъявленное к вору, возвратить похищенную вещь под угрозой его убить нельзя квалифицировать, как вымогательство. Во всяком случае при вымогательстве должно отсутствовать у виновного право на то имущество, в отношении которого совершается посягательство. Поэтому, если виновный при помощи принуждения, не приобретая чужого имущества, лишь самоуправно восстанавливает свое право, он может отвечать только за самоуправство (ст. 103).

Со стороны вины вымогательство должно быть совершено умышленно. Виновный должен сознавать, что применением угрозы он может вызвать выгодное для себя распоряжение имуществом со стороны потерпевшего, и должен желать этого результата. При этом, как и при всяком противозаконном приобретении имущества, должна быть в наличии цель присвоить приобретаемое имущество или, поскольку речь идет о получении имущественной выгоды, получить эту выгоду. Неосторожность исключается здесь по самому характеру преступной деятельности.

Преступное действие в составе вымогательства выражается в приобретении имущества посредством принуждения потерпевшего. Для состава преступления имеет поэтому значение определенный способ деятельности виновного. Этим способом действия при вымогательстве по Угол. Кодексу является угроза, которая понимается, как страшание или: а) причинением насилия над личностью или б) истреблением имуще-

ства. Таким образом, не всякая угроза является способом действия при вымогательстве, а только угроза определенным злом.

а) Насилие над личностью, которое образует содержание угрозы в составе вымогательства, охватывает собой всякое воздействие на телесную неприкосновенность, в чем бы оно ни выражалось и как бы оно незначительно ни было; ¹⁾ оно, естественно, обнимает собою и посягательство на жизнь и посягательство на половую неприкосновенность.

б) Что же касается угрозы истреблением имущества, то здесь разумеется угроза всякого вообще истребления или повреждения имущества ²⁾.

Эта угроза может заключаться в причинении зла как самому потерпевшему, так и другим лицам, тесно с ним связанным (напр., вымогательством будет требование уплатить известную сумму, под страхом убить ребенка того лица, к которому обращается это требование).

Угроза, как способ действия в составе вымогательства, конечно, должна представляться, как и в составе других преступлений, в частности грабежа, действительно возбуждающей страх в потерпевшем. С другой стороны угроза в вымогательстве должна заключать в себе обещание причинить известное зло потерпевшему в ближайшем будущем. Если же речь идет о немедленном осуществлении этого зла, то такая угроза образует состав грабежа или разбоя—она равносильна физическому насилию. Так, если виновный угрозой немедленно убить потерпевшего добивается передачи ему тотчас же имущества, то в данном случае будет разбой,

¹⁾ Немировский (назв. соч. стр. 233) не считает возможным относить сюда угрозу легкими видами насилия, так как, по его мнению, ст. 194 предполагает насилие, способное внушить страх.

²⁾ Иного мнения Познышев (наз. соч. стр. 110), который, исходя из буквального толкования ст. 194, говорящей об угрозе истреблением имущества, находит, что под нее нельзя подводить случаи, когда субъект угрожает не истреблением, а повреждением имущества, хотя бы и обще-опасным способом, но не достигающим степени истребления. Также Немировский (назв. соч. стр. 283).

а не вымогательство; если же он требует от потерпевшего положить в известное место какую-нибудь вещь, грозя в случае невыполнения этого требования убийством, то это будет вымогательство.

Угроза в составе вымогательства должна быть средством приобретения имущества; посредством угрозы потерпевший принуждается к известному распоряжению по имуществу. При этом в то время, как при насильственном похищении имущества насилие служит средством для захвата имущества виновным, при вымогательстве оно служит средством принуждения потерпевшего к такому действию или бездействию, посредством которого имущество уступается и передается виновному. Таким образом, между принуждением и приобретением имущества в составе вымогательства должна существовать причинная связь.

Если таким образом вымогательство характеризуется в Угол. Кодексе с одной стороны тем, что его предметом является имущество вообще, а не только материальная вещь, как при насильственном грабеже и разбое, а с другой стороны тем, что виновный действует определенным способом, каким является угроза, то возникает вопрос, куда следует относить те случаи, которые в Угол. Кодексе прямо не предусмотрены и которые не подходят прямо ни под понятие насильственного грабежа или разбоя, ни под понятие вымогательства, именно случаи принуждения к передаче какого-нибудь права по имуществу или к вступлению в невыгодную сделку посредством физического насилия, а не угрозы. Случаи этого рода скорее могут быть отнесены к вымогательству, чем к насильственному грабежу или разбою, потому что, если потерпевший, уступая физическому насилию, делает какое-нибудь невыгодное для себя распоряжение по имуществу, то он поступает так, как поступает он тогда, когда он под влиянием психического принуждения принимает на себя невыгодное обязательство по имуществу или уступает виновному какую-нибудь имущественную выгоду. Словом, в этом случае решающее значение надо придавать не способу действия виновного, а

предмету посягательства, в связи с особенностями которого проявляется деятельность потерпевшего ¹⁾).

По своему содержанию преступное действие в составе вымогательства заключается в приобретении виновным известного имущества, которое сопровождается его потерей на стороне потерпевшего ²⁾. Оно характеризуется тем, что под влиянием принуждения потерпевший совершает те или иные действия, являющиеся распоряжением по имуществу. Эти действия могут относиться не только к области двусторонних сделок, но и односторонних распоряжений по имуществу, напр., принуждение уничтожить духовное завещание или составить его в известном духе, в интересах виновного. Сообразно особенностям самого предмета посягательства эти действия потерпевшего при вымогательстве могут выразиться в передаче определенной вещи, в уступке права по имуществу, в принятии на себя известных невыгодных обязательств по имуществу или предоставлении виновному каких либо имущественных выгод.

Во всяком случае для вымогательства требуется наличность причинения имущественного ущерба на одной стороне и получения имущественной выгоды на другой, причем полного соответствия между тем и другим может и не быть, поскольку в отдельном случае предметом посягательства не является материальная вещь; но причинения одного лишь вреда или получения одной лишь выгоды для состава преступления недостаточно.

Угол. Кодекс, описывая состав вымогательства, указывает как на виды преступных действий, образующих его состав,

¹⁾ Иначе Гродзинский (назв. соч., стр. 400), который находит, что, так как в этих случаях имеется одновременно посягательство на личность и принуждение к предоставлению имущественных выгод под угрозой дальнейшего насилия, то налицо совокупность преступлений, предусмотренных ст. 194 и 157 или соответствующими статьями гл. V Угол. Код.

²⁾ Гродзинский (назв. соч. стр. 400) находит, что для состава преступления безразлично, предоставляет ли потерпевший имущественную выгоду самому преступнику или же по его указанию третьему лицу.

на требование а) передачи каких либо имущественных выгод или права на имущество и б) совершении каких либо действий.

Под первый вид подойдет не только передача потерпевшим имущественных выгод и прав по имуществу, но и принятие на себя известных невыгодных обязательств по имуществу, вступление в невыгодную сделку.

Что же касается совершения каких либо действий, о которых говорит ст. 194, то, на основании систематического толкования, под этими действиями нужно разуметь только действия, т. е. распоряжения, по имуществу, так как вымогательство по Угол. Кодексу отнесено к группе имущественных преступлений ¹⁾. Сюда следует относить такие случаи, как принуждение составить документ, заключающий в себе признание того или иного права по имуществу, истребить документ, служащий удостоверением известных обязательств по имуществу, и т. п. Сюда же следует отнести те случаи, когда виновный принуждает потерпевшего передать ему известную вещь, напр., положить в указанном месте определенную сумму денег или письменный акт и т. п. При ином решении вопроса данные деяния оставались бы ненаказуемыми, так как их прямо нельзя подводить ни под понятие разбоя, ни под понятие грабежа.

Оконченным вымогательство, как и всякое вообще имущественное преступление, характеризуемое, как приобретение имущества, становится с момента перехода известного предмета или права по имуществу от потерпевшего к виновному.

¹⁾ Иной точки зрения на сущность вымогательства придерживается Эстрин (назв. соч. стр. 76), исходя из буквального толкования ст. 194 и находя, что вымогательство может быть совершено преступником и для того, чтобы добиться от своей жертвы каких нибудь действий неимущественного свойства (напр. вступления женщины в связь). Еще шире понимает „какие либо действия“ Немировский (назв. соч., стр. 282), характеризуя вымогательство вообще, как принуждение, и указывал, что содержанием требования может быть передача или отказ и от неимущественного интереса и даже совершение преступления.

Правда, ст. 194 описывает преступление, как требование передачи имущественных выгод и т. д., так что является возможным при буквальном толковании считать уже одно предъявление этого требования окончанным преступлением, ¹⁾ однако при подобном толковании центр тяжести преступной деятельности при вымогательстве пришлось бы усматривать не в самой сущности этого преступления, направленного против имущества, а в способе действия виновного, направленного против личности; вместе с тем пришлось бы признать, что момент окончания двух преступлений, близких друг другу по имеющейся в них активной деятельности потерпевшего — мошенничества и вымогательства — устанавливается неодинаково: побуждение к передаче какого-нибудь права на имущество посредством обмана рассматривалось бы как покушение на мошенничество, а побуждение к передаче такого же права посредством угрозы, как окончательное вымогательство.

Таким образом, для признания вымогательства окончанным существенно, чтобы со стороны потерпевшего последовало известное действие, умаляющее сферу его имущественного обладания и увеличивающее сферу имущественного обладания виновного: потерпевший должен принять на себя обязательство предоставить имущественную выгоду или уступить право по имуществу виновному или же совершить иные действия, т.-е. распоряжения, по имуществу, напр., передать известный предмет в назначенный срок виновному или другому лицу и т. п.

Одна угроза, соединенная с требованием совершить те или иные действия по имуществу, образует лишь покушение на вымогательство.

Наказание за вымогательство — лишение свободы до 2 лет, т.-е. наказание менее тяжелое, чем то, которое положено за насильственный грабеж (ст. 183) и разбой (ст. 184).

§ 63. Шантаж, как вид вымогательства. В качестве особого вида вымогательства Угол. Кодекс пре-

¹⁾ Такова точка зрения Немировского (назв. соч. стр. 182) и Эстрина (назв. соч. стр. 76).

дусматривает шантаж, т.-е. вымогательство, совершаемое посредством угрозы оглашения позорящих потерпевшего сведений или сообщения властям о его противозаконном деянии (ст. 195).

Шантаж — преступление недавнего происхождения. Впервые он был предусмотрен во французском праве (законом 1863 года), как самостоятельное преступление, отличное от вымогательства. Вслед затем определения о нем повторяются и в законодательствах других стран; впрочем, некоторые законодательства (напр. герм.) не предусматривают его особо, создавая такое широкое понятие вымогательства, которое охватывает и шантаж.

Поскольку шантаж предоставляет собой по Угол. Кодексу лишь вид общего понятия вымогательства, постольку все элементы состава преступления, существенные для вымогательства, существенны и для шантажа, за исключением однако способа действия.

Так, что касается прежде всего объекта шантажа, то им может быть все то, что может быть предметом вымогательства — имущество вообще (права по имуществу, имущественные выгоды и материальная вещь). В частности, что касается имущества, как материальной вещи, то признание вещи, как объекта шантажа, вытекает не только из надлежащего понимания выражения „требования совершения иных действий“ (ст. 194), но и из того факта, что при ином понимании предмета шантажа получилась бы следующая несообразность: шантажист, который требует передать ему известную сумму денег за молчание о каком нибудь позорящем потерпевшего обстоятельстве, не подлежал бы наказанию, и в то же время подобный же шантажист, требующий подписать долговое обязательство, наказывался бы ¹⁾.

¹⁾ Обычно в тех законодательствах, которое выделяют шантаж в особое преступление, он охватывает как приобретение имущественных прав и имущественной выгоды, так и материальной вещи; самая же потребность в особом постановлении о шантаже всего более чувствуется в тех законодательствах, которые характеризуют вымогательство только как приобретение прав по имуществу и получение имущественной выгоды и не включают в него приобретения вещи (франц.).

Со стороны вины преступная деятельность при шантаже, как и при вымогательстве, должна быть умышленной. Виновный должен: 1) знать, что обстоятельство, которое он грозит огласить, представляет собою позорный факт или преступное деяние, и что угроза оглашения такого обстоятельства может побудить потерпевшего к известным расстройствам по имуществу, и должен 2) желать побудить его к таким действиям. Неосторожного шантажа быть не может.

Преступное действие в шантаже заключается в приобретении имущества посредством угрозы позорящих разглашений или сообщений властям об учиненном преступном деянии.

Существенным в составе шантажа является, таким образом, особый способ действия, который сводится к угрозе. Но угроза эта по своему содержанию отличается от той угрозы, которая имеет место при вымогательстве; там угрожающий стремится вызвать у потерпевшего чувство страха, здесь убеждение в выгодности купить молчание угрожающего. Она может принимать особые мягкие формы — иногда простой намек, непонятный для других, имеет характер угрозы для человека заинтересованного. По своему содержанию эта угроза может быть или а) угрозой оглашения известного позорящего обстоятельства или б) угрозой сообщить властям об учиненном противозаконном деянии.

а) Угроза огласить позорящее обстоятельство предполагает неизвестность подлежащего оглашению обстоятельства другим лицам или, по крайней мере, тому лицу, которому виновный угрожает сообщить (напр. мужу об измене жены, хотя другие об этом знают). Угроза эта должна касаться оглашения сведения, позорящего потерпевшего, т.-е. должна касаться такого обстоятельства, которое, по господствующим в данной среде понятиям, имеет позорящий характер, — все равно, идет ли здесь речь о таком обстоятельстве, которое заключается в позорном деянии, совершенном самим потерпевшим, или о таком, которое выражается в известном деянии, совершенном над ним и могущем его позорить. По угроза раскрыть тайну, которая ничего позорного в себе не заклю-

чает, напр. сообщить другим лицам (не органам власти) о совершенном потерпевшим проступке, не имеющем позорного характера, который он скрывает, не подойдет под определение ст. 195. Оглашенные сведения должны, как это прямо указывает Угол. Кодекс, позорить самого потерпевшего, следовательно, не третьих лиц, хотя бы и связанных тесно с потерпевшим¹⁾. Эти сведения могут быть как истинными, так и вымышленными, так как центр тяжести данного деяния лежит в позорящем характере этих сведений, а не в соответствии их действительности.

б) Что касается угрозы сообщения властям о противозаконном деянии, то здесь под противозаконным деянием нужно понимать не всякое вообще противозаконное деяние, а только наказуемое (хотя бы в дисциплинарном порядке) правонарушение, т.-е. преступное деяние, так как только в отношении подобного противозаконного деяния имеет реальное значение сообщение властям — сообщение, могущее иметь последствием возбуждение преследования против потерпевшего. Но, конечно, это деяние не должно относиться к тем, которые уже погашены давностью или амнистией, так как в этом случае обращение к властям не имеет реального значения.

Угроза оглашения или сообщения властям должна быть средством воздействия на потерпевшего. Поэтому в конкретном случае должна быть установлена причинная связь между этой деятельностью виновного и определенными действиями потерпевшего. Угроза должна быть средством побудить потерпевшего сделать известное распоряжение имуществом.

Момент окончания шантажа должен быть понимаем так же, как и при вымогательстве.

Наказание за шантаж — лишение свободы на срок до 2 лет, т.-е. такое же, какое положено за вымогательство.

¹⁾ Иначе Немировский (назв. соч. стр. 283); Змиев (назв. соч. стр. 55) тоже считает возможным толковать ст. 195 распространительно; точно также Грозинский (назв. соч. стр. 402) допускает применение в данном случае ст. 195 по аналогии.

РОСТОВЩИЧЕСТВО.

§ 64. Понятие ростовщичества. Приобретение имущества посредством противозаконной эксплуатации потерпевшего или ростовщичество (ст. 193 Угол. Код.), есть получение имущественной выгоды посредством ссуды капитала в рост за чрезмерные проценты с использованием тяжелого экономического положения потерпевшего.

Так как ростовщичество направлено на приобретение имущественной выгоды, то оно должно быть относимо к имущественным преступлениям, занимая среди них особое место и в виду предмета посягательства и в виду способа действия виновного. Такова обычная конструкция этого преступления. Впрочем, в нашей литературе было высказано мнение (Шустерослев), что это преступление должно быть выделено из числа имущественных, так как оно является особым преступлением против общества, как преступление, направленное против неприкосновенности имущественной состоятельности населения. Но как бы ростовщичество, в особенности занятие им в виде промысла, не подрывало имущественного благосостояния населения, оно не может превратиться вследствие этого в преступление против общества; иначе многие имущественные преступления по этим же соображениям можно было бы отнести к преступлениям против общества (напр. покушку на кражу имущества и т. и.)

Точка зрения на необходимость признания ростовщичества преступным деянием не представляется чем то незбылемым в истории законодательства и неоднократно менялась. Первоначально всякое взимание процентов с капитала рассматривалось, как преступление. Однако соображения практического характера заставляли отступить от строгого проведения этого начала. Поэтому постепенно подвигаются постановления, объявляющие противозаконным взимание роста лишь свыше установленного в законе процента. Такова была точка зрения, весьма долго господствовавшая в прежнем праве. С течением времени она заменяется новой — провозглашается принцип свободы договоров, в соответствии с чем ростовщичество исчезает из числа преступлений. Однако мало по малу устанавливается новый мотив признания данного деяния уголовно-наказуемым: выдвигается мысль о том, что эксплуатация чужой нужды не должна быть допускаема, как средство обогащения (точка зрения, впервые нашедшая себе выражение в бельгийском законе 1867 г.). Ростовщичество снова объявляется преступлением, но не потому, что признается преступным взимание чрезмерных процентов, т.-е. процентов в размере свыше установленного в законе, а потому, что в нем усматривается эксплуатация нуждающегося человека. Поэтому, поскольку нет на лицо этой эксплуатации, нет и ростовщичества.

Различные взгляды на основания наказуемости ростовщичества, влияющие, естественно, вместе с тем и на самую обрисовку состава этого преступления в уголовном законе, находят себе выражение и в современных законодательствах.

Одни из них прямо запрещают взимание высоких процентов и в этом усматривают сущность ростовщичества, другие же становятся на точку зрения признания сущностью понятия ростовщичества наличности эксплуатации чужой нужды, причем некоторые из них придают значение всетаки и превышению установленного в законе размера дозволенных процентов.

Первую точку зрения проводит франц. законодательство, отменявшее только законный размер процентов по торговым делам; второго взгляда придерживаются законодательства германское и норвежское, не знающие законного максимума дозволенных процентов, а также бельгийское и венгерское, придающие значение этому моменту.

Уголовный Кодекс, конструируя понятие ростовщичества, подчеркивает в составе этого преступления наличность использования нужды и стесненного положения получающего ссуду (ст. 193) и вместе с тем предполагает при этом наличность установленного в законе размера дозволенных процентов. Нужно иметь в виду, что вообще с точки зрения нашего гражданского права сделки, совершенные под влиянием крайней нужды, могут быть признаны судом, по требованию потерпевшей стороны или подлежащих государственных органов и общественных организаций, недействительными (ст. 33 гражд. код.), но они сами по себе не считаются еще наказуемыми. Точно также начисление процентов на проценты (т. н. сложных процентов) воспрещается за исключением области сделок, совершаемых законно существующими кредитными установлениями (ст. 213 гр. код.), но и это деяние точно также не является запрещенным под страхом наказания. Только в отношении т. н. кабальных сделок, которые самим законом в силу декрета 3 июля 1922 г. (собр. уз. № 43 ст. 505) признаются недействительными, устанавливаются некоторые отступления от этого начала: заключение таких сделок объявляется преступным; оно карается, как ростовщичество, хотя и отличается от последнего некоторыми чертами. Таким образом, с точки зрения нашего права нужно различать ростовщичество, предусмотренное ст. 193 Угол. Код., и ростовщичество, как особый вид заключения кабальных сделок, предусмотренное особым декретом.

Будучи преступлением против имущества определенного лица и характеризуясь, как противозаконное обогащение на

чужой счет, ростовщичество отличается от спекуляции, как злостного повышения цен на товары путем скупки, сокрытия или невыпуска их на рынок (ст. 137); последнее является преступлением против общественных интересов, вследствие чего и отнесено в Угол. Кодексе не в группу имущественных, а в группу хозяйственных преступлений.

Среди прочих имущественных преступлений ростовщичество занимает особое место по способу своего совершения, который является своеобразным видом принуждения. Правда, это принуждение отличается от того, которое имеет место при грабеже, разбое и вымогательстве—насилия или угрозы, где не отводится вовсе или отводится слишком мало места свободному усмотрению потерпевшего, находящегося под определенным воздействием виновного; но тем не менее и при ростовщичестве нельзя не считаться с тем, что согласие потерпевшего платить высокие проценты за данные займы деньги и вследствие этого потерять известный ущерб в своем имуществе, представляется только по внешнему виду свободным, на самом же деле это согласие обуславливается таким внутренним состоянием потерпевшего, которое подрывает его свободное усмотрение: безвыходное экономическое положение является тем средством давления на свободу его действий, которое имеет характер принуждения.

§ 65. Общий состав ростовщичества. Предметом ростовщичества является чужое имущество; виновный в этом преступлении приобретает известную имущественную выгоду, выражающуюся в виде получаемого им права на чрезмерный рост с капитала, в соответствии с чем причиняется ущерб потерпевшему в виде возложения на него обязанности платить чрезмерные проценты.

Предметом противозаконного обогащения виновного при ростовщичестве может быть или денежный капитал, который ростовщик дает займы, получая за это чрезмерные проценты, или известные предметы хозяйственного оборота (производственный капитал, живой и мертвый инвентарь и т. п.). На различии отдельных видов предмета ростовщической сделки

покоится обычно проводимое различие между денежным и вещным ростовщичеством. Угол. Кодекс также считается с этим различием, предусматривая с одной стороны ссуду капитала в рост, с другой предоставление в пользование орудий производства, скота, полевых, огородных или посевных семян (ст. 193), причем под орудиями производства здесь можно разуметь всякий инвентарь, могущий быть использованным в любом производстве и предоставляемый именно в качестве такового. Не будет ростовщичеством предоставление кому-нибудь в пользование стульев, хотя бы за чрезмерную плату, так как они не являются орудием производства; но ростовщичество будет налицо в предоставлении в пользование за чрезмерное вознаграждение какой-нибудь сельскохозяйственной машины или рабочего инструмента. Предусматривая именно только эти случаи ростовщичества, Угол. Кодекс не говорит однако о тех, когда предоставление денег в ссуду сопровождается обязательством уплатить процент за эту ссуду какими-нибудь припасами или хлебом или же работой в размере, превышающем нормальный; лишь некоторые случаи этого рода можно подводить под кабальные сделки.

Со стороны вины ростовщичество требует наличия умысла. Виновный должен 1) знать о стесненном материальном положении потерпевшего и о том, что взимаемый им процент за ссуду капитала или взимаемая им плата за пользование известными предметами чрезмерны, как превышающие законный или обычаям установленный размер, и 2) желать получить при этом чрезмерную имущественную выгоду. Само собой разумеется, что при ростовщичестве, как имущественном обогащении, совершаемом посредством эксплуатации чужой нужды, всегда предполагается корыстная цель виновного и что неосторожное ростовщичество немислимо.

Преступное действие в ростовщичестве, как приобретения чужого имущества в виде получения от потерпевшего имущественной выгоды, выражается в заключении известной сделки по имуществу между виновным и потерпевшим с использованием первым тяжелого материального положения послед-

него, побуждающим его принять на себя невыгодное обязательство по имуществу в виде уплаты чрезмерных процентов или чрезмерно высокой наемной платы.

Особым способом действия, существенным для ростовщичества, является пользование неблагоприятными условиями, в которых находится потерпевший, использование его нужды или стесненного положения ¹⁾). Нужда и стесненное положение потерпевшего должны относиться к его экономической сфере и характеризуются настоятельной потребностью в деньгах. Чем они обусловлены, и по собственной ли вине или в силу особо сложившихся обстоятельств, попал в стесненное положение потерпевший, для состава преступления безразлично. Стесненное положение может или наступить внезапно (напр. при стихийном бедствии или при проигрыше в карты), или же исподволь подготавливаться (напр. при перерасчетливой жизни сверх получаемых средств); оно может быть реальным, действительным или существующим лишь в воображении потерпевшего; достаточно, чтобы дающий в рост деньги знал, что потерпевший чувствует себя в стесненном положении. Это стесненное положение не тождественно с положением безвыходным: для его наличности достаточно, чтобы потерпевший материально нуждался, но не требуется вовсе, чтобы он находился на краю гибели; только использование стесненного материального положения лица, берущего деньги в долг, образует состав наказуемого ростовщичества, если будут налицо остальные признаки последнего. Поэтому дача в рост денег за очень высокие проценты лицом, обычно занимающимся этим, но без использования стесненного материального положения берущего в долг, не образует состава преступления, предусмотренного ст. 193.

Преступное действие ростовщичества заключается по Угол. Кодексу в получении имущественной выгоды или а) от предоставления займа капитала под чрезмерные проценты или

¹⁾ Гродзинский (назв. соч., стр. 399) использование затруднительного положения потерпевшего требует только для вещного ростовщичества.

б) от предоставления в пользование известных предметов за чрезмерное вознаграждение. Таким образом те сделки, при которых совершается ростовщичество, представляются или денежным займом или имущественным наймом.

а) Предоставление капитала взаймы под чрезмерные проценты предполагает взимание за данные в рост деньги процентов сверх дозволенных законом (ст. 193); согласно, ст. 110 гражд. код. узаконенными процентами являются 6% годовых с суммы долга; это тот минимальный размер процентов, при котором не может быть речи о ростовщичестве, хотя бы давший деньги в рост знал, что берущий находится в крайней нужде¹⁾. Взимание процентов предполагает наличие займа, который может быть внешне скрыт под видом сделки иного рода; точно также самое взимание процентов может быть замаскировано. Поэтому случаи сокрытия чрезмерного роста каким-нибудь способом, напр. включением процентов в капитальную сумму или взимание их в виде платы за хранение или же неустойки, должно быть относимо к ростовщичеству. Будет ли данный договор заключен в письменной форме или в устной, само по себе безразлично для состава преступления, так как согласно прим. к ст. 136 гражд. код. несоблюдение правила о заключении договоров на известную сумму в письменной форме лишает стороны права ссылаться в подтверждение договора на свидетельские показания, но не лишает их права приводить письменные доказательства.

Уголовный Кодекс, описывая состав ростовщичества, говорит только о взимании за данные взаймы деньги чрезмерных процентов, не указывая на случаи приобретения и предъяв-

¹⁾ Ср. Шехтер („Законный процент и ростовщичество“ в Раб. Суде 1924 г. № 5 стр. 397). Напротив Гродзинский (назв. соч., стр. 398), исходя из того, что наше законодательство не знает максимума дозволенных процентов, находит, что в каждом отдельном случае суд должен решить, является ли взимаемый займодавцем процент в данных условиях места и времени ростовщическим. Также Немировский (назв. соч. стр. 283) и Змиев (назв. соч. стр. 56). В таком же духе Менделеева („Законный процент и ростовщичество“ в Раб. Суде 1924 г. № 1).

ления ко взысканию заведомо ростовщического обязательства или получения по нему ростовщического платежа. Но и эти случаи должны быть подводимы под ростовщичество, поскольку будут налицо все остальные элементы состава этого преступления, в частности наличие стесненного положения потерпевшего, так как эти случаи представляют собою не что иное, как соучастие в ростовщичестве, при котором лишь отсутствует главный виновник, т.-е. тот, кто заключил непосредственно ростовщическую сделку

Для состава данного вида ростовщичества необходима наличие еще одного условия—требуется, чтобы виновный занимался ростовщичеством в виде промысла, т. е. был профессиональным ростовщиком. Если кто-нибудь дал другому деньги в ссуду, пользуясь стесненным его положением, за чрезмерные проценты, то он еще не совершает преступления, хотя подобная сделка и может быть признана судом недействительной. Для признания наличия занятия ростовщичеством в виде промысла важно установить, что виновный неоднократно предоставлял капитал займа под чрезмерные проценты, извлекая из этого средства существования, хотя бы на суде шла речь об единичном случае ростовщичества. Это может быть установлено напр. на основании того факта, что ростовщическая ссуда была оказана двум или более лицам, хотя бы по одному разу на каждого или на пространстве сравнительно короткого промежутка времени. Занятие ростовщичеством в виде промысла охватывает собой и рецидив или повторение того же преступления после осуждения за него, а также совершение виновным ряда подобных преступлений, за которые он впервые судится.

б) Другой формой ростовщичества по Угол. Кодексу является ростовщичество вещное, т.-е. ростовщичество, совершаемое посредством заключения договора имущественного найма путем предоставления известных предметов в пользование другому лицу и выражающееся в получении за предоставление их в пользование вознаграждения в размере, явно превышающем обычную для данной местности норму.

Предмет, который используется для ростовщичества этого рода, точно указан в законе — это орудия производства, скот, полевые, огородные и посевные семена.

Особенностью этого вида ростовщичества является, прежде всего, то, что здесь не требуется взимания процентов в собственном смысле этого слова, так как они скрыты в чрезмерно высокой наемной плате, и эксплуатация стесненного положения потерпевшего заключается именно в требовании с него чрезмерного вознаграждения. Другая особенность этого вида ростовщичества заключается в том, что чрезмерность вознаграждения, т.-е. высокий размер скрытого процента за пользование указанными в законе предметами, устанавливается не законом, а на основании обычая — на основании господствующих в данной местности норм; при этом вознаграждение должно явно, т.-е. очевидно для каждого разумного человека, превышать эту норму. Наконец, особенностью данного вида ростовщичества является то, что для его состава не требуется наличность занятия ростовщической деятельностью, как промыслом ¹⁾.

Обонченным ростовщичество в обоих случаях должно признаваться с момента заключения сделки ростовщического содержания, т.-е. с момента принятия залогодавцем ростовщического обязательства или с момента заключения сделки о предоставлении в пользование известного имущества. Покупение на ростовщичество не может быть конструировано.

Наказание за ростовщичество — принудительные работы или лишение свободы на срок до 1 года с конфискацией части имущества или без таковой.

§ 66. Особые виды ростовщичества. Особым видом ростовщичества, отличающимся некоторыми чертами от простого ростовщичества, является заключение кабальных сделок. Правда, декрет, устанавливающий ответственность

¹⁾ Иного мнения Зинев (назв. соч. стр. 55), который вообще для ростовщичества требует, чтобы субъектом его являлось лицо, занимающееся ростовщичеством в виде промысла.

за это преступление, имеет как бы временный характер, говоря лишь о сделках, заключенных в 1921 и 1922 гг., но, естественно, что и в этом виде он сохраняет в известном объеме актуальную силу до погашения давностью предусмотренных в нем преступлений.

(Собенности этого вида ростовщичества сводятся к следующему: 1) потерпевшим, т.-е. обязанной стороной в заключенной кабальной сделке, является земледелец, 2) не требуется использования стесненного положения потерпевшего — оно, так сказать, всегда в подобном случае предполагается, 3) не требуется занятия ростовщичеством в виде промысла и 4) предметом уплаты денежного займа является хлеб.

Преступное действие в этом виде ростовщичества выражается в требовании займодавцем исполнения или в принятии исполнения по кабальным сделкам в размере, превышающем предусмотренный в данном дебете. Такими сделками являются: а) сделки, по которым должник в погашение займа обязуется предоставить займодавцу не точно определенное в сделке количество хлеба или сумму денег, а урожай с определенного участка земли, если полученная ссуда ниже определенной подесятинной ставки, устанавливаемой областным или губернским исполкомом, и б) сделки, по которым выданные суммы погашаются хлебом, стоимость которого в переводе на золото по курсу государственного банка превышает более, чем на 50% стоимость выданной суммы в момент заключения сделки в переводе на золото, а для ссуд, выдаваемых государственными, кооперативными или другими общественными организациями более, чем на 25%. Все эти сделки признаются недействительными, в какую бы форму они ни облекались (ссуда, запродажа урожая, хлеба на корню и т. п.).

Наказание, положенное за данное преступление, то же, что и за ростовщичество.

Наконец, надо иметь в виду, что постановление ВЦИК и СНК от 10 окт. 1923 г. о купле-продаже в розницу с рассрочкой платежа предусматривает еще одно деяние, которое по самому своему существу не является ростовщичеством, но

которое, как заключающее в себе момент использования стесненного состояния потерпевшего, приравнивается к нему по наказуемости.

Это деяние характеризуется, как соглашение, направленное к отмене, обходу и изменению правил о купле-продаже в рассрочку, явно превышающее обычную для данной местности норму вознаграждения и связанное с использованием стесненного положения продавца (ст. 8). Таково напр. соглашение, направленное в обход правил о последствиях невноса покупателем трех последовательных платежей, в силу которого договор купли-продажи в рассрочку в этом случае уничтожается, и продавец вправе требовать кроме возвращения проданного имущества особой платы за пользование им со дня передачи его покупателю по день возвращения продавцу, в размере и по правилам, устанавливаемым по договорам имущественного найма на такое же имущество в данной местности. Таким образом соглашение платить сумму, превышающую нормальную для данной местности, будет составлять ростовщическую сделку. Равным образом такой же характер имеет соглашение не засчитывать в сумму этой особой платы ранее уже произведенные покупателем платежи по уничтоженному договору купли-продажи в рассрочку.

Отдел II.

Преступления против нематериальных благ.

§ 67. Понятие нематериальных благ. Кроме имущественных благ, предметом преступлений, могущих быть учиненными как против индивида, так и против общества, являются еще такие блага, которые имеют отчасти характер личных, отчасти имущественных благ и которые образуют особую самостоятельную группу правовых благ, характеризующихся проявлением в них интеллектуальной деятельности и умственного творчества человека. Эти блага, именуемые нематериальными благами, являются объектом особой группы прав (т. в. Immaterialgüterrechte), к которым относятся право авторское, с одной стороны и право т. н. промышленной собственности (право изобретателя, право на промышленный образец, право на товарный знак и право на фирму) с другой.

Авторское право — это исключительное право автора воспроизводить, опубликовать и распространять свои произведения в области науки, литературы и искусства. Изобретательское право есть право исключительного распоряжения своим изобретением или усовершенствованием в области производства и промышленности. Право на промышленный образец есть право исключительного распоряжения сделанной моделью или рисунком. Право на товарный знак есть право исключительного пользования известными знаками, необходимыми для

различения одних предметов, обращающихся на рынке и выпускаемых или сбываемых данным лицом, от других. Право на фирму есть право пользоваться известным наименованием, отличающим данное торгово-промышленное предприятие от другого.

Все эти права имеют личный характер в том смысле, что они тесны с личностью их носителя — автора, изобретателя, торговца или промышленника. В литературном или художественном произведении, в изобретении, наконец, в приобретении доверия покупателя проявляется творческая индивидуальность человека. Поэтому правопорядок гарантирует автору и изобретателю исключительное право использовать продукты своей творческой деятельности, а торговца и промышленника ограждает от недобросовестной конкуренции, предоставляя им исключительное право пользоваться определенными знаками для отличия выпускаемых или сбываемых ими предметов от других и иметь определенное торгово-промышленное наименование.

Однако, так как творческая деятельность человека по необходимости воплощается в известных внешних предметах, которые могут быть оцениваемы на деньги и вследствие этого могут становиться предметом имущественных отношений, то рассматриваемые блага несомненно заключают в себе и имущественный элемент: подобно имуществу они могут быть в известной степени отделены от их носителя; они могут быть передаваемы или уступаемы другим лицам, притом не только физическим, но и юридическим.

Оба эти элемента — личный и имущественный — так тесно связаны друг с другом в благах этого рода, что отделить их друг от друга часто не представляется возможным; но это вместе с тем и отличает данную категорию правовых благ от благ имущественных в тесном смысле; впрочем, вполне можно представить себе напр. послгательство на авторское право, чуждое имущественного момента, — таково издание под чужим именем приобретенного у автора произведения.

Таким образом в качестве особой группы преступных

деяний могут быть рассматриваемы следующие преступления против нематериальных благ, заключающих в себе продукт интеллектуальной творческой деятельности человека: 1) посягательства на авторское право и 2) посягательства на право промышленной собственности (на право изобретателя, на право на промышленный образец, на право на товарные знаки и на право на фирму).

В виду двойственности характера рассматриваемых благ, а в соответствии с этим и двойственности характера посягательств на них, в частности же преступлений против авторского и изобретательского права, как посягательств, затрагивающих право личное и вместе с тем имеющих имущественный характер, в уголовном праве замечается разногласие по вопросу об определении места данной группы преступлений в общей системе преступных деяний. Одни писатели (напр. Позывишев) относят эти преступления к преступлениям против личности, хотя и указывают на то, что они в виду своей своеобразности стоят как бы на рубеже между посягательствами на личность и на имущество; другие (напр. Фойницкий, Круглевский) относят их в группу преступлений имущественных; наконец, третьи относят им самостоятельное место (напр. в немецкой литературе Лист, в нашей Пусторослев, создающий особую группу преступлений против неприкосновенности прав умственного творчества). Последняя точка зрения наиболее правильна, так как действительно рассматриваемые преступные деяния представляют известные особенности по сравнению с другими преступлениями и по своему предмету, и по способу действия, и потому должны быть выделены в особую группу; но так как нематериальные блага могут принадлежать не только индивиду, но и коллективу, в частности государству вообще (напр. авторское право), или же отдельным государственным учреждениям и предприятиям (напр. право на фирму или на товарный знак), то наиболее подходящее место для преступлений данного рода — группа преступлений, направленных или против личности или против общества, куда они входят наряду с преступлениями, направленными против имущества в тесном смысле.

В уголовных законодательствах охраняя проявления интеллектуальной творческой деятельности есть продукт сравнительно недавнего происхождения. Раньше всего, с развитием книгопечатания начинает охраняться авторское право, значительно позже право изобретателя, наконец, совсем недавно обращено внимание на необходимость ограждения уголовной карой права на товарный знак и на фирму. При этом можно заметить, что первоначально охраня авторское право давалась посредством предоставления известных привилегий сначала издателю, а затем и самому автору, и лишь с XVII ст. устанавливается общим образом охрана авторского права за каждым автором. Охрана изобретений и до настоящего времени дается посредством предоставления привилегий изобретателю, право же на промышленный образец, на товарный знак и на фирму охраняются обычно в силу сделанной заявки их соответственным органам власти и произведенной на этом основании регистрации их.

Что касается постановки вопроса о данных преступлениях в отдельных уголовных законодательствах, то в этом отношении можно видеть двоякую систему. Одни законодательства включают постановления об этих посягательствах в общую систему уголовного права, относят их обычно к имущественным преступлениям (так напр. поступает франц. право в отношении преступлений против авторского права), другие посвящают им особые постановления в специальных законах, касающихся авторского права, охраны товарных знаков и т. д. (герм. право).

Угол. Код. устанавливает своеобразную точку зрения в отношении данной группы преступных деяний. Преступлений против авторского права, как таковых, он собственно не знает, предусматривая лишь, как преступление против порядка управления, самовольное издание и размножение с целью сбыта литературных, музыкальных и вообще художественных произведений, признанных достоянием Республики (ст. 101), посягательства же на право изобретательское (ст. 198) и на право на товарный знак и на фирму, с которыми сопоставлено право на промышленные рисунки и модели (ст. 199), он помещает среди имущественных преступлений.

Нужно отметить, что особенностью определений нашего права о преступлениях, предусмотренных ст. 198 и 199 Угол. Код. является то, что преступления эти преследуются только по жалобе потерпевшего, однако в этом случае не допускается прекращения начатого уголовного преследования по примирению сторон (ст. 11 угол. проц. код.).

Глава I.

Посягательства на авторское право.

§ 68. Охрана авторского права по советскому законодательству. Так как п. 5 ст. II Постановл. III сессии ВЦИК IX созыва об основных частных имущественных правах 22 мая 1922 г. (собр. уз. № 36 ст. 423) признает за каждым гражданином авторское право, то можно было бы ожидать ограждения авторского права в Угол. Код., и, действительно, в проекте его имелось определение (ст. 193 пр.) о наказуемости самовольного издания, размножения с целью сбыта и публичного исполнения чужих литературных, музы-

кальных и вообще художественных произведений; однако при обсуждении проекта Угол. Код. в ВЦИК эта статья была предложена к исключению без приведения каких либо мотивов и без возражений исключена ¹⁾; таким образом Угол. Код. охраны авторскому праву не дает. Не знает уголовно-правовой охраны авторского права и Постановл. ЦИК и СНК СССР об основах авторского права 30 янв. 1925 г., и, следовательно, лишь в порядке предъявления иска о причиненных убытках потерпевший может оградить свое нарушенное авторское право. Конечно, охрана авторского права таким путем представляется недостаточной; в этом отношении наше уголовное законодательство существенно отличается от всех современных законодательств, устанавливающих карательную охрану авторского права.

Уголовно-правовая охрана предоставляется в нашем законодательстве только тем произведениям, которые признаны достоянием Республики. Достоянием же Республики может быть признано, по постановлению Народного Комиссариата по Просвещению, всякое научное, литературное, музыкальное и художественное произведение (ст. 1 декр. СНК 26 ноября 1918 года о признании научных, литературных, музыкальных и художественных произведений достоянием Республики — собр. уз. № 86 ст. 900). Точно также, согласно Постан. ЦИК и СНК СССР об основах авторского права, авторское право на всякое произведение может быть выкуплено в принудительном порядке правительством Союза ССР или отдельных Республик (ст. 15). Признание такого произведения достоянием Республики имеет то значение, что этим путем переходит к Республике авторское право на него, так как произведение, объявленное государственным достоянием, может быть размножаемо и распространяемо только Наркомпросом или другим советским учреждением, по соглашению с ним (ст. 2 декр.), драматические же, музыкальные и т. п. произведения, объявленные достоянием Республики, могут быть публично исполняемы лишь

¹⁾ Бюлет. III сессии ВЦИК IX созыва № 10 стр. 12.

с разрешения Наркомпроса на условиях, им установленных (ст. 2 прим). Достоянием Республики („се монополией“, как говорят декрет) кроме того могут быть объявлены в том же порядке, как право перевода, так и самый перевод на русский язык литературных произведений, появившихся на иностранных языках как в пределах республики, так и за ее пределами (ст. 10). Таким образом авторское право на произведения, объявленные достоянием Республики, переходит к ней, так как ей присваивается полнота всех тех правомочий, которые характеризуют собою сущность авторского права. Поэтому с точки зрения Угол. Кодекса можно говорить о преступлениях против авторского права, поскольку оно принадлежит государству. Это авторское право и охраняется от известных посягательств, как преступление против порядка управления. Нужно иметь в виду, что от самовольного издания произведений, объявленных достоянием Республики, отличается деяние, которое может быть охарактеризовано, как самовольное издание от имени Государственного Издательства каких либо печатных произведений. Согласно пост. СНК РСФСР от 10 авг. 1923 г. (собр. уз. № 72 ст. 705), Государственное Издательство при НКП является единственным в пределах РСФСР органом, имеющим право выпускать издания от имени Государственного Издательства, а также предоставлять это право своим отделениям (ст. 1). В соответствии с этим воспрещается всем прочим издательствам в пределах РСФСР, в чьем бы они ведении ни находились, выпускать издания от имени Государственного Издательства (ст. 2), нарушение же этого постановления карается не по ст. 101, а по ст. 199.

§ 69. Общий состав преступлений против авторского права по Уголовному Кодексу. Посягательство на авторское право государства есть по Угол. Кодексу самовольное издание и размножение с целью сбыта литературных и художественных произведений, признанных достоянием Республики (ст. 101).

Предметом этого преступления является принадлежащее государству авторское право на определенные продукты

интеллектуального творчества человека — на произведения а) литературные и б) художественные.

а) Литературные произведения обнимают собою произведения, как научной, так и изящной литературы — как опубликованные, так и неопубликованные, как оригинальные, так и переводные. Сюда же можно отнести географические карты, атласы, всякого рода чертежи, таблицы и т. п.

б) Художественные произведения — это всякие произведения духовного творчества человека, относящиеся к области искусств. Угол. Кодекс при этом специально называет один вид художественных произведений — музыкальные произведения; последние обнимает собою все продукты человеческого творчества в области музыкального искусства, в чем бы оно ни заключалось — в музыкальных произведениях, инструментальных или написанных для пения. Остальные виды художественных произведений, это — произведения живописи, гравирования и других видов графического искусства, скульптуры и зодчества. Сюда же можно отнести и фотографические снимки, в частности кинематографические ленты.

Со стороны вины преступление должно быть совершено умышленно, что вытекает как из самого понятия „самовольного“ издания и размножения, которые могут быть учинены только умышленно, так в особенности из требования наличности особой цели деятельности виновного. Виновный должен знать, что издаваемое или размножаемое им произведение объявлено достоянием Республики и что он поэтому не имеет права издавать и размножать его, и должен желать сделать это; но кроме умысла у виновного должна быть определенная цель деятельности — цель сбыта, т.-е. цель возмездного отчуждения данного произведения другим лицом. Поэтому, если в отдельном случае эта цель констатирована не будет, напр., если кто-нибудь размножает подобное литературное произведение для личных надобностей или для раздачи своим знакомым, он не совершает преступления.

Преступное действие в составе рассматриваемого преступления характеризуется, как самовольное издание и размно-

жение литературного или художественного произведения, признанного достоянием Республики. Это самовольное издание или размножение есть деяние, обычно именуемое контрафакцией.

Так как произведение, объявленное достоянием Республики, может быть размножаемо и распространяемо только Наркомпросом или другим советским учреждением с согласия последнего (ст. 2 декр.), то под самовольным изданием и размножением следует разуметь или такое издание и размножение, которое предпринимается каким-нибудь частным лицом, или же такое, которое исходит от государственного учреждения, действующего помимо согласия Наркомпроса. Самовольное действие здесь неравносильно действию без разрешения того, кто обладает авторским правом, так как поскольку авторское право делается достоянием государства, не может быть и речи о предоставлении кому-либо права издать или размножить это произведение кроме органов государственной власти. Однако, этому признаку самовольности действия Угол. Кодекс придает особое значение в том смысле, что в самовольных действиях виновного лица он усматривает оказание известного неповиновения власти, что, очевидно, и было причиной того, что данное преступление помещено в Угол. Кодексе в числе преступлений против порядка управления, хотя центр тяжести в нем заключается не в неповиновении власти, а в посягательстве на авторское право, принадлежащее государству.

Преступное действие в составе посягательства на авторское право характеризуется в Угол. Кодексе или а) как издание, или б) как размножение литературного или художественного произведения. В этом отношении имеется некоторая несогласованность Угол. Кодекса с декретом 1918 г., который говорит о праве Наркомпроса размножать и распространять произведения, умалчивая таким образом о праве их издания, но само собой разумеется, что произведения, объявленные достоянием Республики, могут быть не только размножаемы и распространяемы, но и издаваемы лишь Наркомпросом.

а) Издание есть выпуск в свет литературного или художественного произведения путем отпечатания его. Оно должно

заключать в себе полное воспроизведение этого произведения. Поэтому не будет самовольным издание книги, в которой имеются незначительные заимствования из произведения, признанного достоянием Республики. С другой стороны под это деяние нельзя подводить составления какого-нибудь сборника или хрестоматии, куда входят отрывки из произведений разных авторов, хотя бы произведения эти и признаны были достоянием Республики.

б) Размножение есть воспроизведение продукта чужого духовного творчества в значительном количестве экземпляров. Оно предполагает любой способ получения многих экземпляров данного произведения, напр., посредством употребления гектографа, копировальных лент на пишущей машине, путем снятия копий от руки и т. п.

Так как Угол. Кодекс из всех возможных видов посягательства на авторское право предусматривает лишь некоторые деяния, именно те, которые характеризуются, как самовольное издание и самовольное размножение, то постановления его не могут быть толкуемы распространительно; поэтому с точки зрения Угол. Кодекса остаются ненаказуемыми такие посягательства на авторское право, как напр., переделка повествовательного произведения в драматическую форму или драматического в повествовательную, или изображение произведений живописи посредством валяния или наоборот произведений валяния средствами живописи и т. п., а также публичное исполнение драматических, музыкальных и т. п. произведений, так как, хотя декрет 26 ноября 1918 г. и указывает, что драматические, музыкальные и т. п. произведения могут быть публично исполняемы с разрешения Наркомпроса и на условиях, им установленных, однако соответствующего определения о наказуемости неразрешенного публичного исполнения этих произведений Угол. Кодекс не создает.

При самовольном издании или размножении произведений, признанных достоянием Республики, имеет значение лишь то, что данное произведение издано или размножено лицом, не имеющим на то права. Поэтому тот факт, что виновный

издал подобное произведение под своим именем, совершил так назыв. плагиат или подлог в авторстве, не изменяет сущности этого преступления.

Оконченным преступление против авторского права государства должно считаться с момента издания или размножения литературного или художественного произведения; распространения подобного произведения специально не требуется. Попытка издать произведение, авторское право на которое принадлежит государству, или размножить его, напр., сдача в печать рукописи, должна быть рассматриваема, как покушение на преступление.

Наказание за преступления против авторского права государства — принудительные работы на срок до 1 года с конфискацией имущества или без такового.

Глава II.

Преступления против права промышленной собственности.

§ 70. Понятие и виды преступлений против права промышленной собственности. Право т. н. промышленной собственности может выражаться или в праве изобретателя или в праве на промышленный образец, на товарный знак или на фирму. В соответствии с этим и посягательства на промышленную собственность проявляются в виде: 1) посягательств на право изобретателя, 2) посягательств на право на промышленный образец, 3) посягательств на право на товарный знак и 4) посягательств на право на фирму. Все эти преступные деяния отнесены в Угол. Кодексе (ст. 198 и 199) к группе имущественных преступлений.

§ 71. I) Посягательства на право изобретателя. Подобно тому, как ограждается авторское творчество и создается авторское право, так же должно ограждаться творчество человека в области тех или иных изобретений или открытий, имеющих значение для техники известного производства, и должно создаваться право изобретателя, т.-е. его право исключительно пользоваться своим изобретением.

Охрана изобретательского права происходит лишь путем привилегий, предоставляемых изобретателю, так что без получения привилегии на изобретение нет и его охраны. Такой порядок установлен во всех современных законодательствах; он принят и в нашем праве (постан. ЦИК и СНК СССР от 12 сент. 1924 г.).

Посягательство на право изобретателя характеризуется в Угол. Кодексе, как самовольное пользование чужим изобретением или привилегией, зарегистрированными в установленном порядке, совершаемое в корыстных целях (ст. 198).

Объектом этого преступления являются с одной стороны а) чужое изобретение, с другой б) привилегия, зарегистрированные в установленном порядке. Это понимание объекта преступления в ст. 198 не вполне отвечает тому содержанию понятия объекта права изобретателя, которое дается в указанном Постановлении 12 сент. 1924 г.

а) Что касается изобретения, зарегистрированного в установленном порядке, то под ним, в соответствии с ст. 32 Постановления, следует разуметь такое изобретение, относительно которого была сделана заявка изобретателем или его правопреемником (ст. 3) в Комитет по делам изобретений при Высшем Совете Народного Хозяйства СССР и выдано заявочное свидетельство, так как с получением заявочного свидетельства заявитель приобретает уже известные права — он, не теряя права на приобретение патента, может делать сообщения и публикации об изобретении, производить публичное испытание, приводить его в исполнение, а также уступать свои права на получение патента (ст. 34). Так как самая заявка делается с целью получения патента на изобретение (ст. 27), то изобретение, относительно которого выдано заявочное свидетельство, должно охраняться от самовольного пользования им другими лицами и до получения заявителем патента на изобретение. Но изобретение, относительно которого не поступило заявки и не выдано заявочного свидетельства, не пользуется правовой охраной.

б) Под привилегией на изобретение, зарегистрированной в установленном порядке, о которой говорит ст. 198, следует разуметь патент на изобретение (патентная грамота), выдаваемый Комитетом по делам изобретений (ст. 40) и имеющий силу в течение 15 лет со дня опубликования постановления о выдаче патента (ст. 17). Этот патент выдается на новое изобретение, допускающее промышленное использование (ст. 1). Под новым изобретением следует понимать как создание нового предмета или открытие нового способа производства в искусстве, ремесле, фабрично-заводской промышленности, в сельском хозяйстве, в средствах передвижения и сношения и т. п., так и усовершенствование уже существующих предметов или способов (ср. ст. 12); но изобретение не признается новым, если оно ко времени заявки было в пределах СССР или за границей полностью или в существенных частях описано в печатном произведении настолько открыто, что могло быть воспроизведено сведущим лицом (ст. 2). Указание существенных отличительных признаков изобретения образует т. н. патентную формулу (ст. 27), вопрос же о новизне подлежит разрешению особой экспертизы (ст. 36). Так как изобретение, сделанное одним лицом, может подлежать усовершенствованию со стороны другого, то вопрос о новизне имеет большое практическое значение.

Выдачей патента устанавливается право на изобретение, причем так как это право имеет отчасти личный, отчасти имущественный характер, то надлежит различать, с одной стороны, право изобретателя, с другой право патентообладателя. Оба эти права получают уголовно-правовую охрану, так как, согласно ст. 23 Постановления 12 сент. 1924 г. нарушение прав изобретателей, а также прав патентообладателей карается в уголовном порядке.

Право изобретателя сводится к тому, что последний имеет право на то, чтобы имя его, как автора изобретения, было отмечено в патенте, выданном на его изобретение, притом если патент выдан на имя правопреемника без указания имени действительного изобретателя, то последний сохраняет

право требовать опубликования Комитетом по делам об изобретениях его имени, как действительного изобретателя (ст. 7).

Что касается права патентообладателя, то оно заключается в исключительном праве осуществлять в виде промысла принадлежащее ему изобретение в пределах СССР, а именно изготовлять, продавать, вводить в оборот или вообще употреблять предмет изобретения в промышленных целях, причем, действие патента, ограждающего новозобретенный способ, простирается также на все продукты, полученные непосредственно по этому способу (ст. 9). С другой стороны патентообладателю принадлежит право отчудить патент в полном объеме или с ограничением его действия, а также передавать его по наследству, равно как выдавать на основании своего патента разрешение (лицензию) на использование изобретения в определенном направлении (ст. 10).

К этому следует добавить, что патент на изобретение, относящееся к области государственной обороны или имеющее особо важное значение для страны, может быть при отсутствии добровольного соглашения, принудительно отчужден в пользу государства особым постановлением СГО (ст. 15).

Изобретение для состава преступного деяния должно быть непременно чужим для виновного, как прямо говорит Угол. Кодекс. При этом понятие „чужого“ изобретения нужно толковать в строго юридическом смысле, а не в смысле происхождения его от того или иного лица. Поэтому „чужим“ будет для виновного собственное изобретение, отчужденное им в установленном порядке другому лицу.

В соответствии с двойственным характером права на изобретение и посягательства на это право могут быть двоякими: или самовольное пользование чужим изобретением с выдачей его за собственное или самовольное пользование чужим патентом на изобретение. Под последнее должны быть подведены такие деяния, как изготовление, продажа, введение в оборот и вообще употребление в промышленных целях предмета чужого изобретения. Наличие промышленной цели данной деятельности представляется существенной, так что, если кто

использовал изобретение в интересах чисто личных, то нет еще противозаконности в данном деянии. К преступному пользованию чужим изобретением должны быть отнесены и те случаи, когда виновный самовольно пользуется изобретенным другим лицом способом производства тех или иных предметов, а также и такие деяния, которые заключаются в использовании чужого изобретения за пределами полученной лицензии от патентообладателя. Наконец, самовольное пользование будет и в том случае, если виновный пользуется патентом, принудительно отчужденным в пользу государства. С другой стороны нет состава преступления, если лицо для публикации о выдаче заявочного свидетельства добросовестно применяло данное изобретение в промышленном предприятии (ст. 16), а также если оно пользовалось изобретением по истечении пяти лет с момента выдачи патента, если в течение этого времени патентообладатель ни лично, ни путем выдачи лицензии не осуществил свое право (ст. 18).

Со стороны вины преступление должно быть совершено умышленно. Виновный должен знать, что данное изобретение ему не принадлежит, и должен желать воспользоваться им, как своей собственностью. Но кроме умысла у виновного должна быть налицо специальная цель деятельности, именно, цель корыстная, т.-е. цель личной наживы. Поэтому пользование чужим изобретением для иных целей, напр., для забавы, для демонстрирования его другим и т. п., преступления не составляет. Неосторожность здесь исключена ввиду требования специальной цели деятельности виновного.

Преступное действие в составе данного преступления понимается, как самовольное пользование чужим изобретением, охраняемым заявочным свидетельством или патентной грамотой. Это самовольное пользование есть пользование, происходящее без разрешения того лица, которое обладает данным изобретением, или вопреки тем условиям, на которых предоставлено пользование чужим патентом на изобретение. Пользование же чужим изобретением есть осуществление патента, выданного на данное изобретение. Его содержание зависит от свойства

того изобретения, на которое дан патент. Если патент выдан на изготовление каких-либо предметов, то всякое изготовление их без разрешения патентообладателя будет нарушением его права. Если патент выдан только на определенный способ или прием, то нарушением его будет употребление именно такого способа или приема, причем все остальные являются дозволенными. Если патент имеет предметом какой-нибудь прием производства при помощи изобретенных для того и огражденных патентом орудий, то нарушением патента будет как изготовление таких орудий, так и употребление их для огражденных патентом приемов. При этом самовольное пользование не исключается и в том случае, если при пользовании чужим изобретением сделано было маловажное и к его существу не принадлежащее улучшение; вопрос же о том, насколько данное изменение представляется имеющим существенное значение, превращаясь уже в новое изобретение, есть вопрос факта, который должен решаться на основании специальной технической экспертизы. С другой стороны дальнейшая разработка самой мысли, нашедшей себе выражение в известном изобретении, и применение ее к производствам, не огражденным выданным патентом, не будет представлять собою преступного деяния.

Преступление должно считаться оконченным с момента использования чужого патента на изобретение с корыстной целью, но получения при этом какой-нибудь имущественной выгоды для состава преступления специально не требуется.

Наказание за самовольное пользование чужим изобретением — принудительные работы на срок до 1 года или штраф в тройном размере против извлеченной от самовольного пользования выгоды.

§ 72. II). Посягательства на промышленный образец. Одинаковое значение с самовольным пользованием чужим изобретением имеет самовольное пользование чужим промышленным образцом (рисунком или моделью). В составлении подобных образцов проявляется индивидуальное творчество их автора, и охрана их должна иметь такой же характер, как и охрана изобретений, с которыми они имеют

много общего. Однако посягательство на право на промышленный образец Угол. Кодекс приравнивает не к пользованию чужим изобретением, а к пользованию чужим товарным знаком, помещая его не в ст. 198, а 199, хотя рисунки и модели, являющиеся промышленными образцами, отличаются по своему существу от тех рисунков, которые предназначены для воспроизведения на известных изделиях и которые имеют значение товарных знаков.

Объектом этого преступления является исключительное право воспроизводить в виде промысла промышленный образец в целом или отдельных характерных частях, вводить изделия, воспроизводящие образец, в оборот или иным образом пользоваться ими (ст. 7 Пост. ЦИК и СНК СССР от 12 сент. 1924 г. о промышленных образцах).

Это право на образец приобретается на основании заявки его автора или его правопреемника (ст. 2) и последующей регистрации на 3 года, считая со дня заявки (ст. 4), причем право это может быть отчуждено как до, так и после заявки (ст. 9).

Самые образцы представляются в двух видах, это а) новые по виду или форме художественно-промышленные рисунки, предназначенные для воспроизведения в соответствующих изданиях и б) новые по виду, по форме, по устройству или расположению частей модели, предназначенные для промышленности, кустарного производства, торговли, ремесла, домашнего обихода и вообще для всякой работы (ст. 1).

Самовольное пользование чужим промышленным образцом должно быть совершено умышленно, т.-е. виновный должен знать, что он не имеет права пользоваться данным рисунком или данной моделью, и желать ими воспользоваться. Но кроме того Угол. Кодекс требует в этом случае и наличия особой цели деятельности виновного — цели недобросовестной конкуренции. Нужно однако сказать, что если эта цель, указанная вообще для всех преступлений, упоминаемых в ст. 199, представляется существенной для пользования чужими товарными знаками и чужой фирмой, то для пользования чужими рисунками и моделями она не исчерпывает всех тех случаев,

где уместно установление уголовной ответственности. Это деяние может и не иметь ничего общего с недобросовестной конкуренцией, являясь посягательством на интересы лица, являющегося автором рисунка или модели, а не на интересы торговцев или промышленников, страдающих от недобросовестной конкуренции.

Преступное действие в составе данного преступления есть нарушение права на образец, т.-е. воспроизведение его в виде промысла из другого материала, другим способом, в других размерах или красках или с незаметными при обычном осмотре видоизменениями, а равно и воспроизведение для другой отрасли промышленности (ст. 10). Но воспроизведение рисунка, предназначенного для изображения на поверхности, в виде изделий объемной формы и наоборот не считается нарушением права на образец (ст. 10 прим.).

Наказание за это преступление то же, что и за самовольное пользование чужим изобретением.

§ 73. III). Посягательство на товарный знак. Кроме права изобретателя и права на образец уголовно-правовой охраной пользуется право на товарные знаки, которые употребляются для отличия выпускаемых или сбываемых промышленниками или торговцами товаров от товаров других промышленников или торговцев. Эти товарные знаки, употребляемые для обозначения отдельных предметов, имеют тесную связь с тем предпринимателем, который их употребляет. Устанавливая товарные знаки на выпускаемые или сбываемые изделия, фабриканты и торговцы стремятся таким путем идти навстречу тому доверию к ним покупателя, без которого немислимы торговое дело и приобретение сопряженных с этим доверием доходов. Это доверие приобретается многолетним трудом, затратой значительного капитала, постоянным выпуском в свет доброкачественного сообразно цене товара и т. п.

Товарный знак, поставленный на известном предмете, имеет ввиду отметить доброкачественность товара, указывая на происхождение его от определенного предпринимателя,

Пользующегося известной репутацией, или на сбыт определенным торговцем, пользующимся общественным доверием благодаря качеству сбываемых предметов. Это моральная сторона товарного знака придает ему особенный характер, заставляющий выделять право на товарный знак, подобно авторскому праву и праву изобретателя, из числа имущественных благ.

Угол. Кодекс, устанавливая уголовно-правовую охрану товарного знака, предусматривает самовольное пользование чужим товарным, фабричным или ремесленным знаком (ст. 199).

Самовольное пользование чужим товарным знаком можно определить, как самовольное помещение на товарах или предметах фабрично-заводского или ремесленного производства знаков, заключающих в себе точное воспроизведение или явное сходство с чужими знаками.

Предметом данного преступления является товарный знак, с которым сопоставлены знаки фабричный и ремесленный. Понятие товарного знака устанавливается декретом СНК от 10 нояб. 1922 г. о товарных знаках (соб. уз. № 75 ст. 939)¹⁾. Товарные знаки, это — помещенные, в целях отличия выпускаемых или сбываемых промышленными или торговыми предприятиями товаров от товаров других предприятий, постоянные отличительные знаки, на самом товаре или на его упаковке, как то: клейма, пломбы, тавро, метки, этикетки, виньетки, ярлыки, обложки, рисунки, а также девизы, оригинальные слова, сочетание и начертание их, равно как и упаковка оригинальных видов (ст. 1 и 2 декр.). Всякий товарный знак должен содержать обозначение фирмы предприятия и указание его местонахождения (ст. 3), так что он может быть присвоен только таким промышленным и торговым предприятиям, которые имеют известную фирму.

¹⁾ В настоящее время Постановлением СНК ССР от 18 июля 1923 г. действие декрета СНК РСФСР о товарных знаках 10 нояб. 1922 г. распространено на всю территорию СССР.

Но охраной товарный знак пользуется только тогда, когда он зарегистрирован соответствующим установлением — Отделом товарных знаков Комитета об изобретениях при ВСНХ (ст. 6.), причем охрана товарного знака путем выдачи соответственного свидетельства о товарном знаке дается на определенный срок (ст. 15). Что касается ремесленных и фабричных знаков, то, поскольку они не охватываются товарным знаком, необходимой принадлежностью которого является наличность определенной фирмы предприятия, они особо пока в нашем законодательстве не предусматриваются, а потому и не пользуются особой уголовно-правовой охраной.

Со стороны вины преступное деяние должно быть совершено умышленно. Виновный должен знать, что данный товарный знак принадлежит известному предприятию, и должен желать использовать его. Но кроме умысла у виновного должна быть специальная цель деятельности — цель недобросовестной конкуренции, под которой следует разуметь конкуренцию, противоречащую установившимся в торговом быту обычаям и извращающую ту задачу, ради которой конкуренция вообще допускается. Конечно, вопрос факта признать или не признать в отдельном случае наличность недобросовестной конкуренции. Во всяком случае пользование чужим товарным знаком с иной целью, кроме указанной в законе, хотя и составляет недозволенное деяние, могущее влечь возмещение причиненного вреда, но не является еще преступлением.

Преступное действие в составе данного деяния выражается в самовольном пользовании товарным знаком, т.-е. в пользовании им без разрешения его владельца. Если данный товарный знак перешел к пользующемуся им в силу договора, здесь, конечно, нет преступления.

Пользование чужим товарным знаком означает точное его воспроизведение или воспроизведение, явно сходственное с тем, которое принадлежит другому предприятию, вследствие чего одни товары не могут быть отличены от других. Оно проявляется или в виде наложения на какие-нибудь предметы товарных знаков предприятий, которые именно данные

предметы изготовляют или имеют у себя для продажи, или в виде употребления оригинальной упаковки, употребляемой другим предприятием.

Оконченным преступление должно считаться с момента наложения торгового знака на те изделия, на которые он не может быть накладываем. Наличности выпуска в продажу или сбыта этих изделий для состава преступления не требуется.

Наказание за самовольное пользование товарным знаком — принудительные работы на срок до 1 года или штраф в тройном размере против извлеченной от самостоятельного пользования выгоды.

§ 74. IV). Посягательства на фирму. Последний вид данной группы преступлений представляет самовольное пользование чужой фирмой или чужим наименованием.

Фирма есть наименование торгового или промышленного предприятия, индивидуализирующее его в торговом быту. В охране фирмы кроме имущественного элемента заключается и личный: в ее охране лежит охрана плодов деятельности физического или юридического лица в области его труда над созданием торгового предприятия. Доверие к чужой фирме приобретается деятельностью предприятия, носящего определенное наименование. Поэтому в пользовании чужой фирмой заключается посягательство не только на имущественный, но и на личный интерес, так же, как в посягательствах на авторское право, на право изобретателя и на право на товарный знак.

Право на фирму в нашем законодательстве еще не получило соответственной регламентации. Поэтому предусмотренное в ст. 199 самовольное пользование чужой фирмой или наименованием остается пока еще формулой, лишенной определенного содержания. Во всяком случае преступным признается самовольное пользование чужой фирмой только в том случае, если оно учинено в целях недобросовестной конкуренции.

Самовольное пользование здесь, как и в других случаях, предполагает отсутствие законного основания пользования

известной фирмой, причем это пользование может и не сопровождаться употреблением чужого товарного знака и может выражаться в разных иных действиях, напр. в употреблении вывески фирмы и т. п.

Для состава преступления достаточно установления факта пользования чужой фирмой; получил ли при этом виновный какую нибудь выгоду, безразлично.

Наказание за самовольное пользование чужой фирмой то же, что и за пользование чужим товарным знаком.

СПбГУ

Алфавитно-предметный указатель.

- Аванс (возвращение до срока), 141.
Авторское право (его нарушение), 195.
Амунция (промотание), 61.
Арендатор (расточение имущества), 136.
- Банда (разбой), 106.
Баржа (кража), 81.
Безбилетный проезд, 160.
Бесхозяйственность, 129.
- Вагон (кража), 81.
Вещь, как предмет имущественного преступления, 15.
Взлом (кража), 84.
Возвращение аванса до срока, 141.
Воинское имущество (промотание), 61.
Вред имущественный (причинение его), 124.
Выдача предметов не по назначению, 138.
Вымогательство, 171.
- Государственное Издательство (издание от его имени), 197.
Государственные и общественные склады (кража), 79.
Грабёж (насильственный), 96; (понасильственный), 94.
Группа лиц (грабёж с насилием), 100.
- Дефракдация, 166.
Договор (неисполнение), 139.
Документ (повреждение) 17, 21, 39; (похищение), 65, 74.
Должностное лицо (бесхозяйственность), 129; (кража), 82; (присвоение), 58; (хищение), 92.
Должностное присвоение, 57

Железная дорога (проезд без билета), 160.
Железно-дорожные повреждения, 37.

Завладение имуществом самовольное, 116.
Заключение убыточных договоров, 134.
Злостное неисполнение договора, 143.
Злоупотребление доверием (в составе мошенничества), 161; (как особая группа преступлений), 126.
Знак товарный (самовольное пользование), 208.

Изготовление поддельных пробирных клейм, 169.
Издание самовольное национализированных произведений, 197.
Изобретение (самовольное пользование), 201.
Исключительный вред (причинение), 124.
Имущество воинское (промотание), 61.
Имущество (его понятие) 9; (собственное, как предмет преступления), 19.
Истребление имущества 24; (угроза им при вымогательстве), 174.

Кабальные сделки, 189.
Клейма пробирные (изготовление), 169.
Конкуренция недобросовестная, 207.
Конокрадство, 87.
Корыстная цель, 15; (при похищении), 69; (при мошенничестве), 152.
Корыстное убийство, 104.
Кража 74; (квалифицированная), 83; (из государственных и общественных учреждений и складов), 79; (мелкая фабрично-заводская), 81; (лошади и скота), 87; (при несчастном случае), 87; (простая), 78; (со взломом), 83; (тяжкая), 79.
Купленное в рассрочку (присвоение), 46.

Лес (нарушение правил об охране), 120.
Лесная порубка, 121.
Лесное хозяйство (ведение с нарушением установленного плана), 122.
Литературные произведения (самовольное издание), 198.
Лошадь (кража), 78; (продажа военнослужащим), 61.

Мародерство, 66, 108.
Материальная вещь, как предмет преступления, 15.
Мелкая кража (фабрично-заводская), 81.
Модель (самовольное пользование), 206.
Мошенничество, 149.
Музыкальные произведения (самовольное пользование), 198.

Наказуемые сделки, 144.
Нарушение авторского права, 195.

- Нарушение правил (об охране леса) 120; (об охоте), 122; (о рыбной ловле) 122.
- Насилье (в грабеже), 97; (в разбое), 102
- Наследственное имущество (сокрытие), 40.
- Национализированные произведения (самовольное пользование), 197.
- Негодный семенной материал (сбыт), 169.
- Недобросовестная конкуренция, 207.
- Недобросовестные действия (исполнение договора), 141.
- Недра земли (разработка с нарушением правил), 122.
- Неисполнение обязательств по договору, 139.
- Нематериальные блага (посягательства на них), 192.
- Необходимые средства существования (кража), 84.
- Нужда (использование при ростовщичестве), 186.
- Обман (мошенничество), 152.
- Образец промышленный (самовольное пользование), 206.
- Общеположное повреждение имущества, 29.
- Обязательство (неисполнение по договору), 139.
- Оглашение позорных сведений (шантаж), 180.
- Орудие (кража), 84.
- Орудия производства (ростовщичество), 189.
- Оружие (промотание), 61.
- Оставление без присмотра военного имущества, 55.
- Ответственное должностное лицо (хищение), 92.
- Охота (нарушение правил), 122.
- Пароход (кража), 81.
- Пастба скота запрещенная, 121.
- Патент на изобретение (пользование), 203.
- Патроны (промотание), 61.
- Повреждение имущества, 20.
- Подделка пробирных клейм, 169.
- Поджог, 34.
- Подлог документов, 164.
- Покупка краденого, 109.
- Пользование самовольное 118; (землей и ее плодами), 120; (чужим изобретением), 205; (промышленным образцом), 206; товарным знаком), 209; (фирмой), 212.
- Порча военного имущества, 39.
- Потопление имущества, 35.
- Похищение имущества, 62.
- Предварительное соглашение (кража), 86.
- Привилегия на изобретение (пользование), 203.
- Приемы и приспособления (кража), 84.
- Прикосновенность к приобретению имущества, 108.

- Принятие от военнослужащих военного имущества, 114.
Приобретение имущества преступное, 41.
Присвоение имущества, 45; (должностное), 57; (купленного в рас-
срочку) 46; (пригульного скота), 47.
Причинение имущественного вреда преступное, 124.
Пробирные клейма (изготовление), 169.
Продукты (выдача не по назначению), 138.
Проезд безбилетный, 160.
Произведения национализированные (издание их), 197.
Промотание, 61.
Промысел (лесные проступки), 121; (покупка краденого), 113; (ростовщи-
чество), 188.
Промышленная собственность (нарушение ее), 201.
Промышленный образец (самовольное пользование), 206.
Профессия (кража), 83.
Проценты (ростовщичество), 187.
Психическое насилие (грабеж) 98; (разбой), 102.
Пути сообщения (разрушение), 36,38.
Разбой, 101.
Размножение национализированных произведений, 199.
Разработка недр земли недозволенная, 122.
Распоряжение имуществом самовольное, 117.
Расточение, 132.
Растрата, 53.
Реклама (мошенничество), 155.
Рецидив (грабеж насильственный), 100.
Рисуное (самовольное пользование), 206.
Ростовщичество, 182.
Рыбная ловля (нарушение правил), 122.
Самовольное завладение имуществом, 116.
Самовольное издание национализированных произведений, 197.
Самовольное пользование имуществом 118; (чужим изобретением) 201;
(промышленным образцом), 206; (товарным знаком), 210; (фир-
мой), 212.
Самовольное распоряжение имуществом, 117.
Самовольное удержание имущества, 52.
Самоуправство, 54, 94, 118.
Сбыт (негодного сеянного материала), 169; (фальсифицированных пред-
метов), 167.
Сделки (кабальные), 189; (наказуемые), 144; (убыточные), 142.
Семена (сбыт негодных), 169; (ростовщичество), 189.
Систематичность (хищение), 92.
Склады (кража), 79; (хищение), 91.

- Скот (кража), 87; (ростовщичество), 189.
Снятие вещей с убитых и раненых, 66.
Собственное имущество (при имущественных преступлениях), 18.
Соглашение предварительное (кража), 86.
Скрытые имущества, 54.
Социальная опасность (разбой), 105.
Средства существования необходимые (кража), 94.
Стоимость похищенного (кража), 81, 93.
Судно (кража), 81.
- Товарный знак (самовольное пользование), 208.
Торговля запрещенная, 146.
- Убийство корыстное, 104.
Убыточные сделки, 142.
Увечие (разбой), 102.
Угроза (вымогательство), 174; (грабеж), 98; (мародерство), 108; (разбой), 102; (шантаж), 180.
Удержание имущества самовольное, 52.
Уклонение от платежа налогов, 166.
Укрывательство при краже, 112.
Уменьшение наследственного имущества, 40.
Учреждения государственные (кража), 79; (мошенничество), 165; (хищение), 91.
Ущерб имущественный (бесхозяйственность), 132.
- Фабрично-заводская кража, 81.
Фальсификация, 164; (сбыт), 167.
Фирма (самовольное пользование), 211.
- Хищение, 89.
Художественные произведения (самовольное издание), 197.
- Цель корыстная, 15, 69.
Шайка (грабеж), 100.
Шантаж, 178.
- Эксплуатация нужды (ростовщичество), 186.
Электричество (кража), 17, 85.
-

Постатейный указатель.

Статьи.	Страницы.	Статьи.	Страницы.
	<i>Угол. Код. РСФСР.</i>	93	147
12	32, 78	96	153
14	27	99	13, 34, 116, 120, 121
15	108	100	13, 39,
16	109, 112	100а	13, 40
29	33, 104	101	195 197
49	114	102	14
58	99, 133	103	26, 54, 94, 116, 118, 173
63	133	105	14, 58, 59, 79, 119, 129, 132, 133, 134, 136
65	13, 34, 36, 38	106	14, 119
68	109	107	14
75	13, 29, 36, 38	108	14
76	13, 29, 36, 38, 65, 77, 106, 107, 108, 108, 170	110	93
79	167	113	12, 57, 58, 59, 61, 82, 90
79а	14, 40, 41, 167	114	15, 145
85	153	114а	145
85а	153	116	25, 153
87	40	120	14, 153, 164
89	109	128	12, 57, 79, 128, 129, 130, 132, 133, 135, 136, 138
90	153	128а	13, 79, 128, 134, 135, 138
91	159	129	12, 57, 128, 136, 138
92	13, 39, 65, 75, 80	130	13, 128, 138, 140, 141, 142, 143, 144, 166

Статьи.	Страницы.	Статьи.	Страницы.
131	128, 134, 138, 139, 144	184	11, 12, 16, 19, 42, 62, 64, 66, 73, 97, 101, 103, 104, 105, 107, 108, 178
135	147		
136	146		
137	146, 184	185	11, 12, 15, 41, 43, 45, 46, 47, 49, 51, 53, 56, 78, 90, 165
138a	13, 146		
139	13, 143, 146	186	57
139a	13, 146	187	11, 12, 15, 43, 64, 123, 145, 150, 151, 152, 153, 157, 159, 163, 165
140	13, 146		
141	13, 146	188	11, 23, 32, 64, 142, 150, 159, 163, 165, 166
142	104, 105	189	11, 150, 153, 159, 164
147	33	190	11, 145, 150, 164, 165, 167, 168, 169
149	97, 102	190a	11, 150, 168, 169
150	97, 102	190б	11, 154, 150, 165, 163,
153	97	190в	12, 145, 150
157	97, 102, 176	191	11, 145, 150, 164, 167
159	97	192	11, 145, 150, 165, 168, 169
176	23	193	11, 145, 182, 183, 185, 187
177	153	194	11, 12, 98, 145, 151, 171, 172, 174, 176, 177, 178, 179
178	153	195	11, 145, 172, 179, 181
180	11, 12, 16, 19, 41, 62, 64, 66, 73, 74, 80, 90, 94, 117, 165	196	11, 12, 16, 19, 20, 22, 23, 26, 28, 32, 38, 41
180 п. "а"	78, 113	197	11, 16, 19, 20, 22, 29, 31, 32, 36, 38, 164
180 п. "б"	40, 78, 83, 85, 86, 95, 108	198	12, 195, 201, 202, 207
180 п. "в"	78, 87, 88, 89, 95, 101	199	12, 195, 197, 201, 207, 209, 211
180 п. "г"	28, 78, 79, 80, 82, 91	207	14, 39, 54, 55, 61, 62, 111, 114
180 п. "д"	57, 58, 78, 80, 81, 82, 91, 95, 101	208	83
180 п. "е"	57, 58, 78, 80, 82, 91, 95, 101	210	15, 38
180 п. "ж"	78, 80, 85, 86		
180a	41, 59, 62, 65, 78, 89, 90, 91, 165, 170		
181	11, 12, 16, 110, 111, 113, 145		
182	11, 12, 16, 19, 42, 62, 64, 66, 73, 93, 94, 108		
183	11, 12, 16, 42, 62, 64, 66, 73, 93, 94, 96, 178		

Статьи.	Страницы.	Статья	Страницы.
214	15, 65, 66, 96, 103, 170		
215	147		
217	34		
218	34		
220а	120		
226б	153		
<i>Угол. Код. УССР (статьи, не имеющиеся в Угол. Код. РСФСР).</i>			
		70 ^x	13, 147
		102 ^x	14, 39
		125 ⁴	54
		139 ^x	145
		139 ²	13
		139 ³	13, 146
		197 ^x	20, 23, 28, 32, 34, 36
		217 ^x	34
<i>Угол. — Проц. Код. РСФСР.</i>			
		11	195
<i>Гражд. Код. РСФСР.</i>			
		13	74
		21 ^{прим.}	42
		23	115
		33	183
		110	187
		136	187
		213	183
		416	41

Узаконения Раб.-Крест. Прав. РСФСР.

Декр. СНК 26 ноябр. 1918 г. (собр. уз. № 86 ст. 900)	
Декр. СНК 1921 г. (собр. уз. № 53 ст. 313)	196
Уст. жел. дор. 1922 г. (собр. уз. № 38 ст. 519)	136
Пост. III сессии ВЦИК IX созыва 22 мая 1922 г. об основных частных имущ. правах (собр. уз. № 36 ст. 423)	160 195
Пол. о ванн. нал. 1922 г. (собр. уз. № 44 ст. 550)	49
Декр. СНК 3 июля 1922 г. (собр. уз. № 49 ст. 515)	183
Декр. СНК 25 сент. 1922 г. (собр. уз. № 61 ст. 780)	122, 189
Декр. ВЦИК и СНК 10 ноябр. 1922 г. (собр. уз. № 75 ст. 930)	209
Декр. СНК 1 дек. 1922 г. (собр. уз. № 80 ст. 1014)	26
Врем. Прав. о службе в гос. учр. 21 дек. 1922 г. (собр. уз. 1923 № 1 ст. 8)	146
Декр. СНК 5 марта 1923 г. (собр. уз. № 20 ст. 240)	143
Пост. ВЦИК и СНК 10 июля 1923 г. (собр. уз. № 72 ст. 705)	197
Инстр. ВЦИК и СНК 11 июля 1923 г. (собр. уз. № 67 ст. 780)	49, 166
Пост. ВЦИК и СНК 10 октябр. 1923 г. (собр. уз. № 79 ст. 770)	46, 49, 54, 55, 190
Пост. ВЦИК и СНК 14 мая 1924 г. (собр. уз. № 46 ст. 442)	47
Пост. ВЦИК и СНК 14 июля 1924 г. (собр. уз. № 61 ст. 603)	31, 34

Узаконения Раб.-Крест. Прав. СССР.

Пост. ЦИК и СНК 13 июля 1923 г. о недрах земл.	122
Пост. ЦИК и СНК 12 сент. 1924 г. о промышлен- ных образцах	206
Пост. ЦИК и СНК 12 сент. 1924 г. о патентах на изобретение	202
Пост. ЦИК и СНК 30 янв. 1925 г. об основах автор- ского права	196

Оглавление.

	СТРАН.
Предисловие	3
Литературные пособия	5
Введение.	
§ 1. Общее понятие имущественных преступлений	7
Отдел I. Преступления против имущества.	
§ 2. Понятие и виды преступлений против имущества	9
§ 3. Виды имущественных преступлений по Уголовному Кодексу	11
Глава I. Преступления против имущества, как материальной вещи.	
§ 4. Объект преступлений против имущества, как материальной вещи	15
Отделение I. Повреждение имущества.	
§ 5. Понятие повреждения имущества	20
6. Объект повреждения имущества	21
7. Вина и действие в составе повреждения имущества	23
8. Виды повреждения имущества. 1) Повреждение простое	28
9. 2) Общепригодное повреждение; его понятие	29
10. Объект общепригодного повреждения	31
11. Виновность при общепригодном повреждении	32
12. Действие в составе общепригодного повреждения	34

§ 13. 3) Повреждение имущества, предусмотренное в других главах Уголовного Кодекса	37
--	----

Отделение II. Преступное приобретение имущества.

§ 14. Понятие и виды преступного приобретения имущества	41
---	----

Раздел I. Присвоение имущества.

§ 15. Понятие присвоения имущества	45
16. Объект присвоения имущества	47
17. Вина и действие в составе присвоения имущества	51
18. Виды присвоения имущества. 1) Присвоение простое	56
19. 2) Особые виды присвоения: а) должностное присвоение	57
20. б) Проманение воинского имущества	61

Раздел II. Похищение имущества.

21. Понятие похищения имущества	62
22. Законодательная конструкция похищения	64
23. Объект похищения	65
24. Вина при похищении	68
25. Преступное действие в составе похищения	70
26. Виды похищения по Угол. Код.	73
27. I) Кража; ее общий состав	74
28. Виды кражи по Угол. Код.	78
29. 1) Простая кража и ее виды	78
30. 2) Квалифицированная кража и ее виды	83
31. 3) Особые виды кражи	86
32. Хищение имущества	89
33. II) Грабеж; его общий состав и виды	93
34. 1) Грабеж без насилия	94
35. 2) Грабеж насильственный	96
36. III) Разбой. Общий состав преступления	101
37. Особые виды разбоя	105

Раздел III. Прикосновенность к преступному приобретению имущества.

§ 38. Понятие прикосновенности к преступному приобретению имущества	108
§ 39. Покупка заведомо краденого имущества	109
§ 40. Особый вид прикосновенности к приобретению имущества	114

Отделение III. Посягательства на вещь, как на предмет отдельных имущественных прав.

- § 41. Понятие посягательства на вещь, как предмет отдельных имущественных прав 115
- § 42. Виды посягательств на вещь, как предмет отдельных имущественных прав 116

Глава II. Преступления против имущества вообще.

- § 43. Понятие преступлений против имущества вообще . . . 122

Отделение. I Преступное причинение ущерба имуществу.

- § 44. Понятие преступного причинения ущерба имуществу и его виды 124
- § 45. I) Злоупотребление доверием; его общий состав . . . 126
- § 46. Виды злоупотребления доверием по Уголовному Код. 128
- § 47. 1) Бесхозяйственность 129
- § 48. 2) Заключение убыточных для государства договоров 134
- § 49. 3) Расточение государственного имущества аренда-
тором 136
- § 50. 4) Выдача вещей не по назначению 138
- § 51. II. Неисполнение договоров 139
- § 52. III. Наказуемые сделки 144

Отделение II. Преступное приобретение имущества.

- § 53. Понятие преступного приобретения имущества вообще и его виды 147

Раздел I. Мошенничество.

- § 54. Понятие мошенничества 149
- § 55. Общий состав мошенничества 150
- § 56. Обман, как способ действия в мошенничестве . . . 152
- § 57. Способ совершения обмана 158
- § 58. Преступное действие в составе мошенничества . . . 162
- § 59. Виды мошенничества. 1) Простое и 2) тяжкое мошен-
ничество 165
- § 60. Особые виды мошенничества 167

Раздел II. Вымогательство.

§ 61. Понятие вымогательства	171
§ 62. Общий состав вымогательства	172
§ 63. Шантаж, как вид вымогательства	178

Раздел III. Ростовщичество.

§ 64. Понятие ростовщичества	182
§ 65. Общий состав ростовщичества	184
§ 66. Особые виды ростовщичества	189

Отдел II. Преступления против нематериальных благ.

§ 67. Понятие нематериальных благ	192
---	-----

Глава I. Посягательства на авторское право.

§ 68. Охрана авторского права по советскому законодательству	195
§ 69. Общий состав преступлений против авторского права по Угол. Код.	197

Глава II. Преступления против права промышленной собственности.

§ 70. Понятие и виды преступлений против права промышленной собственности	201
§ 71. I) Посягательства на право изобретателя	201
§ 72. II) Посягательства на промышленный образец	206
§ 73. III) Посягательства на товарный знак	208
§ 74. IV) Посягательства на фирму	211
Алфавитно-предметный указатель	213
Постатейный указатель	218